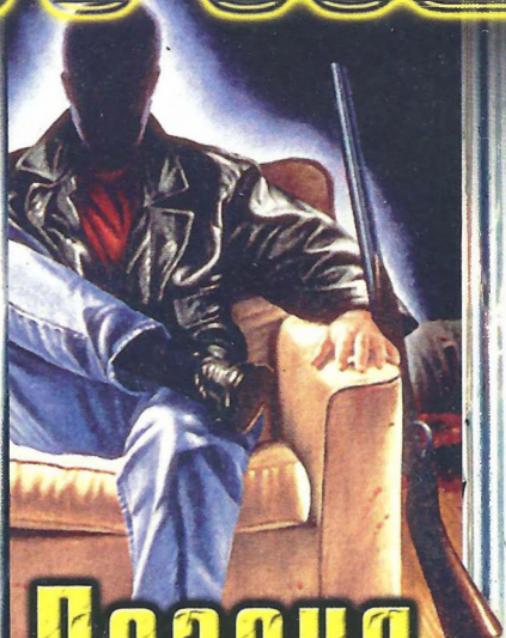

**ДИКИЙ
ПОГОНЯ**

**ДИКИЙ
ПОГОНЯ**

**ДИКИЙ
ПОГОНЯ**

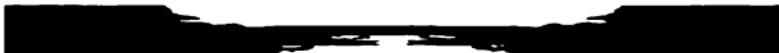

**ДИКИЙ
ПОГОНЯ**

DEAN R.
KOONTZ

Chase

A Novel

ЭЧЧ
КУНЧ

Погоня

Роман

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2003

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
К91

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

*Иллюстрация на обложке печатается
с разрешения художника
и литературного агента А. Корженевского*

Перевод на русский язык
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

Художественное оформление
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-227-01213-X

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Бобу Хоскинсу

Предисловие

«Погоня» — мой первый остросюжетный роман, написанный, когда мне исполнилось двадцать пять, и опубликованный год спустя. Как и роман «Сокрушенный», «Погоня» была впервые опубликована издательством «Рэндом-Хаус» под псевдонимом К.Р. Дуайер, от которого я позднее отказался. Я счастлив, что теперь наконец на титуле стоит мое подлинное имя. Эти два романа многократно переводились, публиковались и перепечатывались, и я всегда жалел, что скрылся за псевдонимом Дуайер. Теперь эта оплошность исправлена.

Хотя «Погоня» и «Сокрушенный» — самостоятельные произведения и в них нет общих героев или сюжетных линий, они объединены тематически и могут быть представлены как двухтомное исследование общественной и психологической ситуации, сложившейся в США в начале 70-х годов. В то время страну потрясали антивоенные протесты и акции гражданского неповиновения (порою совсем не мир-

ного характера), накаляя атмосферу до всеобщего психоза. Бенжамин Чейз («Погоня») и Алекс Дойл («Сокрушенный») учатся недоверию к власти; они оба приходят к пониманию, что политики — левого ли, правого ли толка — не в состоянии решить их личных проблем. И тот и другой герой находят выход в убежденности, что самая большая добродетель — это полагаться только на самого себя.

«Погоня» — в первую очередь триллер. Как я, так и без сожаления похороненный мною мистер Дуайер, надеемся, что вы найдете его захватывающим.

Дин Кунц

Оранж, Калифорния

Глава 1

В семь часов Бену Чейзу, сидевшему на подиуме в качестве почетного гостя, был подан невкусный парадный обед, во время которого разные высокопоставленные персоны обращались к нему с обеих сторон, то и дело нависая над его салатом и вазочкой с недоеденными фруктами. В восемь часов поднялся мэр, чтобы произнести нудный панегирик в честь их выдающегося горожанина, героя вьетнамской войны, и по завершении получасовой речи преподнес Чейзу красочно оформленный свиток с подробным перечнем его героических свершений и провозглашением гордостью города. Вслед за этим Чейзу преподнесли ключи от нового «мустанг» с откидным верхом — совсем неожиданный для него дар Ассоциации торговцев.

В половине десятого Чейза торжественно препроводили из ресторана «Железный чайник» к стоянке, где его ждал новый автомобиль — сверкающий черным лаком, красиво

оттененным алыми гоночными полосами на багажнике и капоте и красными маркировочными линиями по обеим сторонам. Это была машина с восьмицилиндровым двигателем и с полной экипировкой, которую полагается иметь спортивной модели, включая автоматическую коробку передач, глубокие, точно ковши, сиденья, боковые зеркала и белые шины. В десять минут одиннадцатого, сфотографировавшись для газет с мэром и представителями Ассоциации торговцев и выразив благодарность всем присутствующим, Чейз укатил в дареном автомобиле.

В двадцать минут одиннадцатого он проехался по улицам пригорода под названием Эшсайд со скоростью чуть больше ста миль в час при дозволенных сорока, пересек трехрядный бульвар Галасио на красный свет, четырьмя кварталами дальше заложил на повороте такой крутой вираж, что на миг потерял управление и сшиб дорожный знак. В десять тридцать он несся по длинной, круто уходящей вверх Канакауэй-Ридж, соображая, сможет ли выжать из своего «мустанга» больше ста миль до самого конца подъема. Игра становилась опасной: он мог запросто разбиться, но ему было наплевать. Однако то ли на двигателе стоял ограничитель, то ли машина не была предназначена для таких выкрутасов, но получилось не так, как ему хотелось. Хотя он до предела выжимал акселератор, стрелка спидометра упрямо замерла на восьмидесяти

и сползла до семидесяти, когда он одолевал подъем. Сняв ногу с педали газа, Чейз расслабился и позволил машине скользить по ровной двухрядной дороге, которая взбиралась на вершину хребта, главенствующего над городом.

Справа от дороги резко уходила вверх отвесная скальная стена, а слева на пятьдесят ярдов, до самого ограждения у края обрыва, простиравшаяся травянистая обочина, поросшая кустарником. Внизу открывалась феерическая панорама — мириады огней, точно на электрифицированной карте. Они вычерчивали пунктир улиц, то прямых, то извилистых, стекались в сияющие озерца у центра и возле ворот Торгового района. Влюбленные, в основном подростки — как могли не дрогнуть их сердца от захватывающего дух зрелища, — парковались здесь вечерней порой, отделенные друг от друга рядами сосенок и купами терновника. Восхищение городом пробуждало нежные чувства и по несколько раз за ночь бросало их в объятия друг друга.

В свое время Чейз тоже испытал это.

Он подогнал машину к обочине, затормозил и выключил двигатель. На мгновение тишина ночи показалась непроницаемой, глубокой, звенящей. Потом он различил треск сверчков, уханье совы где-то поблизости, голоса и смех молодых людей, приглушенные стеклами автомобилей.

Этот смех заставил Чейза задуматься. А зачем он, собственно, сюда приехал? Да просто

ему стало тошно от мэра, Ассоциации торговцев и всего остального. Ему вовсе не хотелось этого банкета, и пошел он только потому, что не подыскал подходящей причины, чтобы вежливо отмотаться. Столкнувшись же с доморощенным патриотизмом городских властей, с их славными представлениями о войне, он почувствовал, будто невидимый груз придавил его к земле. Может быть, особо тягостные чувства он испытывал из-за того, что еще не так давно сам был точно таким? Во всяком случае, с облегчением избавившись от их общества, он направился именно сюда, в ту часть города, которая, на его взгляд, олицетворяла радость и покой, — в долину влюбленных над Канакаузем, вызывающую у горожан столько шуток. Но никакого покоя он здесь не нашел. Тишина только будоражила воспоминания, позволяла вновь нахлынуть гнетущим мыслям, которые он старательно подавлял. А радость? И радости никакой не было, потому что он приехал без девушки, — да и пригласи он девушку, вряд ли бы ему стало веселее.

В затененном парке среди кустов притулилось полдюжины автомобилей; лунный свет поблескивал на бамперах и стеклах. Если бы он не знал, зачем сюда приехали молодые люди, подумал бы, что все машины пусты. Но он отлично это знал; к тому же слегка запотевшие изнутри стекла выдавали присутствие парочек. То и дело в какой-нибудь из машин скользила тень, увеличенная и искаженная за-

туманенным стеклом. И больше никакого движения вокруг, только эти бестелесные тени, да время от времени шорох листьев под порывами ветра, налетающего с вершины холма.

Возможно, из-за статичности сцены, на которую он равнодушно взирал, его глаза сразу же подметили нечто движущееся. Какая-то тень метнулась с обломка скалы слева и украдкой стала пробираться к островку тьмы, сгустившейся под большой плакучей ивой в нескольких сотнях футов от машины Чейза. Это явно был человек, он двигался с дикой грацией настороженного животного, согнувшись в три погибели.

Во Вьетнаме у Чейза развилось нечто вроде шестого чувства, необъяснимое ощущение близости опасности. Сейчас он испытывал как раз такую тревогу.

Что делает одинокий пеший мужчина в аллее влюбленных? Автомобиль для здешних за всегдатаем был постелью на колесах, этаким неотъемлемым атрибутом ритуала соблазнения, и ни один современный Казанова без нее не возымел бы успеха.

Конечно, вполне возможно, что этот человек пришел поразвлечься: попугать парочки в свое удовольствие. Чейз в юности не раз оказывался жертвой подобной игры и хорошо о ней помнил. Однако такие забавы обычно были уделом молокососов или же слишком некрасивых ребят — тех, кто не имел шанса оказаться внутри машины, где вершились на-

стоящие дела. Взрослых, насколько знал Чейз, такая чепуха не интересовала. А этот мужчина, футов шести ростом, явно был взрослым, в его фигуре не чувствовалось юношеской угловатости. К тому же подглядывать обычно ходили компанией, чтобы какой-нибудь из застигнутых врасплох любовников не набил, чего доброго, любопытному морду. Нет, здесь крылось что-то другое. Чейз был уверен.

Мужчина выступил из укрытия под ивой, пригнувшись, добежал до терновых зарослей, остановился и стал рассматривать трехлетний «шевроле», припаркованный у самых оградительных перил.

Не совсем понимая, что происходит и как ему следует поступить, Чейз перегнулся через сиденье, снял плафон со светильника на потолке и, вывернув крошечную лампочку, спрятал ее в карман. Когда он снова повернулся вперед, то увидел, что мужчина стоит на прежнем месте и смотрит на «шевроле», облокотясь на терновник, будто на нем вовсе и нет колючек.

В ночном воздухе послышался звонкий девичий смех. Видно, кому-то из любовников стало жарко в машине с закрытыми окнами.

Мужчина, затаившийся возле терновника, снова двинулся по направлению к «шевроле».

Страяясь не шуметь — ведь тот человек был не более чем в ста пятидесяти футах от него, — Чейз открыл дверцу и вышел из «мустанга». Дверцу он оставил открытой, будучи уверен,

что, если закроет ее, стук спугнет незнакомца. Он потихоньку обошел вокруг машины и двинулся вперед по траве, недавно подстриженной и слегка влажной, а потому скользкой.

В «шевроле» зажегся свет, показавшийся тусклым из-за запотевших окон. Кто-то вскрикнул, потом послышался вопль девушки. Пауза — и снова вопль.

Чейз сначала шел не спеша, теперь же пропустился со всех ног: он явственно слышал звуки борьбы. Почти подбежав к «шевроле», он увидел, что дверца со стороны водителя распахнута, а незнакомец наполовину протиснулся в салон и молотит кого-то что есть силы. Тени метались из стороны в сторону, вниз и вверх на фоне запотевшего стекла.

— Стой! — крикнул Чейз.

Мужчина отпрянул, и Чейз увидел у него нож. Тот держал его в правой руке, как будто собирался во что-то вонзить. Рука и оружие были залиты кровью.

Чейз одним прыжком преодолел разделявшие их несколько футов и прижал человека к машине. Затем, обхватив его за шею согнутой в локте рукой, резко запрокинул ему голову назад и отбросил противника на траву.

Девушка в «шевроле» продолжала кричать.

Незнакомец вырывался и размахивал рукой, пытаясь ткнуть Чейза в бедро острием ножа. Чейз сразу понял: перед ним явно не профессионал. Он чуть изогнулся, уворачиваясь, и еще крепче сжал мужчине горло.

Вокруг стали заводиться машины. Заподозрив, что в аллее влюбленных случилась история не из приятных, подростки поспешили убраться от греха. Никто не желал выяснять, что происходит.

— Брось нож, — потребовал Чейз.

Незнакомец хотя и задыхался, но все-таки наугад ткнул ножом — и в очередной раз промахнулся.

Чейза захлестнула ярость. Он так тряхнул человека, что приподнял его над землей и придушил бы, но подвела мокрая трава. Чейз поскользнулся, потерял равновесие и упал, увлекая за собой противника; на этот раз нож угодил-таки Чейзу в бедро и тут же вылетел из руки нападавшего. Чейз инстинктивно отшатнулся и отшвырнул его в сторону.

Человек перекатился на траве и вскочил на ноги. Он сделал несколько шагов в сторону Чейза в поисках ножа, но, похоже, внезапно понял, что с этим противником шутки плохи, и кинулся наутек.

— Остановите его! — крикнул Чейз.

Однако почти все ближайшие машины уехали. А водители тех, что еще стояли у скалы, отреагировали на его возглас так же, как их более робкие приятели на первые крики: в машинах загорелся свет, затем взревели моторы, завизжали шины, выезжая на тротуар. Через минуту в аллее влюбленных остались только «шевроле» и «мустанг» Чейза.

Нога сильно болела, но на сей раз он отдался легко. Неоднократно ему доставалось и покруче. При свете, падавшем из салона «шевроле», он видел, что кровь идет медленно, это, слава Богу, не ритмичный фонтан, бьющий из поврежденной артерии. Он поднялся и даже сумел идти.

Чейз проковылял к машине, заглянул внутрь и тут же пожалел об этом. Распростертное тело молодого человека лет девятнадцати или двадцати наполовину сползло с сиденья на пол. Судя по обилию крови, которая текла из не менее чем двух десятков ножевых ран и залила его с ног до головы, он наверняка мертв. На соседнем сиденье жалась спиной к дверце маленькая брюнетка, года на два моложе своего парня, и тихонько подвывала; ее руки с таким напряжением стискивали колени, что напоминали звериные лапы, вцепившиеся в добычу. На ней была только розовая мини-юбка — ни блузки, ни лифчика. Маленькие груди испачканы кровью, соски затвердели.

Странно, подумал Чейз, что, несмотря на весь ужас представившейся ему картины, в глаза бросилась эта подробность.

— Оставайся на месте, — сказал Чейз. — Я приду за тобой.

Она не ответила, продолжая подвывать.

Чейз собрался было захлопнуть дверцу со стороны водителя, но сообразил, что оставит брюнетку без света наедине с трупом. Он обошел машину, опираясь на капот, чтобы ща-

дить раненую ногу, и открыл дверцу с ее стороны. Вероятно, эти ребята считали, что замки для дураков. Это, думал он, порождение оптимизма, психологии, свойственной их поколению, всех их теорий свободной любви, взаимного доверия и всеобщего братства. Они стремились жить такой полной жизнью, что чуть ли не отрицали существование смерти. Однако выражение лица брюнетки красноречиво говорило, что она вряд ли попытается впредь что-либо отрицать.

— Где твоя блузка? — спросил Чейз.

Девушка уже не смотрела на труп, но и на него тоже не смотрела. Она тупо уставилась на побелевшие суставы своих рук, вцепившихся в колени, и что-то бормотала.

Чейз пошарил на полу у нее под ногами и нашел скомканную блузку.

— Надень-ка, — сказал он.

Она не взяла блузку, по-прежнему продолжая бормотать.

— Ну, послушай... — начал Чейз как можно мягче. Он прекрасно понимал, что убийца мог быть поблизости.

Она, казалось, пытается что-то сказать, хотя голос звучал еще тише, чем прежде. Нагнувшись, чтобы расслышать, он понял, что она повторяет:

— Не трогайте меня. Пожалуйста.

— Я и не собираюсь трогать тебя, — сказал Чейз, выпрямляясь. — Это не я убил твоего парня. Но тот, кто это сделал, наверное,

где-то неподалеку. Моя машина стоит на дороге. Пойдем со мной.

Девушка подняла на него глаза, замигала, потрясла головой и выбралась из машины. Протянутую им блузку она расправила и встряхнула, но, похоже, не могла надеть — не оправилась еще от шока.

— Наденешь в моей машине, — решил Чейз. — Там безопаснее.

Тени под деревьями спустились и казались зловещими. Он обнял ее за плечи и чуть ли не поволок к «мустангу». Дверца со стороны пассажира была заперта. Пока он вел ее к другой дверце, вталкивал в машину и лез следом, она вроде бы слегка оправилась, просунула в рукав одну руку, потом другую и медленно застегнула блузку. Бюстгальтера она, очевидно, не носила. Когда он закрыл и запер дверцу, а затем завел мотор, она спросила:

— Вы кто?

— Прохожий, — ответил он. — Я случайно увидел этого типа, он показался мне подозрительным.

— Он убил Майка, — произнесла она.

— Это твой парень?

Девушка не ответила и откинулась на спинку сиденья, кусая губы и рассеянно стирая с лица пятна крови.

Чейз развернул машину и промчался по Канакаэй-Ридж-роуд с той же скоростью, с какой приехал, заложив внизу такой крутой вираж, что его попутчица сильно ударилась о дверь.

— Пристегни ремни, — велел он.

Она механически сделала так, как он сказал, но, похоже, оставалась все в том же оцепенении, устремив невидящий взгляд сквозь лобовое стекло на улицы, расстилавшиеся впереди.

— Кто это был? — спросил Чейз, когда они подъехали к перекрестку на бульваре Галасио и остановились у светофора.

— Майк, — сказала она.

— Да не твой парень. Тот, другой.

— Не знаю, — ответила девушка.

— Ты видела его лицо?

Она кивнула.

— И не узнала?

— Нет.

— Я, честно говоря, подумал, что это твой бывший любовник или, скажем, отвергнутый ухажер, ну, ты понимаешь...

Девушка промолчала.

Она явно не желала говорить, и Чейз, оставив свои бесполезные попытки завязать разговор, задумался. Вспоминая, как убийца пробирался по парку, он размышлял, нужна ли тому была какая-то определенная машина или ему подошла бы первая попавшаяся; что это, акт мести, направленный лично против Майка, или поступок сумасшедшего? В былые времена, еще до того, как Чейза отправили за океан, газеты пестрели историями о бессмысленных убийствах. После демобилизации он газет не читал, но подозревал, что ничего не изменилось. Ему стало не по себе: слишком уж все происход-

шее сегодня походило на его участие в операции «Жюль Верн» во Вьетнаме. В душе зашевелились прежние дурные воспоминания.

Спустя пятнадцать минут после того, как они тронулись с вершины хребта, Чейз остановил машину у полицейского участка на Кенстингтон-авеню.

— Ты сможешь говорить с ними? — спросил он.

— С полицейскими?

— Да.

Девушка пожала плечами:

— Думаю, да. — Она оправилась на удивление быстро. Теперь ее даже хватило на то, чтобы попросить у Чейза карманную расческу и несколько раз провести ею по своим темным волосам. — Как я выгляжу?

— Прекрасно, — ответил он, думая, что лучше вообще обойтись без подруги, чем иметь такую, которая в случае чего горевала бы так недолго. — Пошли.

Она открыла дверцу и вышла; ее стройные аккуратные ножки замелькали под короткой юбкой.

Дверь маленькой серой комнаты открылась, и вошел тоже маленький и столь же серый человечек. Лицо его избороздили морщины, глаза ввалились, как будто он не спал сутки, а то и двое. Растрепанный. Светло-каштановые волосы давно нуждались в стрижке. Он подошел

к столу, возле которого сидели Чейз с девушкой, уселся на единственный свободный стул, вжавшись в него так, словно никогда больше не собирался вставать, и представился:

— Я — детектив Уоллес.

— Рад познакомиться, — сказал Чейз, хотя на самом деле особой радости не испытывал.

Девушка молча рассматривала свои ногти.

— Ну, так что же случилось? — спросил Уоллес, сложив руки на исцарапанном столе и глядя по очереди на каждого из них, совсем как священник или советник.

— Я уже все рассказал дежурному сержанту, — заявил Чейз.

— Он не занимается убийствами. Их расследую я, — заметил Уоллес. — Так кого убили и как?

Чейз стал объяснять:

— Ее дружка, ножом.

— Она не может говорить?

— Почему же, могу, — сказала девушка.

— Как вас зовут?

— Луиза.

— А фамилия?

— Элленби. Луиза Элленби.

Уоллес спросил:

— Вы живете в городе?

— В Эшсайде.

— Сколько вам лет?

Она резко вскинула на него глаза — вот-вот вспылит, потом снова перевела взгляд на свои ногти.

— Семнадцать.

— Школьница?

— В июне окончила школу, — сказала она. —

Осенью собираюсь поступать в колледж, в Пени-Стейт.

Уоллес спросил:

— Как звали парня?

— Майкл, Майкл Карнс.

— Просто дружок, или вы были помолвлены?

— Дружок, — сказала она. — Мы ходили вместе около года, вроде бы постоянно.

— Что вы делали на Канакауэй-Ридж-роуд? — поинтересовался Уоллес.

Она посмотрела на него, на этот раз спокойно:

— А как по-вашему?

— Слушайте, — вмешался Чейз, — неужели это необходимо? Девушка ни при чем. Наверное, человек с ножом следующей ударил бы ее, не вмешайся я вовремя.

Уоллес повернулся к Чейзу и спросил:

— А как вы, собственно говоря, там очутились?

— Просто катался, — ответил Чейз.

Уоллес испытующе смотрел на него несколько секунд, потом спросил:

— Ваша фамилия?

— Бенжамин Чейз.

— То-то мне показалось, что я видел вас раньше. — Тон детектива сразу смягчился. — Ваша фотография была сегодня в газетах.

Чейз кивнул.

— Вы там действительно много сделали, — сказал Уоллес. — Для этого требовалось мужество.

— Гораздо меньше, чем раздувают газетчики, — сказал Чейз.

— Ну конечно! — согласился Уоллес, хотя было совершенно ясно, что он думает, будто на самом деле сделано гораздо больше.

Он повернулся к девушке, которая теперь с интересом искоса разглядывала Чейза. Тон сыщика по отношению к девушке тоже изменился.

— Вы не хотите рассказать мне, что же все-таки случилось?

Она принялась рассказывать, время от времени теряя самообладание. Два раза Чейзу казалось, что она вот-вот заплачет, и ему, признаться, даже хотелось этого. От ее спокойствия — ведь с момента трагедии прошло так мало времени — ему было не по себе. Возможно, она по-прежнему пытается отрицать существование смерти. Луиза сдержала слезы и, закончив рассказ, полностью овладела собой.

— Вы видели его лицо? — спросил Уоллес.

— Да.

— Можете его описать?

— Вообще-то нет, — сказала она. — У него, по-моему, карие глаза.

— Усов, бороды нет?

— Вроде нет.

— Волосы на висках длинные или короткие?

— Кажется, короткие.
— Шрамы?
— Нет.
— А что-нибудь из его внешности запомнилось? Овал лица, лысина, какая-нибудь особая примета?

— Не помню, — вздохнула она.
— Я нашел ее в шоковом состоянии, — встал Чейз. — Вряд ли она что-нибудь могла разглядеть и запомнить.

Вместо того чтобы с благодарностью подтвердить это, Луиза бросила на него сердитый взгляд. Он с опозданием вспомнил, что для девушки ее возраста самым позорным считается потерять самообладание, не справиться с ситуацией. Он ведь выдал ее минутную слабость не кому-нибудь, а полицейскому. Теперь не жди от нее благодарности, пусть даже ты спас ей жизнь.

Уоллес поднялся.

— Пойдемте, — сказал он.
— Куда? — поинтересовался Чейз.
— Поедем туда с экспертами.
— Это необходимо?
— Да, мне надо получить от вас обоих более подробные показания. На месте преступления, мистер Чейз, вам легче будет вспомнить какие-нибудь детали. — Он улыбнулся, как будто вспомнив, кто такой Чейз, и сказал: — Это займет немного времени. Вот девушку придется задержать дольше, чем вас.

Чейз дождался, когда сможет наконец уехать, расположившись на заднем сиденье полицейского фургона, припаркованного в тридцати футах от места убийства, когда появилась машина с газетчиками. Из нее вышли репортер и два фотографа. Только сейчас до Чейза дошло, во что они превратят эту историю. Какого сделают из него героя. Еще раз.

— Простите, — сказал он Уоллесу, — а нельзя ли не информировать газетчиков о том, кто помог девушке?

— Почему?

— Признаться, я устал от репортеров, — сказал Чейз.

— Но вы спасли ей жизнь.

— Я не хочу с ними разговаривать, — настаивал он.

— Ваше дело, — ответил Уоллес. — Но, боюсь, они непременно захотят узнать, кто помешал убийце. Это будет указано в отчете, а отчет доступен для прессы.

Позже, когда он закончил с Уоллесом все дела и выходил из машины, чтобы присоединиться к офицеру, который должен был отвезти его обратно в город, девушка тронула его за плечо.

— Спасибо, — сказала она.

В тот же миг фотограф сделал снимок: вспышка, казалось, длилась вечно.

Сидевший за рулем машины подвозивший Чейза в город офицер в форме, представившийся Доном Джоунзом, оказался весьма сло-

воохотлив. Он читал о Чейзе в газете и хотел бы получить автограф для своих детей. Чейз расписался на обороте полицейского бланка для отчета об убийстве и, по просьбе Джоунза, приписал: «Для Рика и Джуди Джоунз!» Общительный полицейский прямо-таки засыпал его вопросами о Вьетнаме, на которые Чейз старался отвечать как можно лаконичнее.

Пересев возле полицейского участка в свой «мустанг», он поехал медленнее, чем раньше. Теперь былая злость сменилась безмерной усталостью.

В половине первого ночи он поставил машину перед домом миссис Филдинг, ощущив облегчение оттого, что свет в окнах не горел. Он отпер входную дверь так тихо, насколько позволял допотопный замок, успешно миновал почти все скрипучие ступеньки на лестнице и наконец прокрался в свое чердачное жилье — большую комнату, служившую одновременно кухней, спальней, гостиной, гардеробной и ванной. Он с облегчением запер за собой дверь. Ему, слава Богу, сегодня не пришлось разговаривать с миссис Филдинг, а посему он избежал необходимости лицезреть ее вечно расстегнутый до середины обвисшей и совершенно неаппетитной груди домашний халат, удивляясь при этом, почему в ее возрасте позволительно проявлять такую нескромность, пусть даже по небрежности.

Чейз разделся, вымыл лицо и руки, осмотрел ножевую рану на бедре, о которой не удо-

сужился упомянуть в полиции. Рана оказалась неглубокой и с уже запекшейся кровью. Скорее походила на царапину. Он промыл ее, продезинфицировал спиртом, наложил сверху мертвиолат. В комнате он закончил лечение, налив себе виски с двумя кубиками льда и плюхнувшись на кровать со стаканом этого чудодейственного средства в руке. Ежедневно он поглощал его в неимоверных количествах. Однако сегодня, из-за проклятого банкета, пришлось воздержаться. Когда Чейз напивался, он снова чувствовал себя человеком с чистой совестью. Да, только наедине с бутылкой хорошего виски.

Он как раз наливал в те же растаявшие кубики льда вторую порцию, когда раздался телефонный звонок.

Поселяясь в этой квартире, он пытался отказаться от телефона. Ему никто звонить не будет, а сам он не хочет ни с кем общаться. Однако миссис Филдинг ему не поверила и, предвидя ситуацию, когда ей придется бегать на чердак, чтобы подозвать к телефону своего постояльца, настояла на отводной трубке в его комнате, включив данное условие в договор.

Это случилось задолго до того, как она узнала, что Чейз герой. И даже до того, как он сам узнал об этом.

Несколько месяцев кряду телефон молчал, разве что сама домовладелица звонила ему снизу, дабы сообщить, что доставлена почта, или пригласить на обед. Однако после объяв-

ления из Белого дома, после всей шумихи по поводу медали, ему стали звонить по два-три раза в день, как правило, совершенно незнакомые люди. Однисыпали его ненужными поздравлениями, другие просили об интервью для разных изданий, которые он никогда не читал. Обычно он всех отшивал. До сих пор никто не звонил ему среди ночи, но он все равно уже понял: с покоем, к которому он привык в доме за первые месяцы после демобилизации, покончено навсегда.

Сначала он не собирался подходить к телефону, смакуя виски и с нетерпением ожидая, когда он перестанет наконец дребезжать. Однако после шестнадцатого звонка решил, что звонящий куда терпеливее его, и снял трубку:

- Алло?
- Чейз?
- Да.
- Ты меня узнаешь?

— Нет, — сказал он, слыша незнакомый голос. Голос звучал устало и мог принадлежать какому угодно мужчине: от шестнадцати до шестидесяти лет, толстому или худому, высокому или низкому.

— Как нога, Чейз? — В голосе звучала издевка, хотя Чейз не понимал ее причины.

— Нормально, — ответил Чейз. — Даже, можно сказать, хорошо.

- А ты мастак драться.

Чейз промолчал, он буквально лишился дара речи, начав понимать, что это за звонок.

— Очень здорово орудуешь руками, — продолжал голос. — Тебя, наверное, в армии научили.

— Да, — выдавил Чейз.

— Думаю, тебя много чему научили в армии, так что ты можешь постоять за себя.

— Так это ты и есть? — спросил Чейз.

Человек на том конце провода засмеялся, и усталость в его голосе тут же исчезла.

— Да, это я, — подтвердил он. — У меня вся шея в синяках, и к утру, похоже, останусь совсем без голоса. Не считая этого, я отделался столь же легким испугом, как и ты, Чейз.

С ясностью мысли, присущей ему в моменты опасности, Чейз вспомнил поединок с убийцей на траве у «шевроле» и попытался представить себе лицо того человека. Но и теперь, когда старался для себя, преуспел не больше, чем в полиции. Тогда он поинтересовался:

— Откуда ты узнал, что это я остановил тебя?

— Видел твое фото в газете, — признался человек. — Ты же герой войны. Твои фотографии последнее время повсюду. Разыскивая нож — ты как раз лежал на спине, — я узнал тебя и поскорее смылся.

— Кто ты? — спросил Чейз.

— Ты что же думаешь, я тебе скажу? — Голос звучал с явной издевкой.

Чейз совершенно забыл о своем виски. Тревожные звонки, проклятые тревожные звонки

у него в мозгу дребезжали на полную громкость. Прямо как фанфары в день национального праздника. Чейз сказал:

— Чего ты хочешь?

Незнакомец молчал так долго, что Чейз уже собрался было переспросить. Внезапно, уже без насмешки в голосе, убийца произнес:

— Ты влез туда, куда не имел права влезать. Не представляешь, скольких трудов мне стоило правильно выбрать из этой компании юных прелюбодеев тех, кто более других заслуживал смерти. Я планировал свое возмездие неделями, Чейз, и тот молодой греховодник понес заслуженную кару. Осталась девица. К несчастью, ты появился прежде, чем я успел исполнить свой долг, и спас эту шлюху, которая не имеет никакого права на пощаду.

— Вы нездоровы, — сказал Чейз. Он понял абсурдность этих слов в тот самый миг, когда произнес их, но, похоже, убийца так ошарашил его, что ничего, кроме банальности, на ум не приходило.

— Я просто хотел сказать вам, мистер Чейз, что дело на этом не кончается, отнюдь нет. — Убийца то ли не рассышал слов Чейза, то ли притворился, будто не рассышал.

— Что все это значит?

— Я рассчитываюсь с тобой, Чейз, как только узнаю о тебе достаточно, чтобы определить, какой именно ты заслуживаешь кары. Потом, когда ты расплатишься, я рассчитываюсь со шлюхой — с той девчонкой.

— Рассчитаешься? — переспросил Чейз. Эвфемизм напомнил ему все подобные словесные ухищрения, к каким он привык во Вьетнаме. Он почувствовал себя гораздо старше, чем был на самом деле, и гораздо более усталым, чем минуту назад.

— Я убью тебя, Чейз. Покараю за все грехи, которые ты совершил, и за то, что ты влез туда, куда не имел права лезть. — Он немного помолчал. — Ты меня понял?

— Да, но...

— Я еще позвоню тебе, Чейз.

— Слушай, если...

Человек повесил трубку.

Чейз тоже положил трубку на рычаг и откинулся на спинку кровати. Он ощутил, что руке его холодно и неудобно, взглянул и с удивлением увидел стакан виски. Он поднес его к губам и отхлебнул добрый глоток. Напиток слегка горчил.

Нужно решать, что делать.

Конечно, полицию заинтересует этот звонок — единственная ниточка, протянувшаяся к человеку, убившему Майкла Карнса. Они, вероятно, станут прослушивать линию, дабы засечь убийцу, если он позвонит еще раз, — тем более что он и сам сказал о таком намерении. Может быть, они даже поместят в комнате Чейза полицейского и уж наверняка приставят к нему шпика — как для его безопасности, так и в надежде поймать убийцу, который намерен убить вторую жертву. Но...

В последние несколько недель, после того как все узнали о его медали за доблесть, повседневные привычки Чейза пошли прахом. Он привык к полному одиночеству — только пара фраз с продавцами в магазинах и с миссис Филдинг, домовладелицей. По утрам он ездил в центр города: завтракал у Булворта, покупал книжку в бумажной обложке, иногда и журнал — но только не газету — и все, что ему было необходимо; два раза в неделю посещал магазин, торгующий спиртным. Последополуденные часы он просиживал в парке, глазея на девушек в коротких юбках, направляющихся перекусить в обеденный перерыв, потом ехал домой и проводил остаток дня в своей комнате. Долгими вечерами он читал и пил. Когда темнело и шрифт становился трудноразличим, он включал маленький телевизор и смотрел старые фильмы, которые помнил почти наизусть. Около одиннадцати вечера он приканчивал свою дневную бутылку, иногда съедал легкий ужин и ложился спать.

Скромный образ жизни, ничего не скажешь, не об этом он когда-то мечтал, но вполне подходящий — надежный, легкий, свободный от сомнений и неопределенности, от необходимости делать выбор и принимать решения, которые могли привести к новому срыву. Потом, когда АП и ЮПИ растрезвили о герое Вьетнама, отказавшемся лично явиться в Белый дом для церемонии награждения медалью за доблесть (хотя от самой ме-

дали он не отказывался, поскольку чувствовал, что тем самым создаст себе такую рекламу, какой попросту не вынесет), у него не стало для этой простой жизни ни времени, ни возможностей.

Он кое-как вынес шумиху, сантименты и восторги. Старался по возможности уклоняться от интервью, однозначно разговаривал по телефону. Единственное, из-за чего ему пришлось покинуть комнату, был этот идиотский банкет — и он вытерпел его только благодаря сознанию, что, как только все кончится, он вернется на свой чердак, к устоявшейся жизни, лишенной событий, из которой его против воли вырвали.

Происшествие в аллее влюбленных нарушило его планы. Какой уж тут покой. Газеты снова раздуют шумиху. Он уже представлял себе передовицу с фотографиями. Снова пойдут звонки, поздравления, снова придется отшивать интервьюеров. Правда, потом, через неделю-другую, вся эта суматоха стихнет — и жизнь снова потечет как раньше, тихо и легко.

Он снова отхлебнул из стакана. На этот раз вкус виски показался ему лучше.

Однако его выдержка не беспредельна. Еще две недели газетных репортажей, телефонных звонков, деловых и брачных предложений — и скучные запасы его терпения иссякнут. А если в это время придется еще и делить комнату с полицейскими да ходить всюду чуть ли не под

конвоем, он просто не сможет удержаться от срыва. Чейз уже чувствовал, как его понемногу захлестывает та самая смутная пустота, которую он так остро ощущал в госпитале, та же утрата цели, нежелание жить дальше. Он должен побороть эти упаднические настроения любой ценой. Даже если для этого потребуется скрыть информацию от властей.

Нет, он не сообщит полиции о звонке.

Чейз допил виски, подошел к буфету и снова плеснул в стакан жидкости из темной бутылки.

В конце концов, вряд ли угрозы убийцы стоит воспринимать всерьез. Он конечно же сумасшедший — ни один нормальный человек не нападет на парочку в машине и не располовсует одного из них чуть ли не на части длинным мясницким ножом. Конечно, безумцы опасны, но они редко воплощают в жизнь свои маниакальные идеи. По крайней мере, Чейз так думал.

Он понимал, что скрывает от полицейских след, контакт, которым они могли бы успешно воспользоваться. Но полицейские ведь не дураки, они найдут этого типа и без помощи Чейза. У них есть отпечатки пальцев с дверцы «шевроле», с ручки ножа, которым совершено убийство, они знают, что у убийцы горло в синяках и из-за этого сильный ларингит. А сообщение об анонимном звонке вряд ли так уж важно при их эффективных методах обнаружения и слежки.

Чейз прикончил виски — хорошо пошло, гладко.

Итак, решено.

Он в очередной раз наполнил стакан виски и отправился обратно в кровать. Скользнув под одеяло, уставился в невидящий глаз телевизора. Через несколько дней все станет на свои места. Он сможет вернуться к былым привычкам, будет спокойно жить на свою инвалидную пенсию и довольно существенное наследство, доставшееся от родителей. И незачем ему устраиваться на работу, общаться с кем-либо, принимать решения. Останется единственная потребность: поглощать достаточно виски, чтобы спать, несмотря на кошмары.

Он допил стакан. И заснул.

Глава 2

На следующее утро Чейз проснулся рано, разбуженный кошмаром: целая компания мертвцевов пыталась говорить с ним. День был испорчен.

Ошибка его заключалась в том, что он пытался вести себя так, будто накануне ничего не произошло. Он встал, принял душ, побрился, оделся и спустился по лестнице — посмотреть, нет ли для него почты на столике в холле. Почты не было, зато миссис Филдинг услышала его шаги и тотчас выскочила из своей вечно темной гостиной, чтобы показать

ему утренний выпуск «Пресс диспач». На первой полосе красовалась его фотография, на которой он стоял вполоборота к Луизе Элленби, выходящей из полицейской машины. Она явно плакала, крепко вцепившись в его руку, и вид имела куда более расстроенный, нежели на самом деле.

— Я так горжусь вами, — сказала миссис Филдинг, точно она его мать.

Собственно, по возрасту она вполне годилась ему в матери — ей перевалило за пятьдесят. Однако свои волосы, сильно тронутые сединой, она завивала в крутые локоны по моде времен ее молодости, никогда не забывала нарумянить мясистое лицо и накрасить губы, но, как ни странно, из-за этих косметических ухищрений выглядела лет на десять старше своих лет. В ней было двадцать или тридцать фунтов лишнего веса, и почти все — на бедрах.

— Уверяю вас, история вовсе не так увлекательна, как они пишут, — сказал ей Чейз.

— Откуда вы знаете? Вы же не читали.

— Да они всегда преувеличивают. Я точно знаю, потому что и в прошлый раз случилось именно так.

— О, вы слишком скромны, — проворковала миссис Филдинг. Сегодня на ней был синий с желтым халат и, как всегда, расстегнуты две верхние пуговицы. Виднелись не только бледные выпуклости ее грудей, но и краешек пожелтевшего лифчика.

Хотя Чейз был намного крупнее и моложе миссис Филдинг и к тому же втрое сильнее ее, она нагоняла на него страх, и, похоже, из-за того, что он не понимал, чего ей от него надо.

— Я уверена, теперь вам будут вдвое чаще предлагать работу, чем после первой статьи! — с энтузиазмом заявила она.

Миссис Филдинг гораздо сильнее хотела, чтобы Чейз нашел постоянное место работы, чем сам Чейз. Поначалу он думал, будто домовладелица боится, как бы безработный жи-лец не стал задерживать квартирную плату, но в конце концов понял, что она верит в его наследство и что озабоченность ее коренится глубже.

— Как я вам много раз говорила, — тем временем продолжала она, — вы молоды, сильны и впереди у вас целая жизнь. Такому человеку, как вы, необходима работа, упорная работа, чтобы чего-то в жизни достичь. Не хочу сказать, что вы еще ничего не достигли. Но вот так слоняться без дела, без работы — это, поверьте, вам не на пользу. С тех пор, как приехали, вы похудели фунтов на пятнадцать.

Чейз не ответил.

Миссис Филдинг приблизилась к нему поближе и забрала у него из рук утреннюю газету. Она посмотрела на фотографию, украшающую первую полосу, и вздохнула.

— Мне пора, — сказал Чейз.

Она подняла глаза от газеты:

— Я видела вашу машину.

Он промычал нечто нечленораздельное.

— О ней написано в газете. Правда, это мило с их стороны?

— Да.

— Они никогда ничего не делают для мальчиков, которые служат в армии и не устраивают протестов. Только и читаешь, что о буйных, но для хороших мальчиков вроде вас никто и пальцем не шевельнет. Наконец-то до них дошло, и я надеюсь, машина вам доставит удовольствие.

— Да, — буркнул он, открывая входную дверь, и вышел на улицу прежде, чем она успела продолжить.

Кошмар, потом миссис Филдинг, а теперь еще и завтрак — одно другого хуже.

Обычно стойка у Вулвортса — спокойное место, даже если все табуреты заняты. Бизнесмены, читающие финансовые газеты, секретарши, забежавшие выпить кофе и поболтать, чтобы окончательно проснуться, рабочие, глотающие наспех жирную яичницу с картошкой, которую им поленились приготовить жены, — никто из посетителей не хотел ни разговаривать, ни обращать на себя внимание. Вплотную придвинутые друг к другу табуреты, невообразимая теснота давали возможность нормально поесть только при том условии, если люди притворялись, будто не замечают друг друга. Однако во вторник утром Чейз, наполовину съев свой завтрак, обнаружил, что окружающие смотрят на него с почти нескрываемым интересом.

Когда он уселся, пикантная маленькая белокурая официантка сказала:

— Здравствуйте, мистер Чейз. Что будете есть?

Уже тогда ему следовало догадаться: все идет не так, как обычно, потому что никогда прежде он не был с ней на дружеской ноге и не говорил, как его фамилия. Вездесущая газета, растиражировав его изображение, добилась, что его узнавали всюду, где бы он ни появлялся.

Он оставил недоеденным завтрак, расплатился и вышел. Поджилки у него тряслись, он чувствовал себя так, будто вот-вот упадет.

Поразмыслив, Чейз направился к газетному киоску, чтобы купить себе книжку в бумажной обложке, но увидел такое количество собственных физиономий на полках с газетами, что тотчас торопливо ушел прочь.

В винном магазине продавец в первый раз за много месяцев высказался по поводу масштабов закупки: мол, по его мнению, такому человеку, как Чейз, не следует столько пить. Разве что виски предназначается для вечеринки, предположил он и спросил, не пригласил ли Чейз гостей. Чейз соврал, что пригласил.

Стремясь обратно, в пустынное уединение своей маленькой чердачной комнаты, он прошел два квартала по направлению к дому и вдруг вспомнил, что у него теперь есть машина. Чейз вернулся к ней, смущенный тем, что

кто-то мог увидеть его замешательство, и когда уселся за руль, то почувствовал себя слишком взвинченным, чтобы вести машину. Он посидел минут пятнадцать, бесцельно просматривая технический паспорт, документы на владение и временные водительские права, потом завел мотор и поехал домой.

Чейз не пошел в парк, чтобы поглядеть на девушки в обеденный перерыв, потому что боялся быть узнанным. Если бы одна из них подошла к нему и попыталась затеять разговор, он не знал бы, что делать.

Возвратившись домой, он налил себе стакан виски, бросил туда два кубика льда и помешал содержимое пальцем. Затем включил телевизор. Показывали старый фильм с участием Уоллеса Бири и Мэри Дресслер. Чейз видел его по крайней мере раз пять, но все равно стал смотреть. Чувственный сюжет, знакомые до мельчайших подробностей сцены успокаивали нервы. Он с удовольствием наблюдал, как Уоллес Бири неуклюже-романтично ухаживает за Мэри Дресслер, и эта неуклюжесть, которую он столько раз уже видел, повторенная в тех же подробностях, бальзамом проливалась на его душу.

В пять минут двенадцатого зазвонил телефон.

Он неохотно взял трубку, решительно отказался от очередного интервью и дал отбой.

В одиннадцать двадцать пять телефон зазвонил снова.

Страховой агент, с которым Ассоциация торговцев подписала годовой полис на «мустанга» от имени Чейза, хотел узнать, достаточна ли сумма страховки и не хочет ли Чейз повысить ее до номинала. Он расстроился, когда Чейз сказал, что сумма вполне достаточна.

В одиннадцать пятьдесят раздался очередной телефонный звонок. Когда Чейз взял трубку, послышался голос убийцы:

- Алло, ну как провел утро?
- Чего тебе надо? — спросил Чейз.
- Видел газеты? — Он говорил хриплым, громким шепотом.
- Одну из них.
- Замечательная обертка для твоего героизма, поток слашавой прозы, а?
- Не люблю рекламы, — сказал Чейз, надеясь снискать благосклонность этого типа, хотя прекрасно понимал, что им следует поменяться ролями.
- Ну нет, это ты только пижонишь, а самому нравится.
- Чего тебе надо? — повторил Чейз.
- Сказать, чтобы в шесть вечера ты был у телефона. Я провел все утро, исследуя твою биографию, собираюсь заняться тем же самым и днем. В шесть я сообщу тебе о том, что нашел.

Чейз спросил:

- Для чего тебе это?
- Я же не могу вынести тебе приговор, пока не узнаю, какие преступления ты совер-

шил. — Непрерывное сипение протестующих голосовых связок прозвучало почти весело. Чейз уже и раньше замечал эту интонацию. Убийца продолжал: — Видишь ли, я не наугад выбрал греховодников, которых наказал на Канакауэе.

— Нет?

— Нет, прежде я исследовал ситуацию. — Человек хихикнул, в результате чего его поврежденная глотка спровоцировала приступ кашля, будто у заядлого курильщика.

Снова овладев своим голосом, он сказал:

— Я ездил туда каждый вечер в течение двух недель и переписывал номера машин, а потом сопоставил их.

— Зачем? — спросил Чейз.

— Да чтобы найти самых закоренелых греховодников, которые встречаются чаще других, — ответил незнакомец. — В нашем штате за два доллара в дорожной инспекции вам сообщат фамилию владельца, стоит только назвать номер машины. Вот так я и установил личность мальчишки, и мне уже ничего не стоило узнать имя его партнерши. Она, кстати, третья девица, с которой он встречается, и не одну ее он развлекал на Канакауэе, хотя она-то, поди, думала, что у него нет других подружек. У нее тоже были связи на стороне. Я дважды следил за ней, когда она выезжала с другими парнями, и один раз отдалась своему дружку.

— Откуда ты все это знаешь? — поинтересовался Чейз.

— Послушай-ка, — вспылил незнакомец, — никогда не спрашивай меня о моих методах. — От злости он снова закашлялся и, отдохнувши, продолжил: — Они оба дрянь — что парень, что девка — и заслуживали именно той кары, какую я им назначил, если бы ты не спас ее.

Чейз молча ждал.

— Понимаешь, я должен изучить твою подноготную так же тщательно, как и у этих двоих. Иначе я никогда не буду уверен, заслужил ли ты смертный приговор, или я убил тебя из мести за то, что ты помешал осуществить мой план. Короче говоря, я не убиваю людей. Я казню тех, кто заслуживает казни.

— Я не хочу, чтобы ты сюда звонил, — сказал Чейз.

— Попробуй останови меня.

— Я поставлю жучки на линию.

— Это меня не остановит. — Голос незнакомца снова зазвучал весело. — Я стану звонить из разных будок в городе и говорить так кратко, что меня не выследят, — только и всего.

— А если я не буду подходить к телефону? — спросил Чейз.

— Будешь.

— Почему ты так уверен?

— Да просто ты захочешь знать, что я о тебе выяснил, и еще — когда именно я вынесу тебе приговор и когда ты умрешь. — Последние несколько слов прозвучали едва слышно, каза-

лось, он больше не желает насиливать свой голос. — В шесть часов вечера, — напомнил он Чейзу и дал отбой.

Чейз бросил трубку, разозлившись из-за того, что убийца знает его гораздо лучше, чем он сам. Конечно же он подойдет к телефону в любое время. И по тем же самым причинам он отвечал на все назойливые звонки в течение последних недель, вместо того чтобы сменить номер. Вот только беда: он и сам толком не знает, каковы эти причины.

Решительно сняв трубку, Чейз набрал номер полицейского участка. В первый раз за десять с половиной месяцев он набрал номер, первым куда-то позвонил. Номер полиции, вместе с номерами пожарной команды и службы помощи утопающим, значился на карточке, приkleен-ной к основанию телефона, точно кто-то спе-циально позаботился о том, чтобы ему легче было сделать этот шаг.

Ответил дежурный сержант, и Чейз, пред-ставившись, попросил подозвать Уоллеса. В тот миг он был не против воспользоваться своей славой для достижения цели.

— Да, мистер Чейз, чем могу помочь? — спросил Уоллес.

Чейз не сказал того, что намеревался, а вме-сто этого спросил:

— Как идет следствие?

Уоллес был не прочь поговорить о работе.

— Медленно, но верно, — сообщил он Чей-зу. — Мы нашли отпечатки на его ноже и по-

слали их копии в Вашингтон и в столицу штата. Если его когда-либо арестовывали за серьезное преступление или он служил правительственный чиновником, мы установим его личность за двадцать четыре часа.

— А если у него никогда не снимали отпечатков?

Уоллес был преисполнен оптимизма:

— Все равно установим. Мы нашли в «шеви» его кольцо. Оно не принадлежало убитому парню, и вам, похоже, мало размера на три. Вы ведь не теряли кольца?

— Нет, — сказал Чейз.

— Я так и думал. Нужно было, конечно, позвонить вам и спросить, но я пребывал в уверенности, что оно не ваше. Так что это однозначно его кольцо.

— А что-нибудь еще, кроме кольца и отпечатков?

— Мы ведем — только это сугубо между нами — постоянную слежку за девушкой и ее родителями. Если он попытается убить ее, то попадется в нашу ловушку.

— А вы полагаете, может?

— Безусловно, ведь он наверняка подозревает, что она способна опознать его. Не забывайте: девушка отчетливо видела его лицо и ему невдомек, насколько плохо она тогда соображала.

— Да, пожалуй.

— Мне сейчас пришло в голову, что не мешало бы и к вам приставить «хвост». Вы об этом не думали?

Чрезмерно встревожившись от такого предложения, Чейз поспешил отказаться:

— Нет-нет. Я не вижу в этом смысла.

— Вы же знаете, — сказал Уоллес, — история попала в утренние газеты. Он едва ли боится, что вы его опознаете, как девушка, но, наверное, здорово зол на вас.

— Значит, он сумасшедший.

— А кто же еще, мистер Чейз?

— Вы хотите сказать, что, допросив девушку, не узнали ничего о мотивах? Может быть, какие-нибудь бывшие любовники?

— Нет, — ответил Уоллес. — В данный момент мы исходим из предположения, что никаких объяснимых мотивов не было, мы имеем дело с психопатом.

— Понятно.

— Что ж, — сказал Уоллес, — мне жаль, но пока нет ничего более существенного.

— Извините за беспокойство, — произнес Чейз. — Вы, наверное, плохо спали.

— Совсем не спал, — признался Уоллес.

Они попрощались, и Чейз повесил трубку, не сказав ему ни слова, хотя и собирался выложить все. За девушкой слежка ведется круглые сутки. И с ним будет то же самое, тем более если узнают, что убийца ему угрожает. Чейзу показалось, будто стены качаются, то сжимаясь, как челюсти огромной акулы, то распахиваясь, словно плоские серые ворота. Пол начал вздыматься волнами. Пространство стало зыбким — именно из-за таких ощуще-

ний он и попал в больницу и в конце концов получил свою семидесятипроцентную пенсию по инвалидности. Нельзя позволить недугу вновь сломить его, и лучший способ с ним бороться — ограничить пределы своего мира, обрести утешение в одиночестве. Он налил себе еще стакан виски.

Телефон разбудил его как раз в тот миг, когда мертвецы, окружив, стали тянуться к нему мягкими, белыми, истлевшими руками. Он резко сел в постели и вскрикнул, вытянув вперед руки, чтобы оградить себя от их холодных прикосновений. Окончательно проснувшись, он понял, где находится, убедился, что один, и снова в изнеможении упал на подушку. Телефон настойчиво трезвонил снова и снова, и после тридцати нестерпимо надоедливых звонков ему осталось только снять трубку.

— Да.

— А я уже хотела прийти, проверить, как вы, — озабоченно произнесла миссис Филинг. — Все в порядке?

— Все отлично, — успокоил он.

— Вы долго не отвечали.

— Я спал.

Она колебалась, как будто раздумывая, что сказать:

— У меня швейцарский бифштекс, грибы, печеная кукуруза и картофельное пюре на ужин. Не хотите поужинать со мной, все равно я столько не съем.

— Не думаю.

— Молодому человеку вроде вас нужно питьаться регулярно, — назидательно заметила она.

— Я уже поел.

Она долго молчала, потом произнесла:

— Хорошо. Но жаль, что вы не хотите, а то у меня столько еды.

— Очень жаль, но я сыт, — сказал он. — Может быть, завтра вечером.

— Может быть... — начала она. Но Чейз повесил трубку, прежде чем миссис Филдинг предложила перекусить вместе сегодня попозже.

В его стакане таял лед, разбавляя недопитое виски. Он выплеснул бледного цвета напиток в раковину, бросил в стакан новые кубики льда и налил виски. Оно горчило, как лимонная корка, но Чейз все равно выпил. Ни в буфете, ни в холодильнике ничего съестного не было, кроме пакета яблок, а от них еще хуже.

Чейз снова включил маленький черно-белый телевизор и принял медленно крутить ручку по всем местным каналам, но ничего не нашел, кроме программы новостей и мультфильмов. Он предпочел мультифильмы.

Скучища!.. Однако он досмотрел их до конца, а затем отыскал на одной из программ старый фильм и переключился на него. Чейз допил свое виски и попытался втиснуть пустую посудину на уставленную грязными стаканами полку, где совсем не оставалось мес-

та. Тогда он отнес стаканы в ванную, вымыл их горячей водой с мылом, вытер чистым полотенцем и убрал в буфет.

Если бы не обещанный телефонный звонок, у него впереди был бы целый свободный вечер.

Ровно в шесть телефон зазвонил.

— Алло?

— Добрый вечер, Чейз, — сказал убийца. Голос его по-прежнему звучал ужасно хрипло. — Как поживаешь?

— Хорошо, — ответил Чейз, присаживаясь на кровать.

— Знаешь, что я делал весь день?

— Ну, наверное, занимался моей персоной?

— Совершенно верно.

— Так расскажи, что ты нашел, — заинтересовался Чейз, как будто ожидал услышать нечто новое, хотя речь и шла о нем самом. Впрочем, возможно, так оно и будет.

— Прежде всего, ты родился чуть больше двадцати четырех лет назад, 11 июня 1947 года, в Больнице милосердия. Твои родители погибли в автокатастрофе, когда тебе исполнилось восемнадцать. Ты учился в Государственном университете и прошел ускоренную трехгодичную программу, специализируясь на торговом управлении. Ты прекрасно успевал по всем предметам, кроме нескольких обязательных курсов — таких, как основы физических наук, биология первой и второй степени и химия. — Убийца шептал еще три долгие минуты, перечисляя малозначительные факты,

которые, как считал Чейз, умрут вместе с ним. Да и, похоже, судебные отчеты, документы колледжа, газетные архивы и полдесятка прочих источников предоставили незнакомцу гораздо больше информации о его жизни, чем тот мог бы почерпнуть из недавних газетных статей.

— Я, кажется, говорю уже больше пяти минут, — забеспокоился убийца. — Пора перейти в другой автомат. Твой телефон прослушивается, Чейз?

— Нет.

— Все равно, я сейчас положу трубку и перезвоню через несколько минут. — Телефон отключился, зашипев в ухо Чейза, как змея.

Через несколько минут убийца позвонил снова:

— То, что я говорил тебе, это так, ерунда, сухое сено, Чейз. Но сейчас я кое-что добавлю и подумаю немного — подумаю, смогу ли бросить спичку в это сухое сено.

— Что-что? — переспросил Чейз.

— Во-первых, — сказал убийца, — ты унаследовал большую сумму денег, но почти ничего не потратил. Огреб тридцать тысяч после уплаты налогов — а живешь скучно.

— Откуда ты знаешь?

— Я сегодня потолкался возле твоего дома и узнал, что ты снимаешь меблированную комнату на третьем этаже. Увидев, как ты возвращаешься домой, я понял, что одеваешься ты не

лучшим образом. У тебя и автомобиля не было, пока ты не получил за храбрость «мустанг». Следовательно, большая часть наследства у тебя сохранилась, если принять во внимание, что пенсия по инвалидности покрывает все или почти все твои расходы.

— Послушай-ка, ты, перестань за мной шпионить, — с горячностью выпалил Чейз и вдруг осознал, что боится этого человека больше, чем всех мертвецов из своих кошмаров, вместе взятых, чувствуя себя выставочным экспонатом, помещенным в стеклянную клетку, на который пялятся все кому не лень.

Человек засмеялся:

— Не могу перестать. Должен же я оценить ваш моральный облик, мистер Чейз, прежде чем вынести приговор.

Чейз бросил трубку. То, что он проявил инициативу, изрядно подбодрило его. Когда телефон зазвонил опять, Чейз решил не подходить, и после тридцати звонков он смолк. Однако через десять минут телефонный звонок вновь разогнал тишину. Чейз снял трубку и сказал: «Алло».

Убийца был разъярен, он напрягал охрипшую глотку до отказа:

— Если еще выкинешь такой номер, чертов сукин сын, ты об этом пожалеешь! Убийство не будет чистым, уж я постараюсь. Понял?

— Да, — сказал Чейз, чувствуя себя больным.

Незнакомец тут же успокоился:

— Вот что еще, мистер Чейз. Меня очень интересует эта формулировочка «ранен в бою». Что-то ты не похож на немощного инвалида, которому следует платить пенсию. Я, будь уверен, почувствовал, на что ты способен, когда мы дрались. Это наводит меня на кое-какие мысли. Похоже, у тебя инвалидность не из-за физическогоувечья.

— А? — только и промолвил Чейз. Сердце его колотилось, во рту пересохло.

— Я думаю, у тебя психические проблемы, из-за которых ты и попал в госпиталь, а затем был демобилизован. — Он замолчал.

— Ты ошибаешься, — сказал Чейз.

— Может — да, может — нет. Мне понадобится еще немного времени, чтобы узнать все точно. Ладно, спи спокойно, мистер Чейз. Ты еще не приговорен к смерти.

— Подожди! — остановил его Чейз.

— Да?

— Я должен тебя как-то называть. Не могу же продолжать думать о тебе абстрактными категориями, вроде «тот тип», «незнакомец» или «убийца». Понимаешь?

— Да, — сказал тот.

— Так как же?

Его собеседник немного помолчал и сказал:

— Можешь называть меня Судья.

— Судья?

— Ну да. Как в формуле «судья, присяжные и палач». — Он засмеялся и тут же, закашлявшись, повесил трубку, точно телефонный хулиган.

Чейз достал из холодильника яблоко, отнес его на стол, положил на салфетку, затем сходил к посудному ящику за фруктовым ножом, очистил яблоко, разрезал на восемь долек и принял усердно жевать. Ужин, конечно, не слишком плотный, но ничего, в стакане виски достаточно калорий, чтобы подкрепить его. Он налил себе порцию на десерт.

Потом вымыл руки, липкие от яблочного сока, выпил еще один стакан и уселся на кровати, невидящими глазами глядя в телевизор. Он пытался ни о чем не думать, кроме привычной повседневности: завтрак у Булворта, легкое чтиво в бумажной обложке, покупка виски, старые фильмы по телевидению, двадцать девять тысяч на банковском счете, пенсия и привычная бутылка в день. Вот главное в жизни, остальное только сбивает с толку — вся эта морока, которой нет места в его мире.

Он снова не позвонил в полицию.

Глава 3

Кошмары замучили Чайза, и он спал урывками, просыпаясь в самый жуткий момент сновидения, когда снова и снова плотное кольцо мертвцевов сжималось вокруг и они подвергали его молчаливой пытке, приближаясь и протягивая руки.

Встал он рано, оставив всякую надежду выспаться, привел себя в порядок, сел за стол и

очистил яблоко на завтрак. Чейзу не хотелось идти к Вулворту, так как теперь он уже не был для посетителей очередной безымянной физиономией, а куда еще можно отправиться, чтобы его не узнали, он понятия не имел. Яблоко было, конечно, не совсем подходящей едой для начала дня, и он решил, что пойдет и съест второй завтрак, если вспомнит, в каком ресторане сможет рассчитывать хоть на какое-нибудь уединение.

А уже после завтрака он, естественно, сможет обойтись бутылкой виски «Джек Дэниэлс».

Было девять тридцать пять утра.

Слишком рано, чтобы начинать пить: если он прямо сейчас усидит бутылку, то попросту заболеет. Но чем заняться в эти долгие часы до полудня? Чейз включил телевизор, но старых фильмов не показывали, и он его выключил. Перечитал все книги и журналы, которые нашлись в комнате. Наконец принялся припомнить детали кошмара, который разбудил его, но, решив, что это ни к чему хорошему не приведет, снял телефонную трубку. Уже второй раз он набирает номер, неуклюже крутя непослушный диск.

После трех гудков ответила бойкая молодая женщина:

— Кабинет доктора Ковела. Говорит мисс Прингл, чем могу помочь?

— Мне нужно увидеть доктора, — сказал Чейз.

— Вы постоянный пациент?

— Да. Меня зовут Бен Чейз.

— О да! — воскликнула мисс Прингл, как будто она только и мечтала услышать его голос. — Доброе утро, мистер Чейз. — Она пошестела страницами регистрационного журнала. — Вам назначено на пятницу, в три часа дня.

— Мне нужно попасть к доктору Ковелу раньше, — произнес Чейз. Когда ему только пришло в голову нанести этот внеочередной визит, он сомневался, стоит ли это делать. Теперь же казалось, не просто стоит, а совершенно необходимо. — Он мне очень нужен.

— Завтра утром у нас есть полчаса.

— Сегодня, — перебил Чейз.

— Простите?.. — От общения с ним мисс Прингл заметно сляняла.

— Мне нужно записаться на сегодня, — настойчиво повторил Чейз.

Мисс Прингл принялась рассказывать ему о большой нагрузке доктора, о долгих часах, которые он ежедневно просиживает над историями болезни новых пациентов. А ведь он должен к тому же читать новейшие публикации и писать собственные статьи для тех же престижных журналов. Не вызывало сомнения, что доктор кумир мисс Прингл, и Чейзу пришла в голову мысль, уж не спит ли она с ним. Он видел ее прежде много раз, но никогда не думал о чем-либо подобном. Чейз с грустью отметил, что это знак каких-то перемен, перемен в его жизни, над которыми он

совершенно не властен. Но может быть, доктор сумеет с ними справиться. Когда она дошла до середины своей речи, вновь обретя не-натурально дружелюбную интонацию, он прервал ее и кратко, но решительно потребовал, чтобы она спросила у самого доктора.

Через несколько минут пристыженная мисс Прингл вернулась к телефону и сообщила: Чейз записан к доктору на четыре часа дня. Она явно была расстроена, что ради Чейза нарушен распорядок. К тому же она наверняка знала, что за него платит государство и что доктор заработал бы больше, приняв какого-нибудь богатого психа. Однако, говоря о распорядке дня доктора, она забыла, что он всегда отводит время на внеплановые беседы с пациентами, болезни которых считал особенно интересными случаями.

Уж коли ты слегка не в себе — считай, повезло, если у тебя редкая разновидность безумия...

В половине двенадцатого, когда Чейз одевался, чтобы выйти поесть, снова позвонил Судья. Голос его звучал лучше, хотя еще не пришел в норму. Он спросил:

- Ну, как себя чувствуешь?
- Хорошо, — солгал Чейз.
- Жди звонка в шесть вечера, — предупредил Судья.
- Послушай...
- Ровно в шесть часов, мистер Чейз. Понял? — Он говорил уверенным, властным то-

ном человека, привыкшего, чтобы ему подчи-
нялись. — Я должен обсудить с тобой несколь-
ко интересных моментов.

— Понятно, — сказал Чейз.

— Тогда желаю хорошо провести день.

Они повесили трубки одновременно, при-
чем Чейз швырнул свою на рычаг изо всех сил.

Комната на восьмом этаже здания «Кейн» в центре города ничем не напоминала кабинет психиатра, каким его обычно изображают в книгах и фильмах. И в первую очередь потому, что она не была маленькой и интимной и вовсе не вызывала ассоциации с материинской утробой — приятная, деловая, просторная комната, примерно тридцать на тридцать пять футов площадью, с высоким, затененным потолком. Вдоль двух стен от пола до потолка тянулись книжные полки; еще одну стену украшали умиротворяющие сельские пейзажи, а четвертая стена фактически представляла собой два больших окна, обрамленных белым пластиком. На книжных полках стояло всего несколько томов в роскошных переплетах, но зато около трехсот стеклянных собачек величиной не больше человеческой ладони. Доктор Ковел коллекционировал стеклянных собачек.

Как комната, с ее обшарпаным столом, мягкими креслами и исцарапанным журнальным столиком, казалась абсолютно не соотв-
етствующей своему назначению, так и док-

тор Ковел меньше всего на свете походил на психиатра. Чейз недоумевал, случайность это или умышленно выбранный имидж. Этот маленького роста, но довольно спортивного вида человек всегда выглядел растрепанным скорее по небрежности, нежели от желания выдернуть стиль, казался небритым и носил измятый синий костюм со слишком длинными брюками. Его можно было принять за учителя (скажем, английского языка), за продавца в магазине (скорее, в провинциальной дешевой лавке) или за священника какой-нибудь эзотерической фундаменталистской христианской секты. Да за кого угодно, только не за врача. И уж тем более не за врача-психиатра.

— Садитесь, Бен, — пригласил Ковел. — Хотите выпить?

— Нет, спасибо, — ответил Чейз.

В комнате не было кушетки, на которую, согласно известной сцене из психоаналитического мифа, нужно было ложиться, и он уселся в свое любимое кресло.

Ковел расположился в другом кресле, справа от Чейза, откинулся на спинку, задрал ноги на журнальный столик и пригласил Чейза последовать его примеру. Когда оба удобно устроились, он сказал:

— Значит, без предварительной части?

— Сегодня да, — ответил Чейз.

— Ты напряжен, Бен.

— Да. — Чейз пытался сообразить, с чего начать, как лучше изложить свою историю.

— Расскажешь?

Сейчас Чейз ясно вспомнил первый звонок Судьи, но никак не мог себя заставить поведать обо всем Ковелу. Даже этот визит к врачу было признанием того, что земля уплывает у него из-под ног, и начни это объяснять, можно вообще все испортить.

— Не можешь?

— Нет.

— Поиграем в ассоциации?

Чейз кивнул, хотя страшился игры, к которой они часто прибегали, чтобы у него развязался язык. В ответах он всегда выдавал больше, чем ему хотелось. А Ковел играл не по правилам, называл слова быстро и напористо, сразу попадая в точку. И все-таки он сказал:

— Давайте.

Ковел начал:

— Мать.

— Умерла.

— Отец.

— Умер.

Ковел поднял пальцы у него перед носом, как ребенок играющий в «кроватку».

— Любовь.

— Женщина.

— Любовь.

— Женщина, — повторил Чейз.

Ковел, не глядя на него — он не сводил глаз с синего стеклянного терьера на полке, — сказал:

— Не повторяйтесь, пожалуйста.

Когда Чейз извинился (в первый раз поняв, что Ковел ждет извинения, он удивился: не предполагал, что в отношениях между психиатром и пациентом должно присутствовать чувство вины; с каждым новым извинением на протяжении месяцев он все меньше удивлялся тому, что предлагает Ковел), доктор сказал:

- Любовь.
- Девушка.
- Это уловка.
- Все — уловки.

Казалось, это замечание удивило доктора, но не настолько, чтобы сбить его с жесткого курса, который он избрал. После недолгого молчания он повторил:

- Любовь.

Чейз вспотел, сам не понимая почему. Наконец он сказал:

- Я сам.
- Очень хорошо, — одобрил Ковел.

Теперь обмен словами пошел быстрее, как будто за скорость набавлялись очки.

- Ненависть, — сказал он.
- Армия.
- Ненависть.
- Вьетнам.
- Ненависть! — Ковел повысил голос, почти закричал.
- Оружие.
- Ненависть!
- Захария! — выпалил Чейз, хотя не раз клялся не произносить этого имени, не вспо-

минать человека, носившего его, или событий, с которыми этот человек был связан.

— Ненависть, — произнес Ковел, на этот раз тише.

— Другое слово, пожалуйста.

— Ненависть! — настаивал врач.

Лейтенант Захария, лейтенант Захария, лейтенант Захария!

Доктор внезапно прекратил игру, хотя она на этот раз складывалась не так сложно, как обычно, и сказал:

— Вы помните, что именно этот лейтенант Захария приказал вам сделать, Бенжамин?

— Да, сэр.

— Что был за приказ?

— Мы отрезали два выхода в системе туннелей Конга, и лейтенант Захария приказал мне расчистить один из них.

— Как вы выполнили приказ?

— Бросил гранату, сэр. Потом, прежде, чем дым перед туннелем рассеялся, я пошел вперед, стреляя из автомата.

— А потом, Бенжамин?

— Потом мы спустились, сэр.

— Мы?

— Лейтенант Захария, сержант Кумз, рядовые Хэзли и Уэйд и еще кто-то, не помню.

— И вы.

— Да, и я.

— И что?

— В туннелях мы нашли четверых мертвых мужчин и еще останки людей у входа в ком-

плекс. Лейтенант Захария приказал продвигаться осторожно. Через сто пятьдесят ярдов мы наткнулись на бамбуковую решетку, за которой находились крестьяне, в основном женщины.

— Сколько женщин, Бен?

— Наверное, двадцать.

— А дети?

Чейз откинулся на мягкую спинку кресла, втянув голову в плечи, будто желая спрятаться:

— Несколько.

— И что потом?

— Мы попытались открыть решетку, но женщины удерживали ее закрытой с помощью натянутых веревок. Им приказали уйти с дороги, но они не сдвинулись с места. Лейтенант Захария заподозрил, что это, возможно, ловушка, чтобы задержать нас, пока сзади не подоспевут солдаты Конга. Было темно. В туннеле стоял неописуемый смрад — зловонное сочетание запахов пота, мочи и гниющих овощей, причем такой густой, что казалось, его можно потрогать. Лейтенант Захария приказал нам открыть огонь и расчистить путь.

— И вы подчинились?

— Да. Все подчинились.

— А потом, когда туннель был очищен от вьетнамцев, вы попали в засаду, где и заслужили свою медаль за доблесть.

— Да, — подтвердил Чейз.

— Вы ползли через простреливаемое поле почти двести ярдов и тащили на себе ранено-

го сержанта по фамилии Кумз. Получили два неопасных, но болезненных ранения в бедро и лодыжку правой ноги и все-таки продолжали ползти, пока не достигли укрытия. Оставив там Кумза в безопасности, зайдя с фланга противника благодаря тому, что ползли через открытое поле, вы уничтожили восемнадцать коммунистических солдат. Таким образом, своими действиями вы не только спасли сержанта Кумза, но и внесли большой вклад в дело всего вашего подразделения. — Ковел всего лишь повторял слегка измененный текст грамоты, которую Чейз получил по почте от самого президента.

Чейз промолчал.

— Вы понимаете, откуда взялся этот геройзм, Бен?

— Мы уже говорили об этом. Он продиктован виной, потому что я хотел умереть, подознательно желая быть убитым.

— Вы согласны с этим анализом или просто думаете, будто я придумал все это, чтобы принизить вашу медаль?

— Я согласен, ведь мне вовсе не нужна медаль.

— Теперь, — сказал Ковел, опуская пальцы, — продолжим наш анализ. Хотя вы надеялись, что вас застрелят, убьют в этой засаде, буквально искали смерти, произошло нечто противоположное. Вы стали национальным героям, и когда узнали, что лейтенант Захария представил вас к награде, у вас случился не-

рвный срыв, в результате которого вы попали в больницу и были с почетом демобилизованы. Этот срыв — тоже попытка наказать себя, раз уж вам не удалось подставить свое тело под пули, но и она не удалась. Что же в итоге? Вы представлены к награде, с почетом демобилизованы и слишком сильны, чтобы не оправиться от болезни. Однако бремя вины так и не покинуло вас.

Он замолчал. Чейз тоже ничего не говорил.

Ковел продолжал:

— Возможно, вступая в схватку с преступником в парке Канакауэй, вы надеялись, что выпал еще один шанс оказаться раненым или убитым, подсознательно стремились к этому.

— Вы ошибаетесь, — возразил Чейз. — Ничего подобного. Я на тридцать футов тяжелее его и знал, что делаю. Этот тип — дилетант, и я не мог надеяться, что он причинит мне серьезный вред.

Ковел промолчал. Прошло несколько минут, пока Чейз не распознал сцену, которую они разыгрывали на прошлых сеансах. Когда он наконец извинился, Ковел улыбнулся ему:

— Видите ли, вы не психиатр, а потому не можете так ясно все понять. Вы не отрешены от ситуации, как я. — Он откашлялся и, снова устремив взгляд на голубого терьера, спросил: — Когда уже столько переговорено, может быть, объясните, Бен, зачем вам понадобился дополнительный сеанс?

Теперь Чейз с легкостью рассказал все. Через десять минут он подробно изложил события прошедшего дня и почти слово в слово повторил диалоги с Судьей.

Выслушав Чейза, доктор спросил:

— Чего же вы хотите от меня?

— Хочу узнать, как с этим справиться, хочу совета. Когда он звонит, меня больше всего беспокоят не угрозы. Это... чувство отрешенности от всего, как тогда, в больнице.

— Новый срыв?

— Боюсь, что так.

— Мой вам совет — не обращать внимания, — сказал Ковел.

— Не могу.

— Вы должны, — настаивал врач.

— А если он серьезно? Если он и вправду собирается убить меня?

— Не может этого быть.

— Почему вы так уверены? — Чейз отчаянно потел. Рубашка прилипла к спине, под мышками расплылись темные круги.

Ковел улыбнулся голубому терьеру, перевел взгляд на гончую янтарного цвета; на лицо его, точно маска, наползло самодовольное выражение.

— Я так уверен, потому что Судьи в реальности не существует.

Поначалу Чейз не понял. Когда же до него дошел смысл этих слов, ему он не понравился.

— По-вашему, это галлюцинация? Но ведь об убийстве и о девушке написано в газетах.

— Ах, это, безусловно, произошло на самом деле, — согласился Ковел. — Но телефонные звонки — не что иное, как иллюзия.

— Не может быть.

Ковел пропустил его слова мимо ушей и продолжал:

— Я заметил, что вы уже некоторое время пытаетесь отделаться от патологического стремления к уединению, с каждой неделей все более спокойно смотрите на мир. Вы начинаете испытывать интерес к жизни, у вас просыпается жажда деятельности. Я прав?

— Не знаю, — ответил Чейз. На самом-то деле он знал: доктор прав — и это действовало ему на нервы.

— У вас, не исключено, даже возобновилось половое влечение, хотя, возможно, до этого еще не дошло. Это обратная реакция на комплекс вины. Считая себя еще не наказанным за случившееся в туннеле, вы не хотели вести нормальную жизнь, пока не почувствовали, что настрадались достаточно.

Чейз промолчал. Ему не нравился этот покровительственный, самоуверенный, безапелляционный тон, которым Ковел начинал говорить в подобные моменты. Сейчас ему больше всего хотелось выйти отсюда, вернуться домой, запереть дверь и открыть бутылку. Новую бутылку.

Ковел тем временем развивал свою теорию:

— Не сумев примириться с тем, что снова обретаете вкус к жизни, вы придумали Судью —

своеобразную возможность самобичевания. Вы как бы оправдываетесь за то, что жизнь снова втягивает вас в свою колею, и в этом смысле Судья тоже пригодился. Рано или поздно вы должны проявить инициативу и остановить его. Можете притворяться, что по-прежнему желаете уединения, намерены и впредь потихоньку страдать, но эта роскошь вам больше не дозволена.

— Неправда, — возразил Чейз. — Судья существует.

— Думаю, что нет. — Ковел улыбнулся янтарной гончей и сказал: — Если бы вы считали его реально существующим человеком, то обратились бы в полицию, а не к психиатру!

Чейз не нашел ничего лучшего, как ответить:

— Вы передергиваете.

— Нет. Просто раскрываю вам истинную правду. — Он встал, потянулся, его слишком длинные брюки задрались и снова опустились, когда он кончил зевать. — Советую вам отправиться домой и забыть о Судье. Вам вовсе не нужно оправдание, чтобы жить нормальной человеческой жизнью. Вы уже достаточно страшали, Бен, даже более чем достаточно. Грех за отнятые вами когда-то жизни вы искупили, сохранив другие жизни. Помните это.

Чейз стоял озадаченный, не уверенный уже, не спутал ли он в самом деле реальность с вымыслом.

Ковел обнял его за плечи и повел к двери.

— Итак, жду вас в пятницу в три, — сказал доктор. — Посмотрим, насколько к тому времени вы выберетесь из своей норы. У вас, Бен, я уверен, все получится. Не отчаивайтесь.

Мисс Прингл проводила его до выхода из приемной и закрыла дверь, оставив его одного в коридоре.

— Судья настоящий, — сказал Чейз, ни к кому не обращаясь. — Ведь правда?

Глава 4

Чейз сидел на краю кровати рядом с тумбочкой, где стоял телефон, и допивал второй стакан «Джека Дэниелса», когда пробило шесть. Он отставил стакан, вытер вспотевшие ладони о джинсы и откашлялся, чтобы голос, чьего доброго, не сорвался, когда он начнет говорить.

В шесть пять ему стало не по себе. Он подумал было спуститься спросить у миссис Филдинг, который час — вдруг его часы идут неправильно, — и не сделал этого лишь потому, что боялся пропустить звонок, пока будет внизу.

В шесть пятнадцать он взял стакан и стал потягивать виски, поглядывая на телефон, точно тот потихоньку мог сбежать. Его ладони снова стали влажными; бусинки пота выступили на лбу.

В шесть тридцать он подошел к буфету, достал свою дневную бутылку виски, к которой

сегодня едва притронулся, и налил третий стакан. Бутылку убирать не стал, а поставил на низкую стойку буфета, где мог легко дотянуться до нее. Прочитав этикетку, которую до этого разглядывал раз сто, вернулся на кровать со стаканом в руке.

К семи часам он изрядно набрался. Тело обмякло, движения стали заторможенными. Он откинулся на спинку кровати и наконец признал: Ковел прав. Никакого Судьи нет. Судья — это иллюзия, психологическая уловка, чтобы свыкнуться с медленным исчезновением комплекса вины. Он попытался обдумать происходящее, понять, что все это значит, хорошо для него или плохо.

В ванной Чейз пустил теплую воду, то и дело пробуя температуру рукой. Затем покрыл фарфоровый край ванны сложенным влажным полотенцем и поставил на него стакан, разделся, залез в ванну и сел, ожидая, пока вода дойдет до половины его груди. Приятное ощущение успокаивало. Благодаря виски, теплой воде и пару, клубящемуся вокруг, он чувствовал себя так, словно плавает в воздухе, поднимаясь в потоке мягких облаков. Он откинулся назад, коснувшись головой стены, закрыл глаза и попытался не думать ни о чем — в особенности о Судье, о медали за доблесть и о девяти месяцах, которые он провел на действительной службе во Вьетнаме.

К несчастью, его мысли обратились к Луизе Элленби, девушке, которой он спас жизнь,

и перед глазами у него возникло видение ее маленьких, дрожащих, голых грудей, выглядевших столь соблазнительно в тускло освещенном автомобиле на аллее влюбленных. Хотя сама по себе эта мысль была довольно приятной, но она раздосадовала его, потому что из-за нее он почувствовал половое влечение — в первый раз почти за год. Это явление показалось ему одновременно странным и знакомым и заставило вспомнить все эти бесплодные месяцы, в течение которых он не помнил, что это такое. Но потом мысли перекинулись на причины, по которым он прежде не мог функционировать как мужчина, и причины эти оказались столь ужасными, что он не мог справиться с ними в одиночку. Влечение скоро прошло, и когда от него не осталось и следа, он не мог с уверенностью сказать, означало ли оно конец его физической импотенции или просто возникло под воздействием теплой воды, как реакция застоявшихся нервов, а не как проявление чувственности.

Виски в стакане не осталось, и тогда он вылез из воды. Вытираясь, Чейз услышал телефонные звонки.

Часы показывали ровно восемь.

Голый, он сел и снял трубку.

— Извини, я опоздал, — сказал Судья.

Так, выходит, доктор Ковел не прав.

— Я думал, ты не позовишь, — ответил на это Чейз.

— Как я мог подвести тебя? — притворно оскорбился Судья. — Просто мне потребовалось немного больше времени, чтобы отыскать о тебе нужную информацию.

— Ну и как успехи?

Судья как будто не слышал вопроса; он продолжал гнуть свое:

— Так ты, значит, ходишь к психиатру раз в неделю. Одно это уже подтверждает мои вчерашие подозрения — твоя инвалидность вызвана не физической, а психической болезнью.

Чейз пожалел, что у него нет наготове виски. Ну не просить же, в самом деле, Судью подождать, пока он нальет себе стаканчик. К тому же и не хотелось бы информировать Судью, что он здорово пьет.

Чейз спросил:

— Откуда ты узнал?

— Немного походил за тобой сегодня днем, — объяснил Судья.

— Ты не имеешь права.

Судья засмеялся и сказал:

— Я видел, как ты направляешься в здание «Кейн», и вошел в вестибюль достаточно быстро, чтобы заметить, на каком лифте ты поехал и на каком этаже вышел. Так вот, на восьмом этаже, кроме кабинета доктора Ковела, находятся приемные двух дантистов, офисы трех страховых компаний и налоговое бюро. Мне ничего не стоило заглянуть в эти учреждения и справиться о тебе как о приятеле у секретарей и регистраторов. Психиатра я оставил

напоследок, потому что был почти уверен: ты именно там. Выяснив, что в других учреждениях о тебе не слышали, я даже не рискнул заглядывать в приемную Ковела. И так все ясно.

— Ну и что? — спросил Чейз.

Он постарался, чтобы голос его прозвучал беззаботно, не хотел выдавать своих истинных чувств. По какой-то непонятной ему причине казалось важным произвести на Судью хорошее впечатление. Он снова вспотел. Когда разговор окончится, ему вновь потребуется ванна. И еще нужно будет выпить холодного виски.

— Давай-ка лучше я расскажу тебе, почему опоздал со звонком, — предложил Судья.

— Что ж, давай.

— Удостоверившись, что ты у психиатра, я счел необходимым раздобыть копию твоей истории болезни. Я решил спрятаться в здании и дождаться, пока закроются все конторы и слушающие уйдут домой.

— Не верю, — сказал Чейз, со страхом предчувствуя, что именно услышит дальше.

— Ты не хочешь мне верить, но веришь; сейчас я объясню, как все было.

Прежде чем продолжать, Судья медленно и глубоко втянул в себя воздух.

— К шести часам на восьмом этаже никого не осталось. В половине седьмого мне удалось открыть дверь кабинета доктора Ковела. Я кое-что смыслю в таких вещах и был осторожен: замка не повредил, а сигнализация там отсутствует. Мне потребовалось еще полчаса, чтобы

установить, где хранятся истории болезни, и найти записи о тебе, которые я благополучно скопировал на фотопленку.

— Вот так просто взломал и вошел — а между прочим, это называется «кражи со взломом», — заметил Чейз.

— Но это сущая безделица по сравнению с тем, что называют убийством, не правда ли?

Чейз промолчал.

— В своей почте, возможно, послезавтра, ты найдешь полные копии записей доктора Ковела о тебе, а также экземпляры нескольких статей, которые он написал для медицинских журналов. Ты упомянут во всех, а в некоторых речь идет только о тебе.

— Я не знал, что он это делает, — пробормотал Чейз.

— Весьма любопытные статьи, Чейз. Из них можно понять, что он о тебе думает. — Тон Судьи изменился, стал высокомерным, в нем зазвучали нотки презрения. — Прочитав эти записи, Чейз, я узнал более чем достаточно, чтобы вынести тебе приговор. Я узнал о том, за что ты получил медаль.

Чейз ждал, что он еще скажет.

— Мне известно, что ты делал в тех туннелях и как помогал лейтенанту Захарии замести следы и подделать рапорт. Думаешь, конгресс наградил бы тебя медалью за доблесть, если бы там знали, что ты убивал мирных жителей? А, Чейз?

— Перестань.

- Ты убивал женщин, правда?
- Я сказал: перестань!
- Ты убивал женщин и детей, Чейз, мирное население.
- Ах ты, сукин сын!
- Детей, Чейз. Ты убивал детей. Да разве ты не скотина, Чейз?
- Заткнись! — Чейз вскочил на ноги, как будто рядом прогремел взрыв. — Что ты в этом смыслишь? Ты сам-то был там, служил в этой паскудной стране?
- Никакие патриотические дифирамбы дол-
- гу не заставят меня изменить мнение, Чейз. Мы все любим свою страну, но понимаем, что есть пределы.

— Фигня, — отрезал Чейз.

Он впервые после болезни так разозлился. Конечно, бывало, что он раздражался по разным поводам, злился на людей, но никогда не доходил до крайности.

— Чейз...

— Держу пари, ты ратовал за войну. Держу пари, ты из тех ястребов, из-за которых в первую очередь я там и оказался. Легко устанавливать нормы поведения, рассуждать о границах добра и зла, когда ты не подходил к месту, где идет эта война, ближе чем на десять тысяч миль!

Судья попытался что-то возразить, но Чейз не дал ему вставить ни слова.

— Я вовсе туда не стремился, — продолжал он. — Я не верил в необходимость там воевать

и почти все время смертельно боялся. Меня преследовала одна мысль: как бы оставаться в живых. В том туннеле я не мог думать ни о чем другом. Это был не я. Это был хрестоматийный параноик. И теперь, черт возьми, я не допущу, чтобы ты или кто-либо другой обвинял меня в деяниях этого хрестоматийного параноика!

— И все же ты чувствовал вину, — заметил Судья.

— Это не важно.

— А по-моему, важно.

— Это не важно, потому что, какую бы там вину я ни ощущал, ты не имеешь права меня судить. Ты сидишь тут со своим паршивым списком заповедей, но ты никогда не был в таком месте, где все заповеди летят к черту, где волей-неволей приходится совершать поступки, которые тебе отвратительны. — Чейз, к собственному изумлению, обнаружил, что плачет. Он уже очень давно не плакал.

— Ты оправдываешься, — начал было Судья, пытаясь вновь перехватить инициативу в разговоре.

Чейз не позволил ему.

— И не забудь, — сказал он, — ты сам нарушил заповедь — убил этого парня, Майкла Карнса.

— Это другое дело. — Голос Судьи снова стал хриплым.

— Да?

— Да, — подтвердил Судья: теперь пришла его очередь оправдываться. — Я тщатель-

но изучил ситуацию и только тогда исполнил приговор. Ты не делал ничего подобного, Чейз. Ты убивал совершенно незнакомых людей, может быть, совсем невинных, без единого черного пятнышка в душе.

Чейз швырнул трубку.

На протяжении следующего часа телефон звонил четырежды, но он не обращал на него внимания: его тряслось от злости — это была первая сильная эмоция за многие месяцы оцепенения.

Он выпил три стакана виски и лишь после этого почувствовал, что отходит. Злость на прочь сожгла опьянение, порожденное предыдущей выпивкой. Дрожь в руках постепенно унялась.

В десять часов Чейз набрал номер полицейского участка и попросил детектива Уоллеса, но тот куда-то уехал. Тогда он оделся, выпил еще стакан виски и в десять сорок позвонил вновь. На сей раз Уоллес оказался на месте и охотно согласился поговорить с ним.

— Дела идут не так хорошо, как мы надеялись, — признался Уоллес. — По-видимому, у него никогда не снимали отпечатков. По крайней мере, среди отпечатков, имеющихся в картотеке федеральной полиции и полиции штата, нет идентичных тем, что обнаружены на ноже.

— Неужели удалось так быстро проверить?

— Да, — подтвердил Уоллес. — У них там специальные компьютеры, способные про-

делать эту работу гораздо быстрее, чем целая команда следователей, — нечто вроде почтовых компьютеров, которые считывают адрес и сортируют письма в отделениях связи.

— А что с кольцом?

— Да так, побрякушка, которых пруд пруди в отделах для товаров дешевле пятнадцати долларов в любом магазине штата. Где уж тут определить, когда, где и кому оно продано.

Чейз неохотно заговорил:

— Тогда у меня для вас есть информация. — Он в нескольких словах сообщил детективу о звонках Судьи.

Уоллес явно разозлился, хотя и пытался сдерживаться, не срываться на крик:

— Какого же дьявола вы не сказали об этом раньше?

— Я думал, вы поймаете его по отпечаткам.

— Отпечаткам в такой ситуации — грош цена, — заявил Уоллес. В его голосе по-прежнему звучала злость, правда, теперь приглушенная. По всей видимости, он не сразу оценил состояние своего собеседника.

— Кроме того, — продолжал Чейз, — убийца понимает, что линия может прослушиваться. Он звонит из телефонов-автоматов и не разговаривает дольше пяти минут.

— Все равно, — сказал Уоллес, — я бы хотел услышать его. Через пятнадцать минут я буду у вас со своим сотрудником.

— Всего с одним сотрудником?

— Мы не станем особо докучать вам, — пообещал Уоллес.

Чейз едва не рассмеялся.

— Я буду ждать, — сказал он.

Человек, пришедший с Уоллесом, представился Джеймсом Таппингером и не назвал своей должности в полицейском управлении, хотя, по мнению Чейза, стоял наравне с Уоллесом. Он был дюймов на шесть выше детектива и выглядел не таким сереньким и обыденным. Светлые волосы были так коротко острижены, что издали он казался лысым. Голубые глаза перебегали с предмета на предмет — быстрый цепкий взгляд бухгалтера, производящего инвентаризацию. В правой руке Таппингер держал небольшой чемоданчик; здороваясь, он так и не выпустил его, протянув Чейзу левую руку.

Миссис Филдинг искоса наблюдала за визитерами из гостиной, старательно притворяясь, будто увлечена телевизионной программой, но сдержала любопытство и не вышла посмотреть, что происходит. Чейз проводил обоих мужчин наверх, прежде чем она поняла, кто они такие.

— Уютная у вас комнатка, — сказал Уоллес.

— Меня устраивает, — ответил Чейз.

Глаза Таппингера бегали по комнате, отмечив неубранную постель, пару грязных стаканов из-под виски на буфете, полупустую бутылку. Не сказав ни слова, он открыл свой

чемодан, полный телефонного оборудования, и начал осматривать провода, которые выходили из стены рядом с подоконником.

Пока Таппингер работал, Уоллес допрашивал Чейза:

- Каким он показался вам по телефону?
- Трудно сказать.
- Старый? Молодой?
- Средних лет.
- Говорит с акцентом?
- Нет.
- Дефекты речи есть?
- Нет, — ответил Чейз. — Сначала, правда, он хрипел — вероятно оттого, что я придушил его.

Уоллес спросил:

- Вы помните содержание каждого телефонного разговора?
- Приблизительно.
- Перескажите. — Он плюхнулся в единственное кресло, стоявшее в комнате, и скрестил ноги, вытянув их перед собой. Похоже было, что он засыпает, на самом же деле он просто экономил энергию, воспользовавшись возможностью передохнуть несколько минут.

Чейз постарался как можно подробнее передать странные разговоры с Судьей, потом, по мере того как Уоллес задавал ему наводящие вопросы, вспомнил еще несколько фактов, о которых сначала забыл.

— Похоже, религиозный маньяк, — сделал вывод Уоллес. — Свидетельством тому все эти

измышления о прелюбодеянии, грехе и приговорах.

— Может быть, — сказал Чейз. — Но я не стал бы искать его на сектантских собраниях. По-моему, это скорее моральное оправдание убийства, чем глубокое убеждение.

— Возможно, — согласился Уоллес. — Такие субъекты нам часто попадаются, чаще, чем другие разновидности сумасшедших.

Через пять минут, когда Уоллес и Чейз окончили беседу, у Таппингера все уже было готово. Он объяснил Чейзу, как действуют подслушивающее и записывающее устройства, а потом рассказал о сети слежения, которой воспользуется телефонная компания, чтобы засечь и отыскать Судью, когда он позвонит.

— Что ж, — обрадовался Уоллес, — сегодня я приду домой вовремя. — От одной мысли о предстоящих восьми часах сна его веки стали слипаться, а глаза еще больше покраснели.

— Еще один вопрос, — сказал Чейз.

— Что такое?

— Если удастся задержать этого типа, обязательно ли сообщать прессе о моем участии?

— А почему вас это так волнует? — спросил Уоллес.

— Просто я устал быть знаменитостью, надоело, что люди докучают мне днем и ночью.

— Если мы его поймаем, — сказал Уоллес, — все станет известно на суде.

— Но не раньше?

— Думаю, что нет.

— Я буду благодарен. Однако, так или иначе, мне придется появиться на суде, да?

— Вероятно, да.

— Во всяком случае, если прессы ничего не узнает раньше времени, шумихи хотя бы будет вдвое меньше.

— Вы действительно скромный человек, верно? — сказал Уоллес.

Прежде чем Чейз успел ответить, детектив улыбнулся, хлопнул его по плечу и ушел.

— Хотите выпить? — спросил Чейз Таппингера.

— На службе не пью.

— А вы не возражаете, если я...

— Нет. Валяйте.

Чейз заметил, что Таппингер с интересом наблюдает, как он достает кубики льда и наливает себе большую порцию виски. Однако не такую большую, как обычно. Он решил при полицейском несколько умерить свою жажду.

Когда Чейз уселся на кровать, Таппингер сказал:

— Я читал о ваших подвигах там.

— Да?

— Это настоящий героизм.

— Ничего подобного.

— Я говорю правду, — настаивал Таппингер. Он сидел в кресле, которое пододвинул поближе к своим приборам. — Думаю, мало кто может понять, как тяжело вам пришлось там.

Чейз кивнул.

— Я полагаю, что медали не так уж важны для вас. То есть на фоне того, что вы пережили, чтобы получить их, они как бы теряют вес.

Чейз поднял взгляд от стакана, удивляясь его проницательности.

— Вы правы, — согласился он. — Они вообще ничего для меня не значат.

Таппингер продолжал:

— Как, должно быть, трудно возвратиться из этого ада к нормальной жизни. Воспоминания не изглаживаются так быстро.

Чейз открыл было рот, чтобы ответить, но тут увидел, что Таппингер многозначительно смотрит на стакан виски у него в руке, — и промолчал. Ненавидя сейчас Таппингера не меньше, чем Судью, он поднял стакан к губам, сделал очень большой глоток и с вызовом сказал:

— Выпью-ка я еще. Вы уверены, что не хотите?

— Абсолютно, — ответил Таппингер.

Как только Чейз уселся на кровать с новым стаканом виски, Таппингер предупредил его, чтобы не подходил к телефону, не дождавшись, пока начнет крутиться пленка, и удалился в ванную минут на десять.

Когда он вернулся, Чейз спросил:

— Сколько времени нужно не ложиться и ждать?

— Он когда-нибудь звонил так поздно — кроме того первого вечера?

- Нет, — ответил Чейз.
— Тогда я засыпаю, — сказал Таппингер, плюхаясь в кресло. — Спокойной ночи.

Утром Чейза разбудил шепот мертвецов, но это оказался всего лишь шум воды в ванной. Таппингер проснулся первым и теперь брился. Через несколько минут он открыл дверь и вышел со свежим лицом, кивнув Чейзу:

- Искренне ваш! — Казалось, ночь, проведенная в кресле, придала ему энергии.

Чейз умывался и брился медленно — чем больше времени он проведет в ванной, тем меньше придется разговаривать с полицейским. Когда он наконец закончил утренний туалет, часы показывали девять сорок пять. Судья пока не звонил.

- Что у вас на завтрак? — спросил Таппингер.

— Ничего нет, — ответил Чейз.

— Ну, должна же у вас быть хоть какая-то еда. Не обязательно что-нибудь горячее, мне все равно, что есть утром.

Чейз открыл холодильник, вытащил пакет яблок и сказал:

— Только это.

Таппингер недоуменно посмотрел на яблоки, на пустой холодильник. Затем его взгляд метнулся к бутылке виски на буфете. Он ничего не сказал — слова были излишни. Но

если бы он высказал то, что думал, Чейз вряд ли сдержал бы желание врезать ему как следует.

— Прекрасно, — с подъемом сказал Таппингер. Он взял из рук Чейза светлый пластиковый пакет и выбрал себе яблоко. — А вы?

— Я не хочу.

— Завтракать нужно обязательно, — назидательно заявил Таппингер. — Хоть что-нибудь. Это способствует работе желудка, заряжает вас на весь день.

— Нет, спасибо, — сказал Чейз.

Таппингер очистил два яблока, разрезал и съел, тщательно пережевывая.

В десять тридцать Чейз забеспокоился. А что, если Судья сегодня не позвонит? Перспектива лицезреть здесь Таппингера весь день и вечер, а наутро проснуться оттого, что он моется в ванной, казалась невыносимой.

— У вас есть сменщик? — поинтересовался Чейз.

— Если ожидание не слишком затянется, — ответил Таппингер, — я справлюсь сам.

— А как долго все это может продолжаться?

— Ну, — сказал Таппингер, — если за сорок восемь часов звонка не будет, я вызову сменщика.

Провести еще сорок восемь часов с Таппингером ему не улыбалось, но с ним, во всяком случае, не хуже, а может быть, и лучше, чем с другим полицейским. Таппингер, конечно, слишком уж наблюдателен, но зато не-

многословен. Ладно, пусть смотрит. И пусть думает о Чейзе все, что ему заблагорассудится. Пока он держит язык за зубами, никаких проблем не возникнет.

В полдень Таппингер съел еще два яблока и буквально заставил съесть одно Чейза. Было решено, что Чейз сходит и купит жареного цыпленка на ужин.

В двенадцать тридцать Чейз выпил первый стакан виски.

Таппингер наблюдал за ним, но по-прежнему молчал.

В три часа дня зазвонил телефон. Несмотря на то что именно этого они ждали со вчерашнего вечера, Чейз не хотел подходить. Однако рядом был Таппингер, который, надев наушники, требовал, чтобы Чейз взял трубку, и ему пришлось сделать это.

— Алло? — сказал он напряженным, надтреснутым голосом.

— Мистер Чейз?

— Да, — подтвердил он, тут же узнав голос. Это был не Судья.

— Это мисс Прингл, я звоню по поручению доктора Ковена, чтобы напомнить: вам назначен прием завтра в три часа. У вас, как обычно, пятидесятиминутный сеанс.

— Спасибо, — поблагодарил Чейз.

Мисс Прингл всегда звонила в таких случаях, хотя он и забыл об этом.

— Завтра в три, — повторила она и повесила трубку.

В четыре часа Таппингер пожаловался, что голоден, и категорически отказался поглощать пятое яблоко. Чейз согласился пообедать по-раньше, взял у Таппингера деньги — полицейский сказал, что их ему возместят как мелкие служебные расходы, — и отправился покупать жареного цыпленка, французские булки и салат из капусты. Для Таппингера он прихватил большую бутылку кока-колы, а для себя ничего. Он будет пить то, что всегда.

Они поели без двадцати пять, не утруждая себя застольными беседами и поглядывая на молчавший телефон.

Через два часа приехал Уоллес. Выглядел он исключительно усталым, несмотря на то, что заступил на дежурство только в шесть — меньше часа назад.

— Мистер Чейз, могу я немного поговорить с Джеймсом наедине? — спросил детектив.

— Конечно, — сказал Чейз, направился в ванную и закрыл за собой дверь. Немного подумав, он включил воду, хотя шум действовал ему на нервы, и стал слушать шепот мертвцев. Он опустил крышку унитаза и сел, разглядывая пустую ванну; ее надо бы почистить, подумал он. Интересно, заметил ли это Таппингер.

Меньше чем через пять минут Уоллес постучал в дверь:

— Извините, что мы выпихнули вас из собственной квартиры. — Он загадочно улыбнулся, как будто речь шла Бог весть о каких тайнах, и добавил: — Полицейские дела.

— Нам не повезло. Наверное, Таппингер уже сообщил вам.

Уоллес кивнул. У него был какой-то грустный вид, он старательно избегал смотреть Чейзу в глаза.

— Я слышал, — сказал он.

— Это первый случай, что он не звонит так долго.

Уоллес кивнул:

— Знаете, вполне возможно, он вообще больше не позвонит.

— Вы это в том смысле, что он уже вынес мне приговор?

Уоллес промолчал и вернулся в комнату к Таппингеру. Когда Чейз вошел вслед за детективом, то увидел, что полицейский отсоединяет провода и складывает свои устройства в чемодан.

— Боюсь, вы правы, мистер Чейз, — заговорил Уоллес, — убийца вынес приговор и не собирается больше общаться с вами. Мы не можем держать здесь человека.

— Вы уходите? — не поверил Чейз.

Уоллес даже не посмотрел на него.

— Да, — подтвердил он.

— Но в ближайшее время, возможно...

— Ничего не произойдет, — сказал Уоллес. — Мы только попросим вас, мистер Чейз, передать вам все, что скажет Судья, если он все-таки позвонит, хотя это маловероятно. — Он улыбнулся Чейзу.

Эта улыбка объяснила Чейзу все.

— Когда Таппингер посыпал меня за продуктами, он позвонил вам, да? — Не дожидалась ответа, он продолжал: — И рассказал о звонке секретарши доктора Ковела — от слова «сеанс» его, вероятно, осенило. Вы, похоже, поговорили с добрым доктором.

Таппингер кончил упаковывать оборудование и встал. Он поднял свой чемодан и быстро оглядел комнату — не забыл ли чего.

— Судья существует, — настойчиво сказал Уоллесу Чейз.

— Я не сомневаюсь, — ответил Уоллес. — Поэтому и прошу сообщить о его возможных звонках. — Он говорил таким притворно серьезным тоном, каким взрослые говорят с подростком, делая вид, будто они на равных.

— Он существует, дурак вы набитый!

Уоллес покраснел от самой шеи. Когда он заговорил, в голосе его чувствовалось напряжение и фальшь:

— Мистер Чейз, вы спасли девушку и заслуживаете за это всяческих похвал. Но факт остается фактом: за последние сутки никто вам не позвонил. Еще один факт: если бы этот человек, Судья, существовал на самом деле, вы непременно сообщили бы нам об этом после первого же звонка. Это естественная реакция — особенно для молодого человека с таким обостренным чувством долга, как у вас. И если взглянуть на эти факты в свете вашей истории болезни и объяснений доктора Ковела, то становится ясно, что дежурство у вас одного из

наших лучших сотрудников в данный момент совершенно неуместно. У Таппингера хватает других обязанностей.

Чейз понимал, сколь безоговорочно стече-
ние обстоятельств подтверждает правоту док-
тора Ковела. Кроме того, он видел, что и его
собственное поведение с Таппингером — не-
скрываемое пристрастие к виски, неумение под-
держивать разговор, чрезмерное желание из-
бежать рекламы, которое со стороны могло по-
казаться протестом человека, жаждущего как
раз обратного, — обернулось против него. Сжав
кулаки, он тихо сказал:

- Убирайтесь.
- Спокойно, сынок, — произнес Уоллес.
- Убирайтесь немедленно!

Уоллес оглядел комнату и остановил взгляд на бутылке виски:

— Таппингер сказал, что у вас дома нет никакой еды, зато в буфете стоят пять буты-
лок виски. — Он не смотрел на Чейза, похо-
же, смущенный и оттого, что Таппингер явно
шнырял по комнате, и от собственного неуме-
ния сочувствовать другому человеку. — Вы
выглядите фунтов на тридцать худее нормы,
сынок.

— Убирайтесь, — упрямо повторил Чейз. Ему
не хотелось кричать, привлекая внимание мис-
сис Филдинг, но он не представлял, как еще за-
ставить Уоллеса слушать его.

Уоллес тем временем переминался у дверей
в поисках способа более достойно обставить

свой уход; казалось, он вот-вот начнет жаловаться Чейзу, что, мол, в полицейском управлении позарез не хватает толковых людей. Однако он избежал этого штампа и сказал:

— Что бы ни случилось с вами там, во Вьетнаме, вы не должны заглушать память об этом с помощью виски. Не пейте столько. — И прежде чем Чейз, разъяренный этим доморощенным психоанализом, снова велел ему убираться, Уоллес вышел: Таппингер последовал за ним.

Чейз захлопнул за ними дверь, подошел к буфету и налил себе виски. Он снова был один. Но он к этому привык.

Глава 5

Во вторник, в семь тридцать вечера, счастливо избежав встречи с миссис Филдинг, Чейз вышел из дома, сел в «мустанг» и поехал по направлению к Канакауэй-Ридж-роуд, вроде бы куда глаза глядят, но в глубине души точно знал, куда он направляется. По Эшсайду и примыкающим к нему районам он ехал на дозволенной скорости, но на горной дороге выжал акселератор до предела, закладывая на поворотах крутые виражи; белые столбики ограждения мелькали мимо так быстро и так близко к машине с правой стороны, что сливались в сплошную белую стену, а провода, натянутые между ними, казались черными линиями, нанесенными на призрачных досках.

На вершине горного шоссе он припарковался на том самом месте, где стоял в понедельник вечером, выключил двигатель и откинулся на спинку сиденья, прислушиваясь к слабому шуму ветра. Он сразу понял: напрасно остановился, не нужно было этого делать. Быстрая езда прогоняла мучительные раздумья о том, как быть дальше, дарила забвение. Теперь же он чувствовал растерянность и отчаяние.

Чейз открыл дверцу и вышел из машины, понятия не имея, что собирается здесь выяснить. До наступления темноты оставался час — вполне достаточно времени, чтобы как следует обыскать место, где стоял «шевроле». И пусть полицейские уже не раз прочесали все вокруг, и притом куда тщательнее, чем в состоянии сделать Чейз. По крайней мере, выйдя из машины, он мог ходить, двигаться, а значит, избавиться от тягостных мыслей.

Пройдясь вдоль аллеи, Чейз двинулся к кустам, возле которых в тот вечер разыгралась кровавая трагедия. Земля была утоптана, усыпана окурками, обертками от конфет и скомканными листками из репортерского блокнота. Он ногами разбрасывал мусор, осматривая смятую траву, — и чувствовал себя последним дураком, пытаясь найти улики среди этой свалки. С таким же успехом можно было попытаться подсчитать зевак, которые стекались на место убийства, — да нет, результаты, пожалуй, были бы даже более весомыми.

Потом он подошел к ограде у обрыва и перевесился через нее, глядя на камни, заросли терновника и деревья внизу. Приподняв голову, он увидел весь город, лежащий в долине, над которым возвышался позеленевший от времени медный купол муниципалитета.

Чейз все еще смотрел на этот изъеденный коррозией металлический купол, когда услышал характерный воющий звук и почувствовал, что перила под его рукой содрогнулись. Оглянувшись по сторонам и никого не увидев, он уже готов был забыть об этом, но тут звук и вибрация перил повторились. На этот раз, наклонившись над пропастью, он обнаружил причину: пулю, которая ударила о железную трубу и отскочила рикошетом.

С молниеносной быстротой, приобретенной в боях, он развернулся и отскочил прочь от ограды, от обрыва. Падая на землю, успел оглядеть окрестности и счел самым безопасным убежищем ближайшую декоративную живую изгородь. Чейз перекатился к ней и напоролся на шипы, расцарапав щеку и лоб. Затаившись, он лежал не двигаясь и ждал.

Прошла минута, другая — ни звука, кроме шороха ветра.

Чейз пополз на животе, направляясь теперь к дальнему концу живой изгороди, которая тянулась параллельно шоссе. Благополучно добравшись туда, он осторожно выбрался на открытое место, пристально всматриваясь в участок около шоссе в поисках хотя бы признаков чело-

века, который стрелял в него. Парк казался безлюдным.

Он начал было подниматься, но вдруг стремительно бросился на землю, движимый скорее инстинктом, чем хитростью. Там, где он только что был, траву скосила пуля, взметнув комья земли. Охотившийся на него человек стрелял из пистолета с глушителем.

Чейз некоторое время раздумывал, насколько реально штатскому человеку обзавестись глушителем. Даже во Вьетнаме, где офицеры собирали трофейное оружие для продажи на черном рынке и посыпали его домой на собственный адрес, чтобы продать после войны, глушители встречались достаточно редко. Большинство же солдат, носивших ручное оружие, предпочитало револьверы — у них выше точность боя и гораздо реже случаются осечки. Револьверные выстрелы невозможно было заглушить, да во Вьетнаме шум стрельбы никого и не беспокоил. Пистолет с глушителем у штатского ассоциировался у Чайза с какой-то противозаконной деятельностью, его не купишь в оружейном магазине.

Он ни на минуту не задумывался, кто стрелял в него: он это знал с самого начала. Судья, кто же еще.

Повернувшись, он пополз обратно вдоль извивающейся изгороди, к ее середине. Там быстро расстегнул рубашку, снял ее, разорвал на две половины и обмотал тканью руки. Лежа на животе, он осторожно раздвинул колючие ветки и взглянул в образовавшийся просвет.

Судью он увидел почти сразу. Человек скрючился около переднего бампера машины Чейза, опустившись на одно колено; пистолет он держал в вытянутой руке, ожидая, пока появится его жертва. До него было около двухсот футов, и в сумерках Чейз не мог как следует разглядеть его — просто темный силуэт со светлым пятном вместо лица.

Чейз отпустил ветки и сорвал ткань с рук. Кое-где он уколол-таки кончики пальцев, но в общем и целом не пострадал от шипов.

Справа, футах в четырех от него, в кустарник ударилась пуля, поломала ветки и, зашипев, скользнула по бетонному тротуару возле ограды. Вторая пуля пролетела на уровне головы Чейза, не более чем в двух футах от него, а потом еще одна — но уже совсем далеко. Судье явно не хватало выдержки профессионального убийцы, и, устав от ожидания, взбешенный, он принялся палить куда попало в надежде случайно угодить в цель.

Чейз улыбнулся и стал медленно отползать назад к правому краю изгороди.

Добравшись до него, он осторожно выглянул. Судья, облокотившись на машину и склонив голову, пытался перезарядить пистолет. И хотя ничего сложного в его задаче не было, он, нервничая, никак не мог справиться с магазином.

Чейз вскочил на ноги и побежал.

Он одолел лишь треть разделявшего их расстояния, когда Судья, заподозрив неладное,

поднял голову, тотчас метнулся за машину и побежал со всех ног по шоссе.

Все еще улыбаясь, Чейз пригнулся, стиснул зубы и прибавил ходу. Пусть он порядком истощен и год не тренировался, однако мышцы реагировали как дрессированные животные. Он нагонял Судью.

Они миновали пик подъема, и дорога пошла под уклон, потом резко свернула, и Чейзу пришлось сбавить скорость, чтобы не потерять равновесия на вираже. Далеко впереди стоял красный «фольксваген», возле которого не было ни души. Ясное дело: это машина Судьи, потому что он кинулся к ней с возросшей скоростью.

— Нет! — крикнул Чейз.

Но голос его прозвучал слабо, как тихий свист сухого воздуха, выходящего из продырявленного бумажного пакета; даже сам Чейз на бегу едва услышал его.

Судья подбежал к машине, распахнул дверцу, сел за руль и захлопнул ее за собой быстрым, плавным движением. Наверное, он оставил ключи в замке зажигания, а может быть, вообще не выключал двигателя, пока ходил, чтобы привести в исполнение свой «приговор». «Фольксваген», взвизгнув колесами, мгновенно выехал с обочины на асфальт, пыхнув густыми клубами белого дыма. По крайней мере, эту часть плана Судья отработал гораздо лучше, чем можно было ожидать от дилетанта.

Чейзу не удалось рассмотреть номера машины, потому что он совершенно ошелел, услышав звук автомобильной сирены позади, совсем близко. Метнувшись к обочине, Чейз споткнулся, земля ушла из-под ног, и он покатился по усыпанному гравием косогору, обхватив себя руками, чтобы меньше ударяться о камни, пока резко не остановился, больно стукнувшись об ограду.

Лишь один раз послышался визг тормозов, похожий на вскрик раненого человека. Огромный грузовик с черными буквами на оранжевых бортах промчался мимо со скоростью, недопустимой на кругом спуске Канакауэй-Ридж-роуд; кузов раскачивался, в нем из стороны в сторону болтался груз. Чейз успел пожелать, чтобы он догнал «фольксваген» и переехал его, не замедляя хода. Через мгновение грузовик скрылся из виду.

Глава 6

На лбу у Чейза, над самым правым глазом, красовалась двухдюймовая царапина и еще порез поменьше на правой щеке — результат падения в колючую изгородь; обе раны уже подсохли, кровь запеклась. Кончики четырех пальцев тоже оказались искалеченными о колючки, но это его меньше всего беспокоило: на фоне остального — сущий пустяк. Ребра ныли от лихих кульбитов по усыпанному гравием

косогору, хотя, кажется, ни одно не сломано; грудь, спина и руки — сплошь в синяках от ударов о крупные камни. Обе коленки ободраны до крови. Помимо всего прочего, он лишился рубашки, которую разорвал надвое, чтобы защитить руки от шипов, да и брюки годились лишь на помойку.

Он сидел в «мустанге» у края аллеи влюбленных, оценивая нанесенный ему ущерб, и вовсе не чувствовал облегчения, которое, возможно, чувствовали бы другие, оттого, что отделался несколькими ссадинами, когда мог бы лишиться жизни. Его тряслось от ярости, хотелось расколотить что-нибудь, врезать кому-нибудь как следует или в крайнем случае хотя бы завопить во весь голос от досады. Однако прошло несколько минут, и он задышал ровнее, острая боль во всем теле притупилась. Под влиянием здравого смысла поумерился его боевой запал. Он ничего не выиграет, если ринется очертя голову неизвестно куда, желая побыстрее отомстить. Не двигайся с места — подсказывал разум. Успокойся. Подумай как следует.

На аллее влюбленных уже появилось несколько машин; они жались к изгородям, возле которых сгостились сумерки. Еще даже не появились звезды, и кромка заката алея на небе, но влюбленные были тут как тут. Чейз поразился их бесшабашной смелости — возвращаться на место убийства, когда сумасшедший, который зарезал Майкла Карнса, еще

на свободе. Интересно, запрут ли они сегодня дверцы машин.

Поскольку здесь, вполне возможно, дежурят полицейские патрули, на тот случай, если убийца вновь попытается на кого-нибудь напасть, им наверняка покажется подозрительным человек, одиноко сидящий в машине. Чейз завел мотор, развернулся и направился в город.

Дорогой он пытался вновь и вновь вспомнить все, что видел, дабы не упустить ни одной мельчайшей подробности, способной стать ключом к разгадке личности Судьи. Итак, у Судьи есть пистолет с глушителем и красный «фольксваген». Он плохо стреляет, но, судя по тому, как ловко отъехал, хорошо водит машину. Судья нетерпелив, о чем говорит его пальба наугад. Вот и все.

Что дальше? Идти в полицию?

Но тут он вспомнил Уоллеса, его покровительственный тон и сразу отказался от этой затеи. Он уже пробовал искать помощи. Сначала у Ковела — и что же? Получил несколько бесполезных советов, вот и все. От полиции было еще меньше толку. Оставалось только одно: взяться за дело самому, открыть глаза, навострить уши и постараться выследить Судью прежде, чем Судья убьет его.

Приняв решение, он уже и не представлял, что можно поступить по-другому.

Миссис Филдинг, встретив его у дверей, удивленно отшатнулась, когда увидела, в ка-

ком он состоянии. Она приложила руку к губам и так жеманно ахнула, что создалось впечатление, будто она репетировала заранее.

— Что с вами? — спросила она.

— Я упал, — ответил Чейз. — Ничего страшного.

— Но у вас кровь на лице, — сказала миссис Филдинг. Чейз с интересом заметил, что она прижала руку не к груди, а к губам — халат же у нее был, как всегда, расстегнут на три пуговицы. — Только посмотрите на себя, вы весь в синяках и ссадинах!

— Правда, миссис Филдинг, со мной все в порядке. Небольшой несчастный случай, но, как видите, я держусь на ногах без посторонней помощи.

Она оглядела его повнимательнее, как будто тщательное изучение его ран могло ей что-то объяснить, и спросила:

— Вы опять пьяны, мистер Чейз? — Ее тон из озабоченного превратился в неодобрительный. Она впервые заикнулась о его пристрастии к виски с того самого времени, как узнала, что он герой.

— Совсем не пил, — ответил Чейз.

— Вы знаете, я не одобряю пьянства.

— Да, знаю, — сказал он, обойдя ее и поднимаясь по ступенькам. Лестница казалась бесконечной.

— Вы не разбили машину? — крикнула она вслед.

— Нет, — успокоил он.

Чейз поднимался с нетерпением, ожидая площадки, которая казалась неким убежищем. Но, как ни странно, на сей раз миссис Филдинг не испортила ему настроения, как обычно.

— Это хорошо, — сказала она. — Пока у вас есть машина, вам легче будет искать работу. — Ее синие меховые тапочки зашлепали по коридору в направлении лестницы.

— Несомненно! — крикнул он.

Вот наконец и площадка. Чейз постоял, приходя в себя, опершись о полированные перила. Дальше он стал подниматься, перешагивая через две ступеньки, хотя ноги и плохо слушались, быстро миновал коридор второго этажа и взобрался в свою комнату по лестнице, ведущей на чердак. Войдя, он запер за собой дверь и с облегчением вздохнул.

Выпив стакан виски со льдом, Чейз наполнил ванну такой горячей водой, какую только мог вытерпеть, и забрался в нее, кряхтя, как немощный старик, страдающий от артрита или какого-нибудь недуга похуже. Вода хлынула в открытые раны, и у него дух захватило от удовольствия и боли.

Через сорок пять минут выбравшись из ванны, Чейз обработал самые глубокие царапины мертиолатом, надел легкие слаксы, спортивную рубашку, носки и кроссовки. Со вторым стаканом виски в руке он уселся в кресло и стал раздумывать, как поступить дальше. Необходимость предпринять активные действия одновременно будоражила его и пугала.

Прежде всего ему, пожалуй, следует поговорить с Луизой Элленби, подружкой убитого Майкла Карнса. Полиция допрашивала их каждого по отдельности, но кто знает, возможно, вместе они смогут вспомнить что-нибудь упущенное в ту ночь — какую-то важную деталь.

В телефонной книге значилось восемнадцать Элленби. Но Чейзу повезло, потому что он вспомнил, как Луиза рассказывала, что ее отец умер, а мать больше не вышла замуж. В книге оказалась лишь одна женщина по фамилии Элленби. Клета Элленби, жившая на Пайн-стрит, в районе Эшсайд.

Он набрал номер и стал ждать; после десятого гудка трубку сняли. Голос на другом конце провода, теперь спокойный и уверенный, явно принадлежал Луизе Элленби. В нем звучала томность, проникновенная женственность, которой он прежде не заметил и не мог даже себе вообразить. Она назвала свое имя.

— Это мистер Чейз, Луиза, — сказал он. — Помнишь меня?

— О да, конечно. — Похоже, она была искренне рада услышать его голос, впрочем, наверное, любому приятно разговаривать с человеком, который спас ему жизнь. — Как поживаете?

— Прекрасно, — ответил он, кивая, точно она могла его видеть. Потом спохватился и сказал: — Вообще-то, признаться, довольно паршиво.

— В чем дело? — спросила она; теперь ее голос звучал озабоченно. — Не могу ли я вам помочь?

— Хотелось бы поговорить с тобой, если можно, — сказал Чейз. — О том, что случилось в понедельник ночью.

— Ну... конечно, о чем речь, — согласилась Луиза.

— Этот разговор тебя не расстроит?

— Нет, — беззаботно ответила она, не оставляя у собеседника ни малейшего сомнения, что это действительно так, и спросила: — Вы можете приехать сейчас?

— Если тебе удобно, с удовольствием, — ответил он.

— Прекрасно. Сейчас десять — значит, через полчаса, в половине одиннадцатого. Подходит?

— Подходит, — подтвердил Чейз.

— Тогда буду ждать вас. — Она положила трубку.

Его ссадины начали подсыхать и стягиваться, и у Чейза появилось ощущение, будто он с головы до ног обмотан бельевой резинкой. Он встал, потянулся, нашел ключи от автомобиля и быстро прикончил свой стакан.

Пришло время ехать, а он вдруг почувствовал апатию. Внезапно ему стало ясно, насколько бесповоротно эта добровольно взятая на себя ответственная миссия изменит его жизнь, нарушит привычный уклад, который он выработал за долгие месяцы после демобилизации и больницы. Больше не будет утреннего праз-

дного времяпрепровождения в городе, не будет дневного просмотра старых фильмов, не будет вечернего чтения и потягивания бренди до тех пор, пока не сморит сон. По крайней мере, всего этого он лишится на долгое время, пока не распутает эту историю и над ним не перестанет висеть дамоклов меч — Судья с его «судом» и тем, что должно последовать дальше. А если рискнуть и попробовать отсидеться здесь, в комнате? Поймают же Судью рано или поздно, пусть через несколько недель, ну, самое долгое — через несколько месяцев. И он, Чейз, останется в живых.

Но в следующий раз Судья может и не промахнуться...

Чейз проклинал всех, кто заставил его расстаться с безмятежным существованием — Захарию, местную прессу, Ассоциацию торговцев, Судью, доктора Ковела, Уоллеса, Таппингера, но он знал, что выбора у него нет. Единственное утешало: когда со всем этим будет покончено, он вернется в свою комнату, запрет дверь и снова начнет вести тихую, размеренную жизнь, к которой приучил себя за последний год.

Когда он выходил из дома, миссис Филинг не прицепилась к нему, и Чейз счел это за добрый знак.

Мать и дочь Элленби жили в двухэтажном кирпичном доме, выстроенном в неоколониальном стиле, с маленьким участком. Распола-

гался он в районе Эшсайда, где селились люди среднего достатка. В начале протянувшейся к дому короткой дорожки росли два голландских вяза, в конце — две карликовые сосны. Пара ступенек вела к белой двери с латунным молотком. Молоток, когда его поднимали и опускали, не только издавал короткое «тук», но и приводил в действие дверной звонок, что не понравилось Чейзу, так же как ему не нравились зеркала в золоченых рамках, сувенирные пепельницы и яркие афганские ковры, которые он считал безвкусными.

Луиза сама открыла дверь. На ней ладно сидели белые шорты и тоненькая белая майка. Похоже, последние полчаса она провела перед зеркалом, красясь и расчесывая свои длинные волосы.

— Входите, — пригласила она, отступая, чтобы пропустить его.

Гостиная оказалась как раз такой, как он себе представлял: дорогая мебель в колониальном стиле, цветной телевизор, установленный на огромной вычурной тумбочке, вязаные коврики на натертом сосновом полу — повсюду признаки небрежности, с которой велось хозяйство: журналы, грудой валяющиеся на полке, засохшие круги от чашек на кофейном столике и следы пыли на нижних перекладинах затейливых стульев.

— Садитесь, — пригласила Луиза. — Диван удобный, и большое кресло в цветочках тоже. Все остальное — вроде стульев в школьномbu-

фете. Мама обожает антиквариат и колониальный стиль. А я это барахло терпеть не могу.

Он улыбнулся и сел на диван:

— Извини, что я беспокою тебя так поздно вечером...

— Ничего страшного, — перебила она беззаботно и очень уверенно. Он с трудом узнавал всхлипывающую девчонку, которую в понедельник ночью извлек из машины Майкла Карнса. — Я уже окончила школу и могу ложиться спать, когда захочу. Кстати, обычно я ложусь в три — полчетвертого утра. — Она мимолетно улыбнулась, как бы меняя тему выражением своего лица. — Хотите, я сделаю вам коктейль?

— Нет, спасибо.

— Не возражаете, если я выпью?

— Валяй, — милостиво разрешил он.

Он смотрел, как ее аккуратные ножки прошагали к стенному бару, скрытому в книжных полках. Доставая ингредиенты для коктейля, она встала спиной к нему, ее бедра искушающие напряглись, круглая попка выпятилась в его направлении. Это могла быть неосознанная поза девушки, в которой уже пробудилась женщина, но которая еще до конца не понимает, в какой соблазн может ввести мужчину ее упругое тело. Однако не исключено, что поза выбрана и умышленно.

Когда Луиза вернулась с коктейлем, который, как ему показалось, приготовила довольно профессионально, он заметил:

— А ты достаточно взрослая, чтобы пить?

— Мне семнадцать, — ответила она. — Почти восемнадцать, я окончила школу, осенью начинаю учиться в колледже, так что я уже не ребенок.

— Конечно, — сказал он, испытывая неловкость. Он слышал, как девушка говорила все это детективу. Что это с ним происходит, почему она вызывает у него эдакие родительские чувства? В конце концов, он старше ее всего на семь лет, это недостаточная разница в возрасте, чтобы читать девушке нотации о правилах поведения. Всего семь лет назад он был ее ровесником, однако тогда семнадцатилетние были-таки детьми. Он и забыл, как рано они теперь взрослеют, точнее, начинают считать себя взрослыми.

— Вы правда не хотите выпить? — спросила она, отпив из своего стакана.

Чейз снова отказался.

Луиза откинулась на спинку кушетки, скрестила голые ноги, и тут он вдруг сообразил, что сквозь тонкую ткань майки видны соски ее маленьких грудей.

— Знаешь, — сказал он, — до меня только что дошло: ведь твоя мама, возможно, уже спит, если ей рано на работу. Я не хотел бы...

— Мама на работе, — перебила Луиза, застенчиво посмотрев на него. Может быть, она и сама не понимала силы воздействия этого взгляда: ресницы опущены, голова чуть-чуть наклонена набок. — Она работает официант-

кой в баре. Уходит на работу в семь, освобождается в три, а домой приходит около половины четвертого утра.

— Понятно.

— Вы испугались? — спросила она с улыбкой. — Ну, что мы с вами здесь вдвоем?

— Конечно нет, — ответил он, тоже улыбаясь, откинулся на спинку дивана и повернул голову так, чтобы видеть ее. Но теперь-то он точно знал, что ее чувственные позы — не случайность, они продуманы до мелочей.

— Итак, с чего начнем? — спросила она, явно вкладывая в эти слова двойной смысл.

Чейз сделал вид, будто не заметил этого, и в течение получаса заставлял Луизу вспоминать ту ночь, сопоставляя ее воспоминания со своими собственными, выспрашивая у нее подробности и требуя, чтобы она в свою очередь расспрашивала его, в надежде натолкнуться на какую-нибудь мелочь, которая оказалась бы ключом к разгадке или хотя бы позволила видеть все это безумие в более упорядоченном виде. Нет, они не вспомнили ничего нового, да и надежды было мало, но она отвечала на все его вопросы, искренне стараясь припомнить события той ночи. Она говорила о них с безразличием стороннего наблюдателя, и казалось, подобный тон не стоил ей никаких усилий, как будто это вовсе и не с ней произошло.

— Ничего, если я выпью еще? — спросила она, встряхивая свой стакан.

— Валяй.

— Может быть, вы тоже хотите?

— Нет, спасибо, — отказался он, понимая, что ему нужно сохранить трезвую голову, хотя он и не способен вполне трезво мыслить.

Луиза стояла в той же соблазнительной позе и смешивала коктейль; вернувшись на кушетку, она села гораздо ближе к нему, чем сидела раньше.

— Я кое-что вспомнила. Вы спросили меня, было ли у него на руке кольцо, и я ответила, что было. Но я совсем забыла сказать, как он носил его.

Чейз подался вперед, желая услышать что угодно, пусть сейчас это покажется пустяком.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — проговорил он.

— Это было мизинное кольцо, — сказала она.

— Что-что?

Она пошевелила мизинцем на свободной руке:

— Мизинное кольцо, ну, которое носят на мизинце. Вы разве такого никогда не видели?

— Конечно видел, — сказал он. — Но не понимаю, что этот факт дает нам нового или важного.

— Ну-у, — протянула Луиза, придавая своему лицу абсолютно бесстрастное выражение, — лично я видела такие только у девушки и у голубых.

Чейз задумался. Похоже, они недаром потратили время. Это уже кое-что.

— Так ты полагаешь, убийца может быть... гомосексуалистом?

— Не знаю, — пожала плечами она. — Но кольцо он точно носил на мизинце.

— А ты сказала об этом Уоллесу?

— Да я только сейчас сообразила. Вы заставили вспомнить те события, и меня как будто осенило.

Чейз был доволен. Куда как приятно, пусть медленно, по крупицам, но собирать сведения о Судье — начиная с самого первого обрывка информации. Потом он передаст все это в полицию с презрением человека, которого они списали со счетов, счтя, что у него пограничный случай психического расстройства со сложными галлюцинациями. Звучит по-детски, ну и пусть. Он уже давно не доставлял себе детских удовольствий.

— Это наблюдение может помочь, — сказал он.

Она скользнула поближе к нему, точно хорошо смазанная машина, предназначенная исключительно для того, чтобы соблазнить, — сплошные округлые формы и золотистый загар.

— Вы думаете, мистер Чейз?

Он кивнул, пытаясь сообразить, как лучше всего отделаться от нее, чтобы не обидеть, чувствуя тем временем, что она прижалась к нему бедром.

Чейз резко встал и сказал:

— Мне надо идти. Теперь у меня есть конкретный факт, и это больше, чем я рассчитывал. — Он лишь слегка покривил душой: вообщем-то он совсем ни на что не рассчитывал.

Луиза тоже встала, почти вплотную придвигнулась к нему.

— О, еще рано, — проворковала она. — Жаль, что вы не останетесь и не составите мне компанию.

Чейз чувствовал букет женских ароматов — духов, мыла, свежевымытых волос, намека на секс, — эти запахи способны заинтриговать мужчину, но он вовсе не был заинтригован. Только возбужден. Удивительное дело: в первый раз за много месяцев его возбудила женщина. Но возбуждение и интерес — разные вещи. Хотя она и стройная, и хорошенская, но не вызывает у него ничего, кроме полового влечения, которое он не считал надежным мерилом отношений между мужчиной и женщиной.

— Нет, — сказал он. — Мне нужно повидать еще кое-кого.

— В такое-то время?

— Да. Одного-двух человек, — подтвердил он, чувствуя, что теряет инициативу.

Луиза поднялась на цыпочках и лизнула его губы. Не поцеловала — просто очень быстро провела розовым язычком.

Тут он понял, почему не доверяет своему половому влечению. Хотя Луиза с виду женщина и ведет себя более чем по-женски, но

на самом деле она до женщины не дотягивает. Конечно, уже не ребенок, не девочка. Но ей не хватает жизненного опыта, закалки. Она всегда была под опекой родителей, в результате и возник этот чувственный лоск, который мог легко привести их обоих к бурному взрыву чувственности, — но после этого останется только опустошение и злость. О чем они будут, к примеру, разговаривать после того, как он трахнет ее?

— Дом в нашем распоряжении еще несколько часов, — уговаривала она. — И кушетка нам не понадобится. У меня огромная белая кровать с белым пологом и золочеными ножками.

— Не могу, — сказал он. — В самом деле не могу, потому что меня ждут.

Луизе хватило женской интуиции, чтобы понять: она проиграла. Девушка отступила на шаг и улыбнулась Чейзу:

— Но я хочу отблагодарить вас. За то, что вы спасли мне жизнь. За это полагается большая награда.

— Ты ничего не должна мне, — сказал он.

— Должна. Как-нибудь в другой раз, когда у вас не будет неотложных дел, да?

Поскольку злить ее было ни к чему — сотрудничество с ней могло понадобиться Чейзу позже, он наклонился, поцеловал ее в губы и сказал:

— Ну конечно, в другой раз.

— Прекрасно, — сказала она. — Я знаю, что нам будет хорошо вместе.

Такая лошеная, быстрая и легкая — ни одной задоринки, чтобы зацепиться. Интересно, подумал Чейз, помнят ли ее любовники, с кем они только что спали?

Он сказал:

— Если детектив Уоллес снова будет допрашивать тебя, не могла бы ты... забыть о кольце?

— Конечно могу. Но почему вы занимаетесь этим расследованием в одиночку? Я так и не спросила.

— У меня есть на то причины, — ответил он. — Личные.

Вернувшись домой, Чейз стал обдумывать новый факт, и теперь он уже не казался ему столь важным. То, что Судья носил кольцо на мизинце, еще не доказывало его сексуальной извращенности — так же как длинные волосы не показатель революционного настроя и склонности к насилию, а крошечная мини-юбка вовсе не говорит о том, будто ее обладательница всем доступна лишь потому, что открывает ноги выше допустимого общественной моралью предела. И даже если Судья гомосексуалист, от этого найти его ничуть не легче. Конечно, в городе есть места, где собираются геи, и Чейз знал их почти все, если только они не повыходили из моды. Но в этих злачных местах пасутся сотни людей, и нет никакой гарантии, что их посещает Судья.

Чейз разделся; мрачное настроение вернулось к нему, и, взявшись с буфета стакан, он подошел с ним к холодильнику, бросил два кубика льда, взялся было за бутылку виски, но понял: для того чтобы заснуть, ему вовсе не нужно пить. До смерти уставший, он забрался в постель, оставив лед таять в пустом стакане, протянул руку и выключил ночник. Темнота была тяжелой и теплой и в первый раз за долгое время действовала на него успокаивающе.

Уже засыпая, он стал думать, не глупо ли поступил, отвергнув открытые сексуальные притязания Луизы Элленби. Он провел много месяцев без женщин и без стремления к ним. Луиза вызвала у него возбуждение, и в определенном смысле ее, наверное, можно считать совершенством: ее движения, скорее всего, были бы умелыми, уверенными и захватывающими дух. Почему он решил, что, кроме быстрого спаривания, кроме оргазма, должно быть что-то еще?

Может быть, он удержался от соблазна из боязни оказаться еще глубже втянутым в суету окружающего мира, поступиться своими ценностями привычками? Отношения с женщиной, пусть самые мимолетные, наверняка пробьют брешь в стенах, которыми он так тщательно отгородился ото всех.

Повернувшись на бок, Чейз зарылся лицом в подушку; ему больше не хотелось об этом думать. Однако у него не было выбора: мысли приходили без приглашения. И вскоре ему

пришло в голову, что с ним происходит нечто непонятное, он даже не мог решить, хорошо это или плохо. Он отверг Луизу Элленби, чтобы сохранить свои сексуальные привычки, — но тут же нарушил не менее важный ритуал, неотъемлемо входивший в его отшельническую жизнь, в его покаяние: он не выпил своего стакана виски.

Глава 7

Проснувшись на следующее утро, Чейз на долю секунды почувствовал, будто его посетил король всех похмелий, и тут понял, что это саднит израненное во время вчерашних падений тело. Каждый синяк, каждая ссадина распухли и потемнели и были буквально переполнены болью — казалось, ее можно выжать и она польется струей, скажем, коньячного цвета. Глаза запали, в них коренилась боль, охватившая весь череп. Когда он сел и попробовал выбраться из постели, мышцы воспротивились, точно заржавленные стальные полосы, трущиеся друг о друга без смазки.

Ему было так плохо, что он просто отмахнулся от привычных кошмаров — не до них.

В ванной, ухватившись руками за раковину, Чейз приблизился к пятнистому зеркалу и увидел, что его лицо выглядит изможденным и гораздо более бледным, чем всегда, а под глазами залегли глубокие темные круги. Грудь и спину

покрывали синяки размером с отпечаток большого пальца, но болели они так, словно были гораздо крупнее.

Чейз убедил себя, что горячая ванна улучшил его самочувствие, но на самом деле после нее стало только хуже. Вернувшись в комнату, он начал ходить из угла в угол, размахивая руками, пытаясь превозмочь боль, не обращать на нее внимания. Он заставил себя продержаться десяток отжиманий и приседал до тех пор, пока у него не закружилась голова и ему не показалось, что он вот-вот потеряет сознание. И все-таки там, где ванна оказалась бесполезной, гимнастика, хотя и не совсем, но помогла. Он знал, что единственное лекарство — деятельность, и начал одеваться.

При свете дня, окутанный болью, как плащом, Чейз подумал, что его план никуда не годится и заранее обречен на неудачу. Однако он знал, что не может теперь прекратить свое расследование. По-прежнему его обуревало сложное чувство: смесь страха и желания доказать свою правоту Ковелу, Уоллесу и иже с ними. Пока ни один из этих мотивов не ослаб, их смешение было для него хорошим стимулом продолжать действовать. Шагая, как осьминог, он двинулся вниз по лестнице.

— Для вас почта, — сказала миссис Филидинг. Шлепая тапочками, она вышла из гостиной, взяла со стола простой коричневый конверт и подала ему. — Как видите, здесь нет обратного адреса.

— Наверно, это реклама, — предположил Чейз. Он шагнул к входной двери, надеясь, что она не заметит его скованных движений и не осведомится о здоровье.

Однако он мог не беспокоиться, потому что в данный момент ее гораздо больше интересовало содержимое конверта, чем он сам.

— В простом конверте не присылают рекламу. В простых конвертах без обратного адреса приходят только приглашения на свадьбу — но не похоже, чтобы это было приглашение, — и грязная литература. — Она строго посмотрела на него и сказала: — Я не потерплю с моем доме грязной литературы.

— Я вас понимаю, — согласился Чейз.

— Значит, это что-то другое?

— Да, — ответил он, разрывая конверт и извлекая оттуда ксерокопии собственной психиатрической истории болезни и журнальных статей. — Мой приятель, который знает, что я интересуюсь психологией и психиатрией, присыпает мне интересные статьи на эти темы, если они ему попадаются.

— Да? — произнесла миссис Филдинг, явно удивленная, что у Чейза имеются столь интеллектуальные и доселе ей неизвестные интересы. — Что ж, надеюсь, я вас не смущила, но ни в коем случае не потерпела бы в своем доме порнографии.

Чейз едва удержался, чтобы не высказаться по поводу ее незастегнутого халата.

— Я понимаю, — сказал он. — Извините, но мне пора.

— Беседа по поводу работы? — спросила она.

— Да.

— Тогда не стану вас задерживать!

Он подошел к машине, плюхнулся на сиденье водителя и несколько секунд подышал свежим воздухом. Потом завел мотор, отъехал подальше от дома, остановился, не выключая двигателя, и стал просматривать странички, которые прислал ему Судья.

Если Чейз надеялся найти в содержимом этих страниц нечто, способное убедить его в бессмысленности намерений и в необходимости вернуться в свою комнату, то он был разочарован. Записи Ковела, напротив, породили в нем еще большее упрямство, еще более яростную злость и несокрушимое желание самоутвердиться. Записи, сделанные от руки во время их сеансов, было так трудно разобрать, что он оставил их на потом, зато тщательно изучил все три опубликованных и две еще не опубликованных статьи, где речь шла о нем. Во всех статьях сквозила самонадеянность Ковела, а его эгоизм слегка искажал факты, которые преподносились им коллегам. Хотя имя Чейза ни разу не было упомянуто, он узнал себя в пациентах, о которых шла речь в этих статьях, — но так, как будто смотрел на себя и на собственное психическое состояние через странное искажающее стекло. Почти все

симптомы его болезни были преувеличены так, чтобы заслуга Ковела в улучшении его состояния выглядела очевиднее. О неудачах Ковел умолчал, зато без зазрения совести приписывал себе методы лечения, которыми никогда не пользовался и о которых, вероятно, припомнил задним числом. Ковел изображал Чайза этаким мужчиной-ребенком, каким он якобы был до Вьетнама, писал о нем с совершенно неоправданным презрением. В конце концов растущее раздражение Чайза закончилось взрывом ярости; он запихнул листки обратно в конверт, завел машину и тронул с места, как никогда сильно желая собрать все данные о личности Судьи.

Городской гражданский архив, разместившийся в подвальном этаже муниципалитета, являл собой образец деловитости. Контора, расположенная перед вереницей хорошо освещенных помещений хранилища документов, была маленькой и аккуратной: четыре шкафа с папками, три пишущие машинки, длинный рабочий стол, крошечный холодильник, комбинированный с электроплитой, два огромных квадратных письменных стола с такими же громоздкими стульями — и две одинаково внушительные пожилые женщины, которые ритмично колотили по клавишам своих машинок со скоростью пулемета. Свободного места в комнате почти не оставалось, только

крошечный коридорчик у двери и проходы, ведущие от письменных столов к каждому необходимому предмету мебели. Чейз остановился в коридорчике и кашлянул, хотя был уверен, что сотрудницы видели, как он вошел. Одна из женщин, та, что потолще, допечатала страницу до конца, вытащила листок из машинки и аккуратно положила его в коробку с такими же бланками. Потом она взглянула на Чейза и улыбнулась. Это была деловая улыбка: рот приоткрылся, и уголки губ поднялись ровно настолько, чтобы можно было счесть это выражение лица улыбкой. Подержав улыбку на лице пару секунд, изображая минимум профессиональной любезности и дружелюбия, она сбросила ее. Губы женщины вытянулись в прямую линию, которая не выглядела ни улыбкой, ни кислой гримасой, но которая, как подумал Чейз, помогала ей сберечь массу сил и неплохо предохраняла лицо от морщин.

— Чем могу помочь? — спросила она.

Заранее решив воспользоваться приемом, которым, скорее всего, пользовался Судья, когда приходил сюда изучать жизнь Чейза, он сказал:

— Я занимаюсь семейной историей и хотел бы знать, не могу ли посмотреть кое-что в городских архивах.

— Конечно, — сказала толстая женщина, быстро поднимаясь со стула. Табличка на ее столе гласила: «Миссис Онуфер»; ее коллега,

«Миссис Клу», даже не подняла головы и продолжала стрекотать на машинке.

Миссис Онуфер обошла вокруг своего стола, прошла через коридорчик и поманила его за собой. Через черный ход они попали в большую комнату с бетонными стенками, в которой параллельными рядами выстроились стеллажи с папками. Там же стоял рабочий стол с тремя стульями; стол, кстати, весьма исцарапанный, а стулья — жесткие.

— На ящиках вы увидите наклейки, где значится, что внутри, — вот этот раздел направо содержит записи о рождении, в том дальнем шкафу — лицензии баров и ресторанов, за ним — записи отдела здравоохранения. У противоположной стены — дубликаты армейских досье, которые мы держим за номинальную годовую ренту, а рядом протоколы и бюджеты Городского совета за тридцать семь лет. Вы, надеюсь, меня поняли. Этикетка на каждом ящике означена согласно одной из двух систем хранения, в зависимости от материала — либо по алфавиту, либо в хронологическом порядке. Все, что вы вытащите из шкафов, следует оставить на этом столе, с тем чтобы позже положить на место. Не пытайтесь сами возвращать что-либо на место; это моя работа, и я выполню ее аккуратнее, чем вы. — Тут она позволила себе мимолетно скромно улыбнуться. — Из этой комнаты нельзя ничего выносить. За номинальную цену миссис Клу сделает вам копию любого нужного документа. Если из хра-

нилища что-нибудь пропадет, вас могут приговорить к штрафу в пять тысяч долларов и к двум годам тюрьмы.

- Спасибо за помощь, — сказал Чейз.
- И не курить! — добавила она.
- Ну что вы!

Миссис Онуфер повернулась и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь; стук ее каблуков в коридоре скоро затих, и он не слышал больше никаких звуков, кроме собственного дыхания.

Значит, для Судьи попасть сюда было также просто. Чейз бессознательно надеялся, что существует какая-то процедура регистрации тех, кто приходит в архив. Теперь он увидел, что миссис Онуфер не тратила времени на столь трудоемкое занятие, пребывая в полной уверенности: никто не проскользнет мимо нее с украденными бумагами под пиджаком. Она бы заметила виноватый вид столь же мгновенно, как злая собака замечает страх на лице своей потенциальной жертвы.

Он посмотрел собственное свидетельство о рождении, нашел протоколы заседания совета, где отцы города проголосовали за его награждение. В копии своего армейского досье обнаружил все факты, подробнейшим образом повествующие об истории его избранности, за исключением разве что частной переписки. Решив, что провел в архиве достаточно времени, чтобы не вызвать подозрений у миссис Онуфер, он вышел.

— Нашли то, что искали? — поинтересовалась миссис Онуфер.

— Да, спасибо.

— Не за что, мистер Чейз, — сказала она, возвращаясь к своей работе.

Он застыл на месте:

— Вы меня знаете?

Она подняла голову, улыбнулась — на сей раз улыбка задержалась у нее на лице на долю секунды дольше, чем обычная служебная, — и сказала:

— Я читаю газеты каждый вечер.

Вместо того чтобы направиться к двери, он подошел к столу.

— А если бы вы меня не узнали, — поинтересовался он, — спросили бы вы мою фамилию, прежде чем пустить в архив?

— Ну конечно, — сказала она. — За двенадцать лет, что я здесь работаю, никто ничего отсюда не унес, но я все-таки считаю нужным записывать фамилии посетителей, для надежности.

— У вас есть список?

Она постучала пальцем по тетради, лежавшей на краю стола:

— Я и ваше имя записала, по привычке.

— Боюсь показаться вам странным, но не могли бы вы сказать мне, кто был здесь в прошлый вторник?

Миссис Онуфер посмотрела на него, затем на тетрадь и быстро приняла решение:

— Почему бы и нет. В списке не содержитя ничего секретного. — Она открыла тетрадь,

пролистала несколько страниц и сказала: — В тот день было всего трое посетителей, вот фамилии, взгляните.

Хорошенько запомнив их, он сказал:

— Спасибо. Понимаете, мне постоянно на- доедают репортеры, а я не хочу рекламы. Ка- жется, обо мне уже рассказали все, что только возможно. Но я слышал, будто один здешний журналист пишет серию статей для столично- го журнала без моего согласия, вот и решил проверить, действительно ли он побывал здесь во вторник, как мне сообщили.

Хотя, по его мнению, эта ложь звучала со- вершенно абсурдно, Чейз вовсе не надеялся, что миссис Онуфер ему поверит, но все же счел нужным как-то объяснить свое появле- ние в архиве. Однако она поверила — герою верят все, — с пониманием кивнула, выслу- шав его вранье, и даже на несколько мгнове- ний прониклась его проблемами, порожден- ными докучливой шумихой вокруг его имени. Потом, вспомнив, что попусту теряет время, женщина склонилась над своей работой и та- ким образом попрощалась с ним.

Выйдя из конторы, он сообразил, что мис- сис Клу так ни разу и не подняла головы и яростный треск ее машинки не смолк ни на миг.

Когда он вышел из мэрии, было уже без четверти двенадцать, и Чейз почувствовал, что на удивление голоден. Он вывел свой «мус- танг» со стоянки, предварительно заплатив за

билет контролеру в будке, и поехал вдоль бульвара Галасио по направлению к веренице закусочных из стекла и алюминия для водителей, которые выросли как грибы после дождя, пока Чейз служил в армии. Он остановился у одной из них и заказал гораздо больше еды, чем, по его мнению, мог съесть. Хорошенькая рыжеволосая официантка в красных брючках принесла ему заказ, взяла деньги и выразила надежду, что ему все понравится. Без четверти час он съел все, что было на подносе, — больше, чем прежде съедал за целый день.

На ближайшей бензоколонке он пролистал телефонную книгу и нашел телефоны двух или трех человек, которые просматривали во вторник городские архивы. Он позвонил по этим номерам. Двое посетителей оказались женщинами, довольно пожилыми, и обе существовали на самом деле. Третье имя, Говард Девор, было вымышленным. Человек с таким именем не значился ни в телефонной книге, ни, как он выяснил позже, в городском справочнике. Конечно, это мог быть приезжий, но Чейз в этом сомневался. Он был уверен, что Говард Девор — псевдоним, которым воспользовался Судья.

Усомнившись, что сможет в уме выстроить свои данные в логическую цепочку и проследить все связи между разрозненными данными, он купил себе небольшой блокнот на пружинке, дешевую пластмассовую ручку и аккуратно записал:

- «1. Псевдоним — Судья.
2. Псевдоним — Говард Девор.
3. Возможно, гомосексуалист.
4. Не судим, отпечатки пальцев не снимались.
5. Умеет взламывать замки, взломал кабинет доктора Ковела.
6. Имеет красный «фольксваген».
7. Имеет пистолет с глушителем, вероятно, тридцать второго калибра».

Закончив, Чейз просмотрел список, немногого подумал и добавил восьмой пункт, только что пришедший ему в голову и показавшийся важным: «8. Скорее всего, безработный, в отпуске или на пенсии». Это казалось единственным возможным объяснением того, что Судья мог звонить Чейзу в любое время, следить за ним в разгар рабочего дня и потратить два дня на «изучение» его прошлого. Судя по голосу и по поступкам, он явно не настолько стар, чтобы оказаться пенсионером. Значит, безработный. Или в отпуске. Если первое верно, то круг подозреваемых значительно сузится, хотя и останется достаточно большим. Если, верно второе и Судья в отпуске, то количество часов в день, которые Чейз будет подвергаться опасности, сократится через неделю или две, когда тот приступит к работе.

Чейз закрыл блокнот и завел мотор, понимая: последняя его мысль — опасная попытка отступления, что он выдает желаемое за дей-

ствительное и это может только ослабить его решимость.

Девушка, которая заведовала отделом хранения справочного материала в «Пресс диспетч», была почти такая же высокая, как Чейз, — под метр восемьдесят, причем на низких каблуках, с золотистыми волосами до пояса, в юбке, едва прикрывающей бедра, и имела такие ноги, которые, казалось, никогда не кончатся. Ее звали Гленда Кливер, и говорила она старомодным тонким тихим женственным голосом, который, как ни странно, очень шел к ее красивой крупной фигуре.

Она показала Чейзу, как смотреть микрофильмы, и объяснила, что все издания до 1 января 1966 года теперь хранятся на пленках, для экономии места. Затем научила, как заказывать нужные пленки и получить выпуски, которые еще на пленку не переведены.

Около аппаратов сидели несколько репортеров, крутили ручки и смотрели в кинескопы, записывая что-то в блокноты, лежащие рядом на столе.

Чейз спросил:

— Здесь часто бывают посторонние?

Девушка улыбнулась ему, и он подумал, что ей не больше девятнадцати — двадцати лет и вот у нее-то как раз есть та жизненная закалка, которой не хватает Луизе Элленби. Она присела на край своего стола, скрестила стройные ноги, выудила из пачки на столе сигарету, зажгла ее и сказала:

— Я стараюсь бросить это дело, поэтому не удивляйтесь, что я только держу сигарету, но не курю ее. — Она скрестила руки на своей пышной груди. — Справочный отдел газеты в основном предназначен для сотрудников и для полиции. Но япускаю и посторонних бесплатно. Бывает человек десять в неделю.

— И что они здесь ищут?

— А что ищете вы? — спросила она.

Он минуту колебался, а потом выдал ей ту же историю, что и миссис Онуфер в муниципальном архиве.

Гленда Кливер кивнула, поднесла сигарету к губам, но отложила ее, не затянувшись.

— За этим приходят почти всегда посторонние. Просто удивительно, сколько людей собирают сведения о своих предках, чтобы их обессмертить.

В ее голосе слышалась явная насмешка, и он почувствовал, что ему нужно как-то подправить ложь, которую он ей сказал.

— История моего семейства останется ненаписанной.

— Значит, из чистого любопытства? — Она взяла сигарету из пепельницы и принялась вертеть в пальцах.

— Да, — подтвердил он.

— А меня совершенно не интересуют усопшие родичи. Я и живых-то родичей не слишком люблю.

Он засмеялся:

— Значит, вы не гордитесь своей фамилией, своим родом?

— Нет. Да и вообще, я скорее дворняжка, чем дворянка. — Она снова положила сигарету, ее тонкие пальцы держали ее как острый хирургический инструмент.

Чейз готов был говорить о чем угодно, кроме Судьи, потому что с ней он чувствовал себя удивительно легко, так легко ему не было с женщиной с тех пор, как... с самого «Жюль Верна», секретной операции во Вьетнаме. Но он также понимал, что ему хочется болтать, чтобы и далее избегать животрепещущей темы.

— Так я нигде не должен расписаться, что пользуюсь этим материалом?

— Нет, — сказала она. — Я вам принесу нужные материалы, а вы должны вернуть мне все перед уходом.

Он попытался придумать подходящий повод выспросить у нее, кто приходил к ней в отдел в прошлый вторник, но ничего дельного не шло ему в голову. Он не мог воспользоваться тем же рассказом, что у миссис Онуфер: рассказом о назойливом репортере, потому что уж где-где, а здесь такая причина встретит сочувствие. Если он скажет ей правду — пусть сама решает, поверить ей или нет, — и если она все же не поверит, он будет чувствовать себя пациентованным ослом. Как ни странно, хотя он только что познакомился с этой девушкой, ему не хотелось выглядеть смешным в ее глазах. Так он ничего и не сказал.

Была тому еще и другая причина: в комнате сидели два репортера, и если он скажет что-нибудь девушке, они тут же узнают, кто он и что здесь делает. Тогда ему не избежать очередной фотографии на первой полосе и подробного рассказа о всех его последних действиях. Они могут подать информацию либо прямо, либо недомолвками (вероятнее всего, второе, если они пообщаются с полицией и с доктором Ковелом), но, так или иначе, допускать этого нельзя.

— Ну, — спросила Гленда, — с чего вы начнете?

Прежде чем он успел ответить, один из репортеров у аппарата для чтения микрофильмов поднял голову и сказал:

— Гленда, можно мне взглянуть на все ежедневные выпуски между 15 мая и 15 сентября 1952 года?

— Минуточку, — сказала она, гася свою невыкуренную сигарету. — Этот джентльмен первый.

— Ничего, ничего, — сказал Чейз, воспользовавшись случаем. — У меня уйма времени.

— Точно? — спросила она.

— Ага. Принесите ему то, что он просит.

— Я вернусь через пять минут, — пообещала девушка.

Она прошла через маленькую комнату и вышла в широкую дверь архива; и Чейз, и репортер наблюдали за ней. Хоть и высокая, она

вовсе не выглядела неуклюжей и двигалась с чувственной, кошачьей грацией, из-за которой казалась хрупкой.

Когда она ушла, репортер сказал:

- Спасибо, что согласились подождать.
- Ничего.

— Мне в одиннадцать нужно закончить материал, а я еще даже не начал собирать источники сведений. — Он снова повернулся к своему аппарату и стал читать последнюю статью. Чейза он, по всей видимости, не узнал.

А тот воспользовался случаем и вышел из комнаты. До этого столь удачного перерыва он боялся, что ему принесут запрошенные материалы и придется тратить время, просматривая их, чтоб до конца сыграть роль, которую он себе придумал.

Вернувшись к машине, Чейз открыл свой блокнот и просмотрел список, но добавить к нему было нечего, да кроме того, он не видел никакой логической связи между восемью пунктами, которые уже записал. Захлопнув блокнот, он завел мотор и поехал на шоссе Джона Ф. Кеннеди.

Через пятнадцать минут он уже мчался по четырехрядному междугороднему шоссе за пределами города; спидометр показывал семьдесят миль в час, ветер со свистом врывался в открытые окна и шуршал в волосах. Чейз думал о Гленде Кливер и едва замечал оставленные позади мили.

После школы Чейз отправился учиться в столицу штата, потому что тамошний университет имел несколько преимуществ перед более отдаленными университетами. Он располагался всего в сорока милях от дома, и мать была рада, что сын сможет приезжать домой чаще, нежели только на рождественские и весенние каникулы, хотя для него это было совсем не так важно. Чейз остался в штате, потому что в этом случае мог пользоваться отцовским прекрасно оборудованным гаражом для ежемесячного технического обслуживания своего «доджа». Он унаследовал любовь к автомобилям от отца, и ему становилось не по себе, когда он долго не имел доступа к хорошему механическому оборудованию. (Во время войны механизмы приобрели для Чейза совсем иное значение, и он потерял всякий интерес к возне с железками.) К тому же, находясь так близко к дому, он мог по-прежнему поддерживать отношения с девушками, с которыми встречался раньше, учившимися в школе на класс или два младше, чем он. Если девушки в столице штата окажутся слишком искушенными, чтобы обращать на него внимание, то он знал: дома найдется несколько всегда готовых юных девиц, с которыми можно будет встречаться хоть каждый выходной. (Во время войны его мужской шовинизм слинял, сменившись, что, на его взгляд, было гораздо хуже, полным безразличием, глубочайшей скучой.)

Теперь, остановив машину у административного корпуса университета, Чейз чувствовал себя чужим здесь, как будто вовсе и не он провел четыре года жизни в этих зданиях и их окрестностях, исходил вдоль и поперек эти дорожки под раскидистыми кронами ив и вязов. Эта часть его жизни была отторгнута от настоящего времени войной, и чтобы проникнуться ее настроениями и воспоминаниями, нужно было вновь пересечь реку войны, чтобы выйти на берег прошлого, а этого он не мог позволить себе проделать из чистой сентиментальности. Он чужой в этом месте — чужим и останется.

Чейз нашел отдел регистрации студентов, существовавший в одном и том же месте уже более пятидесяти лет, и узнал в лицо почти всех его сотрудников, хотя никогда понятия не имел, как их зовут. На этот раз, обращаясь к заведующему отделом, он решил, что лучше всего сказать правду. Он назвал свое имя и вкратце объяснил цель визита.

— Я вас не узнал, а между тем, видимо, мог бы и узнать, — посетовал заведующий, маленький, бледный, нервный человек с аккуратно подстриженными усиками и в старомодной белой рубашке с воротником апаш. Он все время переставлял предметы на столе с места на место. Звали его Браун, и он сказал, что рад встретиться с таким выдающимся выпускником.

— Знаете, в последние месяцы десятки человек справлялись о вас, с того самого момен-

та, как было объявлено о награждении. Должно быть, вам не раз предлагали отличную работу.

Чейз сделал вид, что не заметил косвенного вопроса, и спросил:

— А вы записываете имена и адреса тех, кто спрашивает архивные данные о выпускниках?

— Конечно! — ответил Браун. — Мы даем информацию только бизнесменам.

— Прекрасно, — сказал Чейз. — Я ищу человека, который приходил во вторник, в прошлый вторник.

— Одну минуточку. — Браун принес регистрационный журнал, положил его на конторку, затем снова взял и стал пролистывать. — Был только один джентльмен, — сказал он.

— Кто же?

Браун показал Чейзу адрес и прочитал его вслух:

— Эрик Бренц, таверна «Гейтуэй Молл». Это в городе.

— Я знаю, где это, — сказал Чейз.

— Он что, предлагал вам работу?

— Нет.

— А я так понял, что он вам досаждает предложениями, — сказал Браун. Он взял авторучку, лежавшую на конторке, бесцельно повертел в руках и снова положил на прежнее место.

— Да, но не по поводу работы.

Браун посмотрел на гроссбух, все еще не понимая, как можно использовать ценную ин-

формацию не для того, для чего она предназначена.

— На вашем месте, мистер Чейз, я не стал бы принимать никаких его предложений, сколь бы высоким ни был оклад.

— Да?

— Мне кажется, с ним не очень-то приятно работать.

— Так вы его помните?

Браун снова взял ручку, повертел, положил.

— Конечно, — сказал он. — К нам в основном обращаются по почте. Не так часто потенциальный работодатель сам приходит за информацией.

— И как же выглядел Бренц?

— Почти вашего роста, хотя вовсе не крепкого сложения, очень худой и сутулился.

— Сколько ему лет?

— Тридцать восемь — тридцать девять.

— А лицо?

— Очень аскетические черты, — сказал Браун, — и быстрые глаза. Взгляд перебегал то на одну сотрудницу, то на другую, то на меня, как будто он не доверял нам. Щеки впалые, цвет лица нездоровий. Нос большой, но не восточный, тонкий нос, такой тонкий, что ноздри похожи на вытянутые овалы.

— Волосы темные?

— Нет, светлые, — сказал заведующий.

— Вы сказали, что с ним, наверное, неприятно работать. Почему вы так подумали?

— Он довольно резко разговаривал со мной и, похоже, не мог бы стать любезным, даже если бы очень захотел. Все время хмурился. Одет весьма аккуратно, башмаки начищены до блеска. Прическа — волосок к волоску, как будто он пользовался лаком для волос. А когда я спросил его фамилию и служебный адрес, он взял у меня ручку, повернул к себе гроссбух и сам все записал, потому что, как он сказал, его имя всегда пишут с ошибками, а он хочет, чтобы здесь оно было записано правильно.

— Педант?

— Похоже.

— А почему вы запомнили его в таких подробностях? — спросил Чейз.

Браун улыбнулся, взял ручку, тут же положил ее, бесцельно подвигал гроссбух:

— По вечерам в выходные, особенно летом, мы с женой устраиваем спектакли в городском театре «Рампа». Я играю роли почти во всех постановках и постоянно изучаю людей, чтобы иметь в запасе выражения лица и повадки.

— Вы, наверное, очень хороший постановщик, — сказал Чейз.

Браун слегка покраснел.

— Не очень, — сознался он. — Но эта страсть не отступает, она уже в крови. Театр не приносит нам больших денег, но пока он окупается, я могу себе позволить это удовольствие.

На обратном пути Чейз пытался представить себе Брауна на сцене, перед публикой:

руки дрожат, лицо бледнее, чем обычно, потребность трогать разные вещи обострена обстоятельствами. Где уж тут удивляться, что театр «Рампа» не приносит большой прибыли.

В машине Чейз открыл блокнот и просмотрел свой список, пытаясь найти хоть какое-нибудь подтверждение тому, что Судья — это Эрик Бренц, владелец бара.

Наоборот, факты, как показалось ему, противоречили этому умозаключению. Прежде всего, у человека, обладавшего правом на продажу спиртного, должны были брать отпечатки пальцев. К тому же владелец преуспевающего заведения едва ли стал бы ездить на «фольксвагене». Конечно, по первому пункту, вполне вероятно, он мог и ошибаться. А «фольксваген» мог оказаться запасной машиной Бренца или даже взятой напрокат.

Был только один способ все узнать точно. Он завел мотор и поехал в город, гадая, какой прием окажут ему в таверне «Гейтуэй Молл»...

Глава 8

Таверна представляла собой бледную копию немецкого трактира: низкий бревенчатый потолок и белые пластмассовые стены, на которых перекрещивались деревянные вертикальные балки. Шесть огромных окон, выходивших на аллею, с толстым бордовым стеклом, почти не пропускали света. Вдоль стен были устроены

ны большие темноватые отсеки, предназначенные либо для двоих, либо для четырех посетителей. Чейз занял место в отсеке поменьше в задней части помещения, лицом к залу и к входу.

Жизнерадостная круглолицая блондинка в короткой коричневой юбке и открытой белой крестьянской кофточке, под кружевным верхом которой вздувались, как воздушные шарики, груди, подошла, зажгла фонарик на его столе, приняла у него заказ на виски и удалилась, совсем не по-девичьи покачивая пухлыми ягодицами.

В бар в основном приходили ужинать, поэтому в шесть часов здесь было еще мало народа. Всего семь человек: три пары и одна женщина. Из молодых людей никто не отвечал описанию, которое дал Браун, и Чейз не стал обращать на них внимания. Так же как и на бармена, немолодого и лысого, с круглым животиком, который, однако, с бутылками обращался быстро и умело, и официантки явно были от него в восторге.

Возможно, конечно, что Бренц нечасто посещает свою таверну, правда, если это так, то он — исключение из правил. Большинство владельцев подобных заведений любят болтаться в зале, и не только для того, чтобы хозяйствским оком присматривать за происходящим; им нравится купаться в лучах известности, которую они приобретают у постоянных посетителей.

Чейз нервничал. Он сидел, подавшись вперед и положив на стол крепко скатые в кулаки руки. В конце концов он устал от напряжения и откинулся назад, заставив себя расслабиться, поскольку понимал, что ожидание может затянуться надолго. Он знал, что пить сможет сколько угодно, хоть всю ночь, не потеряв при этом остроты восприятия, — у него достаточный опыт.

После второго стакана виски он попросил меню и заказал обед, удивляясь, что снова проголодался: ведь он плотно поел в водительской забегаловке всего пять-шесть часов назад. Чейз был уверен, что пожадничал, но когда еду привнесли, он набросился на нее, как голодающий, и с аппетитом съел все.

Выпив после обеда пять стаканов, около девяти часов Чейз спросил официантку, появившуюся ли сегодня мистер Бренц.

Она оглядела зал, теперь набитый битком, и указала на плотного человека, сидящего на табурете у стойки:

— Вот он.

— Вы уверены?

Мужчине было около пятидесяти лет, весил он килограммов восемьдесят и был сантиметров на десять ниже, чем тот человек, о котором говорил Браун.

— А мне сказали, что он высокий и худой. Светловолосый и хорошо одевается.

— Может быть, лет двадцать назад он был худым и хорошо одевался, — пошутила она. —

Но уж высоким и светловолосым точно никогда не был.

— Пожалуй, — согласился Чейз. — Наверное, я ищу другого Бренца. — Он улыбнулся девушке, стараясь не заглядывать в ее глубокое декольте, и попросил: — Принесите мне, пожалуйста, счет.

В счете значилось около шестнадцати долларов за семь стаканов виски и за филе-миньон. Чейз дал девушке двадцать и сказал, что сдачи не надо.

На стоянке почти не осталось машин, потому что большинство магазинов закрылись двадцать минут назад. После кондиционированного воздуха таверны ночной воздух показался спертым: он накрывал шоссе точно одеялом.

Чейз почувствовал, что на лбу у него выступил пот, и рассеянно вытер его, подходя к «мустангу». Размышая об Эрике Бренце, он остановился у правого крыла и уже открывал водительскую дверцу, как вдруг услышал позади приближающийся рев мотора. Привыкший сначала реагировать, а потом уж думать, он не обернулся посмотреть, что там такое, а вскочил на капот «мустанга».

Секунду спустя он увидел, как красный «фольксваген» левым передним крылом удалился в его черный спортивный автомобиль, со скрежетом притерся к дверце, и лишь отъехав на фут или два, сорвался с места и укатил прочь. Искры сверкнули фейерверком и погасли в воздухе, оставив слабый запах рас-

каленного металла и сожженной краски. Хотя при ударе автомобиль сильно покачнулся, Чейз удержался, ухватившись пальцами за выемку для «дворников». У него не было сомнений, что, если бы он упал, «фольксваген» сменил бы направление, вернулся и переехал его.

В двадцати метрах от него водитель той, другой машины без зазрения совести сбавил скорость.

Чейз стоял на капоте «мустанга» и смотрел вслед удаляющемуся «фольксвагену», пытаясь рассмотреть номер или хотя бы его часть. Но даже будь автомобиль достаточно близко, чтобы прочитать темные цифры, это ему бы ничего не дало, потому что Судья предусмотрительно обернул номерной знак куском темной мешковины. Она мелькнула у Чейза перед глазами как бы специально, чтобы подразнить его.

«Фольксваген» подъехал к выезду со стоянки, стукнулся о низкий изогнутый барьерчик так сильно, что казалось, вот-вот выскочит на тротуар и сшибет один из киосков, стоящих по периметру газона. Потом Судья овладел собой, проехал на мигающий янтарный сигнал светофора на перекрестке, повернул направо и по главному шоссе направился к центру города. Через пятнадцать секунд машина свернула за ближайший холм и скрылась из виду.

Чейз огляделся, чтобы посмотреть, не было ли свидетелей этого короткого, бурного столкновения, и увидел, что он один.

Он спрыгнул с капота и обошел вокруг «мусстанга», оценивая повреждения. Передняя часть крыла была вдавлена, но, слава Богу, не разбита. Еще две вмятины, совсем неглубокие, с содранной краской между ними, параллельно тянулись до самого заднего бампера, где «фольксваген» повернул и уехал. Все это несложно отремонтировать, хотя ремонт встанет долларов в пятьсот, а то и больше.

Однако ему было все равно. Деньги беспокоили его меньше всего на свете.

Он открыл водительскую дверцу почти без труда, сел за руль, раскрыл свой блокнот и перечитал список. Его рука дрожала, когда он вносил туда девятый, десятый и одиннадцатый пункты:

- «9. Третий псевдоним — Эрик Бренц.
10. Склонен к опрометчивым действиям под влиянием неудач.
11. Ездит на машине с поврежденным левым передним крылом».

Даже не считая последней попытки Судьи убить его — нелегкий выдался денек, и в результате Чейз почти не продвинулсь в своих поисках. Он посидел в машине, оглядывая пустую стоянку, пока руки не перестали дрожать, и, усталый, поехал домой, гадая, где в следующий раз будет подстерегать его Судья и не следует ли ему потренироваться в стрельбе.

В субботу утром его разбудил телефон.

Он протянул руку и, прикоснувшись к холодной твердой пластмассе трубки, уже понял, кто звонит. Судья не давал о себе знать со среды — за исключением попытки добраться до Чейза в пятницу вечером, — но это вовсе не говорило о том, что он изменил свою обычную тактику.

Чейз снял трубку и сказал:

— Алло?

— Бен?

— Да.

— Это доктор Ковел.

В первый раз он услышал голос психиатра по телефону, и голос этот показался ему каким-то гугнивым и глуповатым.

— Что вам надо? — спросил Чейз. Голос окончательно разбудил его и заставил сбросить последние обрывки ночного кошмара.

— Я хочу узнать, почему вы не пришли в пятницу.

— Мне не хотелось.

— Если это из-за того, что я откровенно поговорил с полицейскими, — предположил Ковел, — то вам не следует...

— Не только из-за этого, — сказал Чейз.

— Может быть, встретимся сегодня днем и обсудим это? — спросил Ковел, обретя свой обычный отеческий тон — из него так и лезли самоуверенность и чувство превосходства.

— Нет, — отрезал Чейз.

— Так когда же?

— Я больше не приду, — твердо сказал Чейз.

— Но это необходимо! — настаивал Ковел.

— Мне так не кажется. Психиатрическое наблюдение не было условием моей выписки из больницы, а только услугой, которой я мог воспользоваться при желании.

Ковел помолчал, отбросил всякую мысль о том, чтобы угрожать, и миролюбиво произнес:

— И вы по-прежнему можете пользоваться мною, Бен. Я на месте, я вас жду...

— Мне это больше не требуется, — сказал Чейз. В первый раз он слышал, что Ковел защищается, и эта перемена ролей вызвала у него чувство торжества.

— Бен, я знаю, вы сердитесь из-за сказанного мною полицейским. В этом все дело, правда? — Он был уверен, что уже проанализировал ситуацию и аккуратно разложил ее по полочкам в своем исправно действующем мозгу.

— Отчасти, — сказал Чейз. — Но еще есть две причины.

— Какие же?

— Во-первых, ваши статьи.

— Статьи? — спросил Ковел, строя из себя дурака то ли умышленно, то ли от смущения.

— Вы прямо-таки прославили себя и лечение, которому меня подвергали, верно? В вашей статье для «Терапевтического журнала» вы выступаете в роли самого Зигмунда Фрейда, а то и Иисуса Христа.

- Вы читали мои статьи?
- Все, — сказал Чейз. Он чуть было не сказал «все пять», но вовремя вспомнил, что две еще не опубликованы и существуют только в виде черновых записей.
- С чего вы взяли, будто речь в них идет о вас? Я нигде не называл настоящих имен.
- Мне подсказал ваш коллега, — ответил Чейз.
- Мой коллега? Другой врач?
- Да, — сказал Чейз. Он подумал: «А ведь это почти правда. Твой коллега, другой псих».
- Послушайте, Бен, я уверен, что мы можем поговорить и устраниТЬ все недоразумения.
- Вы забыли о третьей причине, — перебил Чейз. — Я сказал вам, что не приду больше по трем причинам.
- Да.
- Да, — подтвердил Чейз. — Третья причина — самая главная, доктор Ковел. Вы эгоист, сукин сын и исключительно мелочный тип. Я не могу находиться с вами рядом и считаю вас до отвращения незрелым.
- Он повесил трубку и счел, что день начался для него как нельзя лучше.
- Позднее он уже не был так уверен в этом. Да, он сказал Ковелу именно то, что думал о нем, и действительно находил его гнусным типом. Но разрыв с психиатром каким-то необъяснимым образом означал для него еще более определенный отказ от прежней жизни,

чем все предпринятые им действия. Прежде он пообещал себе, что, когда личность Судьи будет установлена и полиция получит исчерпывающее доказательство того, что он, Чейз, смог справиться с убийцей, он вернется к своему уединенному существованию на третьем этаже дома миссис Филдинг. Теперь, решив отказаться от наблюдения психиатра, он признавал, что уже не тот человек, которым был, и что бремя его вины стало намного легче. Это слегка обескуражило его.

В довершение утренних неприятностей, побравшись, умывшись и размявши гимнастикой, Чейз сообразил, что его расследование зашло в тупик. Похоже, он побывал во всех местах, которые посетил Судья, но так ничего и не добился, только получил точное описание этого человека, от которого нет никакого проку, пока его не удастся привязать к определенному имени или найти место, где такого человека готовы опознать. Не ходить же ему по городу и спрашивать всех встречных подряд, не знают ли они типа с такой внешностью. Что еще предпринять? Он никак не мог этого решить.

Однако, позавтракав в блинной на бульваре Галасио, Чейз начал мыслить более ясно и оптимистично. У него еще оставалось два возможных источника информации, хотя неизвестно, что они ему дадут. Он может вернуться в таверну «Гейтуэй Молл» и поговорить с настоящим Эриком Бренцем — спросить, не

знает ли тот человека, отвечающего описанию Судьи. Судья, используя имя Бренца, наверняка взял его не из телефонного справочника. Может быть, он знал Бренца или, что еще более вероятно, когда-то работал у него. И даже если от Бренца он ничего не узнает, можно вернуться к Гленде Кливер, девушке из справочного отдела «Пресс диспач», и расспросить ее обо всех, кто посещал ее кабинет в прошлый вторник, — он мог бы сделать это сразу, но побоялся показаться дураком или вызвать любопытство репортеров, сидевших в комнате.

Начал он с того, что решил позвонить в справочный отдел газеты, но, как выяснилось, его телефон закрыт для посторонних. Он подозревал, что такое возможно, и, отыскав в телефонной книге номер домашнего телефона девушки, набрал его; она подошла после четвертого гудка:

— Алло?

Чейз уже забыл, какой у нее тоненький и нежный, женственный голос, такой напряженный, что казался почти неестественным.

— Мисс Кливер, вы, наверное, не помните меня. Я был у вас на работе вчера. Меня зовут Чейз. Я вынужден был уйти, когда вы ходили за информацией для одного из ваших коллег.

— Я прекрасно вас помню, — сказала она. Он продолжал:

— Моя фамилия Чейз, Бенжамин Чейз, и я хотел бы встретиться с вами снова, сегодня, если это возможно.

Мисс Кливер минуту колебалась, потом спросила:

— Вы назначаете мне свидание?

— Да, — сказал он, хотя такая мысль вряд ли приходила ему в голову.

Она дружелюбно рассмеялась:

— Но вы как-то уж очень по-деловому говорите об этом.

— Выходит, что так, — согласился Чейз, боясь, как бы девушка не отшила его, и одновременно страшась, что она примет его предложение.

— И в какое время? — спросила она.

— Вообще-то я хотел бы сегодня. Вечером. Нет, я, конечно, понимаю, что нужно заранее...

— Прекрасно, — сказала она.

— Правда? — У него пересохло в горле, и голос звучал сдавленно.

— Да, — подтвердила мисс Кливер. — Есть только одна проблема.

— Какая же?

— Я затеяла на ужин фондю, уже порезала мясо и приправила его. Все остальное у меня тоже готово.

— Может быть, сходим куда-нибудь после обеда, — предложил Чейз.

— Признаться, люблю есть поздно, — сказала она. — Я вот что думаю: а не придет ли вы ко мне на ужин? У меня хватит мяса для двоих.

— Очень хорошо, — согласился он.

Девушка продиктовала ему свой адрес и сказала:

- Одежда повседневная. Жду вас в семь.
- В семь, — повторил он.

Она повесила трубку, а он остался стоять в телефонной будке, весь дрожа. Из глубины его памяти все отчетливее выплывало воспоминание об операции «Жюль Верн»: туннель, спуск, жуткая темнота, страх, решетка, женщины, винтовки и, наконец, кровь. Он ощущал слабость в коленях, сердце отчаянно колотилось. Почувствовав, что дурнота сейчас одолеет его, он привалился к стеклянной стенке будки и усилием воли заставил себя прогнать воспоминание. То, что он назначил свидание Гленде Кливер, никак не умаляло его вины за смерть тех вьетнамских женщин. Но в конце концов, прошло уже много времени и он достаточно каялся. Страдал в одиночку. К тому же это всего лишь невинное деловое свидание, попытка побольше узнать о Судье, а кроме того, быстро установив его личность и избавившись от него, Чейз сможет вернуться к своему прежнему замкнутому существованию даже скорее, чем предполагал. Нет, это не отступление, это уверенный шаг к тому, чтобы покончить, и побыстрее, с той жизнью, которую он ведет сейчас, и приблизить возвращение прежнего, отгороженного от всех образа жизни, которого он и заслуживал за свои прегрешения.

Он вышел из будки.

День был исключительно жарким и влажным. Рубашка прилипла к спине, как отравленная туника.

По дороге в таверну «Гейтуэй Молл», он трижды чуть не врезался в едущие впереди автомобили, так как его отвлекали воспоминания, которым прежде он давал волю лишь в кошмарных снах. Однако страх, что он может изувечить другого автомобилиста и таким образом увеличить груз своей вины, быстро отрезвил его и заставил загнать тягостные мысли в глубь подсознания.

Приехав в торговый район, Чейз долго бродил по книжному магазину, а вскоре после полудня отправился по главной аллее в таверну. Барменша, которая обслуживала его, сказала, что Бренц должен прийти после двух. Чейз сел за угловой столик, лицом к двери, и стал ждать, то и дело прикладываясь к своему стакану.

Ожидание оказалось напрасным. Без четверти три появился-таки Бренц, в белом полотняном костюме и голубой рубашке, такой измятой, будто он спал в ней, и с удовольствием согласился выпить с Чейзом и поговорить, но, как выяснилось, у него никогда не служил человек, соответствующий описанию внешности Судьи; также он с ходу не припомнил знакомого или приятеля, который мог бы оказаться тем, о ком спрашивает Чейз.

— Вы же знаете, как это бывает, — сказал он. — Здесь каждый вечер толкутся разные

люди. Даже завсегдатаи сменяются примерно каждые полгода.

— Понятно. — Чейз не мог скрыть разочарования. Он допил виски и встал.

— А зачем он вам? — спросил Бренц. — Он должен вам деньги?

— Наоборот, — ответил Чейз. — Я должен ему.

— Сколько?

— Двадцать долларов, — сказал Чейз. — Так вы не знаете его?

— Я же сказал, что не знаю. — Бренц повернулся вместе с табуретом. — А как это вы взяли у него взаймы двадцать долларов, не спросив даже фамилии?

— Мы оба были пьяны, — объяснил Чейз. — Окажись я трезве, ни за что бы об этом не забыл.

— А будь он трезве, наверняка не дал бы вам денег. — Бренц рассмеялся собственной шутке и взял со стойки свой стакан.

— Возможно, — согласился Чейз.

Выйдя из таверны и проходя по аллее, он знал, что Эрик Бренц по-прежнему сидит на табурете и смотрит ему вслед.

Похоже, Бренц на самом деле знал человека, о котором шла речь, но не хотел говорить о нем, пока не разобрался, что к чему. Какую бы жизнь ни вел Бренц до того, как стал владельцем таверны, ее явно нельзя было назвать добропорядочной. Он не был наивным и легко внушаемым, как все те, с кем говорил Чейз

до него, и обладал острым чувством закона. Но даже если Бренц что-то скрывает, выжать из него информацию невозможно, поскольку он — частное лицо, а у Чейза нет никаких полномочий.

Он завел мотор и поехал домой.

В него никто не стрелял.

В комнате он включил телевизор, посмотрел минут пятнадцать, выключил, не досмотрев передачи, открыл книжку, на которой так и не смог сосредоточиться, и долго слонялся из угла в угол.

Инстинктивно он держался подальше от окна.

В шесть тридцать Чейз вышел из дома и отправился на свидание с Глендой Кливер. Отпрыгнув дверцу «мустанга», он обнаружил, что здесь побывал Судья и оставил ему сообщение, хотя и бессловесное, но более чем красноречивое. Он прошелся ножом по водительскому сиденью — так изрезал его, что белая начинка вздымалась пеной.

Чейзу хотелось бы верить, что этот вандализм не имел никакого отношения к Судье и его автомобиль стал жертвой какого-нибудь местного малолетнего преступника, который таким вот образом избавлялся от невыносимого комплекса фрустрации. В конце концов, о таких вещах слышишь чуть ли не каждый день. Великовозрастные детишки ломают радиоантенны, прокалывают шины и режут их,сыплют песок и сахар в бензин. Вот и этот

поступок гораздо больше похож на бессмыс-ленный протест прыщавого юнца, полного энергии, которой он не находит разумного приложения, чем на тщательно продуманное действие взрослого человека. Патологический убийца едва ли получит удовлетворение от порчи чужого имущества.

И все же он знал: это дело рук Судьи, как бы ему ни хотелось верить в обратное.

Малолетний преступник, раз уж он взялся за дело, изрезал бы все сиденья, к тому же наверняка прихватил бы стереомагнитофон, лежавший под самым щитком, — любимую добычу подростков. Малолетний преступник ни за что не стал бы тратить время и запирать за собой дверцу. Это может быть только работа Судьи. Несмотря на то что предвечерние сумерки еще не сгостились, он отомкнул дверь, обработал одно сиденье так же тщательно, как Майкла Карнса, запер дверцу и ушел, уверенный, что сомнений в его личности и намерениях не возникает. Судья, по-видимому, осознавал, что машина — продолжение человека, нечто вроде современной колдовской куклы.

Чейз отошел от машины и огляделся — не следят ли за ним. Ему пришло в голову, что Судья может околачиваться поблизости, чтобы посмотреть, какой эффект возымеет эта весьма недвусмысленная угроза. Улица, по обеим сторонам которой выстроились раскидистые вязы, стоящие вплотную друг к другу дома и

припаркованные автомобили, давала бесконечное количество укрытий, где можно отлично спрятаться, особенно в сумерках, при удлинившихся тенях. Но, как внимательно Чейз ни смотрел по сторонам, не заметил поблизости ни человека, ни красного «фольксвагена» и решил, что он действительно один.

Было вполне логично предположить, что кто-нибудь видел, как Судья возится с дверцей автомобиля. Но, еще раз пристально осмотрев улицу, он увидел, что она пустынна. Очевидно, все кончают обедать и моют посуду.

Чейз вернулся в дом, благополучно избежав встречи с миссис Филдинг, взял одеяло и постелил на изрезанное сиденье.

Сиденье оказалось бугристым, и он поневоле вспомнил, как труп Майкла Карнса лежал на траве парка и тоже казался мягким и бугристым. Тщетно пытаясь избавиться от этого образа, он поехал на свидание.

Глава 9

Гленда Кливер жила в дорогой квартире на Сент-Джон-Серкл, на третьем, последнем этаже. В двери оказался глазок, и она посмотрела в него, прежде чем отпереть замок. Она предстала перед ним в белых шортах, темно-синей блузке и босиком — простенькая уловка, чтобы выглядеть ниже ростом.

— Вы очень пунктуальны, — заметила она и пригласила: — Заходите.

Он прошел мимо нее, пока она закрывала дверь, и сказал:

— У вас тут очень симпатичный район.

Девушка мило дернула плечом:

— Я не из тех, кто любит экономить. Как знать, может, я через неделю умру и от моих сбережений не будет никакого проку, а не умру, так их, к примеру, съест инфляция. Хотя, честно признаться, это я так оправдываю свое расточительство. — Она взяла его за руку, подвела к дивану и уселась рядом с ним.

— Что будете пить?

— Скотч, если можно.

— Со льдом?

— Прекрасно, — сказал он.

— Сейчас принесу.

Чейз смотрел, как она поднялась, прошла по комнате и исчезла в коротком коридоре, который, по-видимому, вел в столовую и в кухню. В шортах ноги ее выглядели невероятными — такими длинными, что казалось, они должны сгибаться, как резиновые. Если у него еще и оставались воспоминания о Луизе Элленби, Гленда прогнала их окончательно. О соперничестве между ними не могло быть и речи.

Когда Гленда вышла, он оглядел большую гостиную с ультрасовременной мебелью и декоративным убранством. Диван с плюшевой обивкой и два под стать ему кресла цвета ка-

као. У дальней стены несколько фонариков, которые сейчас не горели. Одна лампа — пятидесятифунтовый кусок мрамора, из которого торчала гибкая изогнутая стальная трубка с серебристым плафоном на конце; его можно было поворачивать в разные стороны. Кофейный столик. Несколько ярких картин. Скульптура, изображающая обнаженных девушку и юношу в объятиях друг друга. Растение в горшке, которое едва не достигало потолка. И все. Сверхсовременная мебель и со вкусом подобранные украшения — это сочетание нравилось ему, и он чувствовал себя как дома.

Гленда вернулась с двумя стаканами скотча и протянула один из них ему. На этот раз она уселась в кресло напротив дивана. Это лучше, подумал он, чем сидеть с ней рядом, потому что так он может любоваться ее прелестными ногами.

— Вам нравится фондю на обед? — спросила она.

— Я никогда не пробовал, — признался Чейз.

— Что ж, я уверена, вам понравится. А если нет, то не получите больше скотча.

Чейз засмеялся и откинулся на спинку дивана — в первый раз с того момента, как пришел сюда, он перестал ощущать неловкость.

С ней было легко разговаривать на самые разные темы, от еды и коктейлей до мебели и дизайна. Она рассказывала, куда лучше всего

пойти, чтобы пообщаться и послушать музыку, и он с интересом слушал. Чейз слишком долго жил затворником, чтоб знать что-либо о таких вещах, но даже если бы он и вел светскую жизнь, мало что смог бы добавить к ее словам: она знала все хорошие места. У нее, наверное, подумал Чейз, десяток поклонников, которые с радостью готовы заплатить за нее везде, куда бы ей ни захотелось пойти. В этой девушке была изысканная чувственность.

Обед оказался вкуснейшим: печеная картошка, взбитый салат, цуккини и фондю из говядины, которое шипело и потрескивало, создавая аккомпанемент их беседе. На десерт был пирог с мятным кремом и вишневый ликер.

— Перейдем в гостиную? — спросила она.
— А как же посуда?
— Пусть стоит.
— Я помогу, и мы вымоем ее вдвоем быстрее.

Она встала и положила свою салфетку на стол:

— В первый раз в жизни обедаю с мужчиной, который предложил вымыть посуду.
— Вообще-то я полагал, что буду вытираять, — отшутился он.

Она засмеялась:
— Все равно вы неповторимы.
— Ну так как? Займемся?
— Нет, — сказала она. — Во-первых, я не считаю, что гости должны утруждать себя этим малоприятным делом. Во-вторых, мне и самой

неохота. Я предпочитаю еще немного выпить, послушать музыку, посмотреть на фонарики и поговорить.

— Очень хорошо, — сказал Чейз. — Но потом — посуда.

Фонариков было двенадцать, в каждом переливались узоры из красного, синего, желтого, оранжевого, белого и зеленого света. Освещая комнату, они отбрасывали причудливые тени на стены и потолки, на Чейза и Гленду, сидящих на диване, положив ноги на кофейный столик. По ногам Гленды пробегали голубые вспышки, белые огоньки, красные точки и желтые дрожащие концентрические круги.

— А вы совсем не такой, как я думала, — произнесла она после небольшой паузы в разговоре.

— Что же вы обо мне думали? — спросил он, не вполне ее понимая.

— О, что вы самонадеянный, очень суровый, консервативный и холодный.

— Вы так подумали, когда я приходил к вам в контору?

— Нет, — сказала она. — Я уже тогда удивилась. С самого начала вы вели себя совсем не как герой войны, без чванства — просто, очень вежливо и даже немного застенчиво.

Он не сумел скрыть своего удивления:

— Так вы узнали меня сразу?

— Ваша фотография два раза за эту неделю была на первой полосе. — Она отпила из стакана и поставила его на тумбочку у дивана.

- Но вы ничего не сказали.
- Я уверена, что вас уже до смерти тошнит от поздравлений.
- Да, — подтвердил он. — Тошнит, и даже более того.
- Когда я вернулась из хранилища, — сказала она, — а вас уже не оказалось, то решила, что вы рассердились: видите ли, не обслужили вовремя.
- Вовсе нет, — возразил он. — Просто вспомнил о другой встрече, которая вылетела у меня из головы, а я уже опаздывал. — В первый раз за весь вечер он припомнил, зачем пришел: расспросить ее о людях, которые посетили справочный отдел во вторник, о Судье. Но он не знал, как к этому подступиться. К тому же ему и не хотелось. Как здорово сидеть вот так рядом, пить, разговаривать, слушать музыку и смотреть на огоньки.
- Вы что, правда интересуетесь фамильной историей?
- А что здесь такого? — спросил он.
- Просто мне показалось тогда, что это не в вашем характере, — ответила она. — А теперь, когда я узнала вас лучше, тем более.
- Может быть, мой характер сложнее, чем вы думаете, — предположил Чейз.
- Не сомневаюсь.
- Они еще немного посмотрели на фонарики и помолчали. Вовсе не обязательно разговаривать, если им настолько легко друг с другом, что молчание не казалось неловким. Она нали-

ла каждому еще по стакану напитка, и когда села на место, то оказалась ближе к нему, чем раньше.

Гораздо позже, после того, как они еще побывали, послушали музыку, помолчали и выпили, она сказала:

— Вы настоящий джентльмен, правда?

— Я?

— Ну да.

— Я бы так не сказал.

— А я бы сказала, судя по тому, как вы назначили мне свидание по телефону, а потом предложили помочь мыть посуду. К тому же, не будь вы джентльменом, уже наверняка начали бы kleиться ко мне.

— А можно? — спросил он.

— Пожалуйста, — ответила она, придвинувшись к нему и наклонила голову, предлагая ему свои губы, а потом, возможно, и все остальное.

Он обнял ее и долго целовал. При свете фонариков она была вся синяя, в желтых пятнах с малиновыми краями.

— Вы очень хорошо целуетесь, — похвалила Гленда.

Наверное, следовало вовремя остановиться, прежде чем выяснилось: целоваться — это все, на что он способен. Он хотел ее и стремился лечь с ней в постель, но она ассоциировалась у него как бы с магнитофоном прошлого, и его прикосновение заставило пленки крутиться. Она навевала память о других женщинах, мертвых женщинах, пробуждала ощущение его

вины. Она была желанной, но одновременно, сама того не ведая, уничтожала желание.

— Извини, — сказал он, когда они лежали в ее постели и смотрели на темный потолок, который, казалось, был лишь в нескольких дюймах от их лиц.

— За что? — удивилась Гленда. Она держала его руку, и он был рад этому.

— Не издевайся, — сказал он. — Ты ожидала большего.

— Правда? — спросила она, приподнимаясь на локте и взглядываясь в него сквозь полутьму. — Если это и так, то ты тоже ожидал большего. Исходя из твоей логики, это я должна извиняться.

Его отношение к словам Гленды оказалось двояким: он оценил ее стремление пощадить его чувства и попытку развеселить его, но ему хотелось быть униженным. Он и сам не понимал, откуда такое чувство.

— Ты ошибаешься, — возразил он, — на самом деле я вовсе не ожидал большего.

— Да?

— Я не могу, — сказал он. — С тех пор как... как вернулся из Вьетнама. — Он никогда не рассказывал историю своей импотенции никому, кроме доктора Ковела, и теперь, похоже, решил воспользоваться ею, чтобы Гленда дала выход презрению, которое она сдерживала.

Она придвигнулась ближе, снова приподнялась и начала нежно приглаживать его волосы:

— Паршиво, конечно, но это не самое главное. Ты же все равно можешь остаться на ночь, разве нет?

— После этого?

— Говорю же, это не главное, — отрезала она. — Ведь просто приятно, когда кто-то спит рядом, когда кровать теплая. Верно?

— Верно, — согласился он.

— Проголодался? — спросила она, меняя тему прежде, чем он найдет предлог продолжать разговор. — Давай-ка сообразим омлет.

Он удержал ее за руку и попросил:

— Подожди немножко.

Они лежали рядом, тихо, как будто к чему-то прислушиваясь. Перестав плакать, он позволил ей зажечь свет, и они отправились в кухню.

Утром за завтраком Чейз сказал:

— Если бы я... если бы мы ночью занимались любовью, это было бы нормально для тебя?

— То, что мужчина остался на ночь после первой встречи? — спросила она.

— Ну да.

— Нет, не нормально.

— Но такое случалось раньше?

Она макнула тост с маслом в остаток яичного желтка и призналась:

— Два раза.

Он доел яичницу и взялся за кофе:

— Жалко...

— Прекрати, — сказала она, и в ее тихом голосе послышалась необычайная решимость. — Ты прямо мазохист.

— Может быть.

Она откинулась на спинку стула, закончив завтракать.

— Но ты бы хотел, чтобы я сказала, будто ты особенный, хотя у нас ничего и не получилось.

— Нет, — сказал он.

Она улыбнулась:

— Неправда, Бен. Ты хочешь, чтобы я сказала, как необыкновенно все было, но ты мне не поверишь, если я скажу: именно так все и было.

— Да как могло так быть? — удивился он.

— Так и было, — подтвердила она и покраснела; он счел это смущение одновременно старомодным и очаровательным в такой эмансипированной женщине. — Бен, ты мне очень нравишься.

— Возможно, ничего хорошего не было, — сказал он. — Просто непривычно.

— Чушь.

— Но факт тот, что мы не...

Она перебила его:

— Я себя чувствую с тобой легче, счастливее, естественнее, чем с кем-либо другим. А ведь это только первое утро после нашей встречи.

— Тебе легко, потому что ты чувствуешь себя в безопасности, — предположил он.

— Врешь, — сказала она.

Через секунду он поднял взгляд, чтобы понять, почему она ответила так резко и сразу замолчала, и увидел у нее в глазах слезы.

— Ну ладно, Гленда. Извини меня. И мне хочется встретиться с тобой снова, если ты не против.

— Боже, какой же ты тупой, — сказала она. — Этого-то я и добиваюсь от тебя все утро.

В дверях он поцеловал ее без всякой неловкости и решил, что их отношения, возможно, надолго.

— Мне жаль так рано выгонять тебя, — сказала она, — но сегодня придет в гости моя мама. Мне нужно прибрать в доме и уничтожить все следы моего предосудительного поведения.

— Я позвоню, — пообещал он.

— А если нет, то я позвоню сама.

День был ясным и жарким, ветер едва покачивал деревья у края тротуара. Но его настроения не испортила бы никакая погода, даже самая отвратительная. Он сел в «мустанг», открыл окно, впуская в машину свежий воздух, и уже вставлял ключ в замок зажигания, когда это случилось. Что-то просвистело позади него, потом послышался звук удара. Оглянувшись, он увидел посреди заднего стекла отверстие от пули. Судья рано встал в этот теплый безоблачный день.

Чейз боком упал на пассажирское сиденье, так, чтобы его не было видно в окна и чтобы

спинки загораживали его от Судьи. Почти в тот же миг в заднее стекло ударилась еще одна пуля. Лежа на боку, вжавшись головой в виниловое сиденье, он услышал, как пуля вонзилась в обивку, почувствовал, что спинка слегка затряслась, но выдержала. Пистолет с глушителем стрелял бесшумно, но сила выстрела у него была меньше, потому что вытянутое дуло основательно замедляло скорость полета пули. Будь это обычный пистолет, пуля наверняка прошла бы спинку сиденья нас kvозь.

Несколько минут он ждал третьего выстрела.

Его так и не последовало.

Чейз осторожно поднял голову и огляделся: ничего необычного и в него больше не стреляли. Он завел двигатель, отъехал от края тротуара и сильно нажал педаль газа.

Двадцать минут спустя он убедился, что его не преследуют: он столько петлял по переулкам, то и дело внезапно поворачивая и глядя при этом в водительское зеркальце, что никакой «хвост» не остался бы незамеченным. Успокоившись, Чейз выехал на трехрядное шоссе, пролегающее через весь город, и направился домой.

На несколько часов он забыл о Судье, а вот Судья явно не забывал о нем. Чейза трясло, и у него чесался затылок — как раз то место, в которое попала бы пуля, стреляй Судья получше. Дрожь была такой сильной, что дважды он хотел остановить машину, чтобы прийти в себя.

Поначалу это показалось ему неадекватной реакцией на происшествие, особенно для человека, который побывал в боях в Юго-Восточной Азии. Но потом он понял: теперь ему есть что терять, есть то, чего он боится лишиться, — это Гленда, как бы ни развивались их отношения. Он не должен больше забывать о Судье; нужно быть вдвое осторожнее, чем раньше.

Паркуя машину перед домом, он подумал, что Судья мог опередить и, предвидя его возвращение, спрятаться где-нибудь неподалеку и поджидать. Чейз долго сидел в машине, не желая выйти, чтобы проверить свое предположение. Наконец, сообразив, что Судья так же легко может застрелить его в машине, как и у дверей, он вышел.

В коридоре первого этажа ему повстречалась миссис Филдинг.

— А я не знала, что вы не будете ночевать дома, — сказала она.

— Я и сам не знал, — ответил Чейз.

Направляясь к лестнице, она взглянула на его измятую одежду:

— Вы не попали в аварию?

— Нет, — ответил он. — И я не пьян.

Его настроение так удивило миссис Филдинг, что когда она наконец нашла, что сказать, он уже поднялся по лестнице и не мог ее услышать.

В комнате он запер дверь на задвижку и лег на кровать. Он больше не сопротивлялся дрожи. Постепенно вместе с ней прошел и страх.

Судья позвонил через два часа. Чейз взял трубку, надеясь, что это Гленда, и услышал его голос:

— Тебе опять повезло.

Чейз не был так спокоен, как во время их прошлых разговоров; едва сдержавшись, чтобы не швырнуть трубку, сказал:

— Ты все так же плохо стреляешь, вот и все.

— Да, согласен, — дружелюбно заметил Судья. — Но тут и глушитель виноват.

— У меня есть деньги. Ты знаешь это. Давай я тебе заплачу, а ты оставишь меня в покое, — предложил Чейз.

— Сколько? — Голос Судьи звучал заинтересованно.

— Пять тысяч.

— Мало.

— Тогда семь.

— Десять, — заявил Судья. — Десять тысяч, и я больше не буду пытаться убить вас, мистер Чейз.

Чейз почувствовал, что улыбается. Это была натянутая улыбка, но все же улыбка.

— Прекрасно. Как мне заплатить?

Голос Судьи вдруг сделался таким громким и яростным, что Чейз едва понял, что он говорит:

— Ах ты, подонок, неужели не понятно, что от меня нельзя откупиться ни твоими деньгами, ни чем-либо другим? Ты заслужил смерть, потому что убивал детей, потому что ты греховодник и должен быть наказан. Я не продаюсь. Меня нельзя подкупить!

Чейз подождал, пока Судья успокоится. Этот тон, эта необыкновенная вспышка ярости однозначно свидетельствовали, что он сумасшедший. Наконец Судья спросил:

— Ты меня понял?

— Да.

— Хорошо! — Судья помолчал, вздохнул. — Знаешь, я видел, как ты входил в ее квартиру, и уверен, что ты провел ночь в постели этой белокурой шлюхи...

— Она не шлюха.

— Я точно знаю, кто она.

— Да?

— Да. Это та высокая белокурая шлюха из «Пресс диспатч». Я видел ее во вторник, когда просматривал их архивные номера.

— При чем здесь это? — спросил Чейз.

— При всем. И сначала я убью ее.

Чейз молчал.

— Ты меня слышишь, Чейз?

— Это несерьезно.

— Очень серьезно.

Чейз медленно, глубоко вдохнул и сказал:

— Ты же говорил, что убиваешь только тех, кто заслужил возмездие, причем после того, как досконально изучишь их биографии и узнаешь обо всех грехах. Почему ты нарушаешь свои правила? Ты что, начинаешь убивать всех без разбора?

— Девушка заслужила смерть, — заявил Судья. — Она прелюбодейка. Разрешила тебе остаться у нее на ночь, вы остались вдвоем,

и за одно это она заслуживает смертного приговора.

— Так ты за этим звонишь мне в первый раз за три дня — чтобы сказать, что убьешь ее первой?

— Да.

— Почему?

— Она тебе нравится, Чейз?

Чейз промолчал.

— Надеюсь, она тебе нравится, — сказал Судья, — потому что в этом случае будет интересно посмотреть на твою реакцию, когда я покончу с ней.

Чейз ждал, не осмеливаясь заговорить.

— Так она тебе нравится, Чейз?

— Нет.

— Лжешь, я видел, как ты уходил от нее — насвистывая и очень довольный, — да-да, очень довольный!

— А я знаю, кто ты, — сказал Чейз.

Судья засмеялся:

— Сомневаюсь.

— Послушай. Ты примерно моего роста, блондин, с длинным тонким носом, ходишь ссутулив плечи и аккуратно одеваешься. Ты педант во всем, что бы ни делал.

— Это только описание. К тому же не слишком точное.

— Еще полагаю, что ты гомосексуалист, — продолжал Чейз.

— Это неправда! — воскликнул Судья с чрезмерной горячностью. Очевидно, он и сам почув-

ствовал это, потому что заговорил уже более спокойным тоном: — Тебя неверно информировали.

— Не уверен, — сказал Чейз. — Думаю, я вот-вот доберусь до тебя.

— Нет, — отрезал Судья. — Ты не знаешь моего имени, в противном случае уже сообщил бы в полицию.

— Не трогай ее, — попросил Чейз.

В ответ Судья только рассмеялся долгим, гортанным смехом и повесил трубку.

Чейз судорожно нажимал на рычаг, пока не послышался длинный гудок, затем нашел в справочнике номер Гленды и набрал его. Она подошла после третьего гудка.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказал Чейз.

Она мгновение колебалась, потом произнесла:

— У тебя такой взволнованный голос. Я надеюсь, ты не собираешься снова выяснять отношения.

— Вовсе нет. Это очень важно, Гленда. Тут дело жизни и смерти.

Она хихикнула:

— Это самое старое выражение на свете.

— Пожалуйста, не надо, — попросил он. —

Я серьезно. Сейчас же выезжаю.

— Ты забыл, какой сегодня день.

— Твоя мама еще не ушла?

— Нет.

— А когда намерена уйти?

— После обеда.
— Слишком поздно!
— Послушай, Бен, — возмутилась она, — я сейчас рассержусь.

Он заставил себя помолчать немного и ответил размеренным тоном:

— Хорошо. Если тебя устроит, я приеду в восемь. Но только прошу, до того времени не открывать дверь незнакомым людям, как бы долго они ни звонили.

— Что случилось? — спросила она.
— Не могу сказать по телефону, — ответил Чейз. — Сделаешь так, как я говорю?

— Хорошо, — согласилась Гленда. — Жду тебя в восемь.

Чейз слонялся по комнате, пока не почувствовал, что так время не скоротаешь. Он подошел к буфету и взялся за свою бутылку виски. Он прикладывался к ней уже несколько дней кряду, но, когда стал наливать, понял, что ее содержимого хватит еще надолго, потому что и сегодня ему совершенно не хотелось затуманивать свои мозги, ведь в любой момент можно столкнуться с Судьей. Он заткнул бутылку пробкой, снова поставил ее в буфет, закрыл дверцу, чтобы не соблазняться, вымыл стакан, вытер и убрал его.

Да, многое изменилось за последнее время — и его воздержание от выпивки лишнее тому подтверждение. Он принял душ, стараясь как можно дольше тянуть время, несколько раз намыливался и сполоскивался. Потом

побрился, позанимался гимнастикой. Взглянул на часы: было несколько минут шестого. Чуть меньше трех часов оставалось до того момента, когда он сможет объяснить ситуацию Гленде и предложить ей свою защиту. Три часа — это не очень долго. Вот только за эти часы она может оказаться мертвой.

Глава 10

Гленда была в короткой зеленой юбке и блузке темно-табачного цвета, с широким воротником и рукавами-фонариками; каждую длинную манжету украшали восемь пуговок. Свои золотые волосы она стянула в два конских хвостика за ушами и благодаря этой прическе, как ни странно, казалась одновременно и очень юной, и искушенной, хотя, подумал Чейз, мать, пришедшая в гости, наверняка заметила только невинность этого нарочито детского штриха.

Закрыв дверь, они долго целовались, как будто их разлука длилась много дней, а не несколько часов. Обнимая Гленду и чувствуя ее язык у себя во рту, Чейз удивлялся, как далеко могут зайти отношения между мужчиной и женщиной за такое короткое время. Это, конечно, была не любовь с первого взгляда, но нечто очень похожее. Сначала он отстранился, издали оценил ее женские достоинства, потом ощущил к ней половое влечение, хотя

и оставшееся неудовлетворенным, потом дружеские чувства и, наконец, своеобразную любовь. Они не женаты, и он не может физически овладеть ею, но его захлестнул шквал чувств: любовь, желание, нежность, стремление главенствовать над ней — все то, что, по-видимому, испытывает любой молодожен. Они почувствовали такое родство потому, что в чем-то дополняли друг друга, однако ему не хотелось углубляться в дебри психологии. Хотелось просто радоваться, послав куда подальше свой комплекс вины.

— Хочешь выпить? — спросила она, высвобождаясь из его объятий.

— Нет, — ответил он. — Нужно серьезно поговорить. Иди сюда.

Когда они уселись рядом на диване, как в начале вчерашнего вечера, он сказал:

— К тебе не пытались войти незнакомые люди?

— Нет, — удивленно ответила она.

— А кто-нибудь звонил по телефону?

— Только ты.

— Хорошо, — сказал он. Но это значило, что Судья не отменил, а только отложил исполнение своих планов.

Она взяла его руку в свои ладони и спросила:

— Бен, в чем дело, что случилось?

— Понимаешь, никто мне не верит, — посетовал он. — Из-за Ковела полицейские не хотят меня даже слушать.

- Я буду слушать, — сказала она.
 — Ты и должна слушать, — ответил он, — потому что все это касается и тебя.

Гленда долго ждала, когда Чейз продолжит, но он молчал, и тогда она сказала:

- Пойду принесу нам что-нибудь выпить.
 — Нет, — возразил он, удерживая ее. — Если я начну пить, чтобы отянуть все это, то потеряю самообладание и вообще ничего не расскажу.

В следующие двадцать минут он ни разу не взглянул на нее, хотя рассказал ей все — даже об операции «Жюль Верн» и о туннеле. И о бамбуковой решетке. И о женщинах. Рассказал обо всем, вплоть до последней угрозы Судьи.

- Теперь мне уж точно необходимо выпить, — сказала Гленда.

Чейз не стал останавливать ее. Когда она вернулась с двумя стаканами, он взял один и сказал:

- Ну так что, это меняет дело? По-моему, да.
 — Что ты имеешь в виду?
 — Нас.
 — А почему что-то должно измениться? — спросила она с неподдельным недоумением.
 — Но ты же теперь знаешь, кто я такой, что я сделал, как участвовал в убийстве этих женщин.
 — Это был не ты, — сказала она.
 — Я стрелял наравне со всеми.
 — Послушай меня. — Ее нежный голос зазвучал с необычной серьезностью и твердо-

стью, как будто крошечный, но решительный молоток заколачивал слова так, чтобы никаких сомнений не оставалось. — Когда ты воевал во Вьетнаме, было два Бенджамина Чайза. Один Бен всерьез воспринимал приказы и четко исполнял их, потому что его воспитали на непреложной истине: всякий авторитет всегда прав и неподчинение — признак бесхребетности или недисциплинированности. Этот первый Бен к тому же испытывал панический страх, который еще больше усилил его уважение к авторитетам, потому что этот страх внушал ему: в одиночку ты умрешь. Но был и другой Бен, умеющий отличить добро от зла, отличить инстинктивно, несмотря на стремление общества перепутать его нравственные суждения. Это тот Бен, которого я знаю, второй Бен. Он больше года пытался уничтожить остатки первого Бена — того, кто слепо подчинялся Захарии, — и прошел все круги ада, чтобы очиститься. Первый Бен умер. Его убила война, и это одно из немногих полезных убийств, совершенных на этой глупой войне. И теперь совершенно нет причин, чтобы второй Бен, мой Бен, стыдился себя и желал быть наказанным. А еще меньше причин у меня обвинять моего Бена в чем-либо, что совершил умерший Бен. — Она умолкла, покраснела, явно удивляясь внезапному приступу красноречия, и опустила глаза на свои круглые колени. — Это, конечно, упрощение, но я так думаю. Ты понимаешь меня?

— Да, — сказал он. Обнял ее и стал целовать.

Когда его руки скользнули с ее груди и стали гладить полные бедра, он понял, что дело идет к новому разочарованию, и, отодвинувшись, сказал, снова переключаясь на Судью:

— Тебе не кажется, что я упустил нечто важное, возможно, какой-нибудь крошечный след?

— Вообще-то нет, — задумчиво произнесла она. — Я узнала его по твоему описанию, но не знаю, как его зовут и вообще ничего о нем. — Она отпила из своего стакана и вдруг резко отставила его. — А ты не спрашивал у Луизы Элленби, не приставал ли кто к погившему парню — может быть, за много недель до убийства? Если Судья действительно выслеживал их, производя свое «расследование», они могли заметить его или встретиться с ним.

Чейз сказал:

— Подозреваю, что они ни разу не заметили чего-либо подобного. К тому же наверняка следователь спрашивал Луизу об этом.

— Он же не знает того, что знаешь ты, в частности, об этих «расследованиях».

— Пожалуй, ты права, — согласился он. — Я позвоню Луизе. Если она дома, можно поехать к ней прямо сейчас.

Девушка оказалась дома и обрадовалась его звонку. В десять часов Чейз и Гленда вышли из квартиры и направились к «мустангу». Вечер выдался тихий и не такой душный, как день.

Чейз огляделся в темноте, прикидывая наиболее подходящее место, где мог притаиться человек с пистолетом.

Чейз попытался убедить Гленду, что ей совершенно ни к чему ехать с ним, что глупо маячить перед домом вдвоем, но она и слушать ничего не желала:

— Если мы боимся выходить из дома, значит, Судья уже победил, ведь правда?

Тогда он принялся объяснять, что с ней будет, если в нее попадет пуля тридцать второго калибра, но она только отмахнулась: он ведь сам говорил, что Судья не умеет стрелять.

Когда он вместе с ней сошел с тротуара, чтобы проводить ее до дверцы со стороны пассажира, она сказала:

— Не надо изображать учтивого джентльмена. Терпеть не могу, когда мне открывают двери, точно я инвалид.

— А если джентльмену нравится быть учтивым? — спросил он.

— Тогда отвези меня в такое место, куда принято приходить в длинном бальном платье, чтобы мне действительно потребовалась помощь.

Он отпустил ее руку:

— Очень хорошо, мисс Самостоятельность. Но как мы сядем в машину, чтобы нас не заметили?

— А ты думаешь, он наблюдает за нами с соседней крыши? И при этом невероятно зоркий, чтобы стрелять в такой темноте?

— Все равно, — сказал Чейз, подходя к водительской дверце; он открыл ее на мгновение раньше, чем она свою. За это мгновение он понял: произошло нечто ужасное...

Он оставлял машину запертой, и Гленда не смогла бы открыть свою дверцу, пока он не отпер ее изнутри.

— Ни с места! — крикнул он поверх «мустанга».

Девушка среагировала лучше, чем он мог ожидать. Она не распахнула инстинктивно дверцу, как сделал бы почти каждый, думая, что опасность сзади. Открой она ее хотя бы на дюйм, в следующий миг упала бы замертво.

— В чем дело? — спросила она.

— Он побывал в машине.

— Судья?

— Да. — Чейз откашлялся. Во рту у него пересохло, и язык прилипал к нёбу, когда он пытался говорить. — Не открывай дверцу дальше, но не хлопай ею и не прикрывай, отпусти, пусть сама закроется.

— Почему?

— Я думаю, он начинил машину взрывчаткой.

Гленда долго молчала, а когда наконец заговорила, стало ясно, что теперь она первый раз испугалась по-настоящему:

— Откуда ты знаешь?

— Когда я открывал свою дверцу, в салоне зажегся свет. Так вот, от кнопки на окне твоей дверцы к бардачку тянется одножиль-

ный провод. Взрывчатка наверняка там, потому что он вытащил лампочку из дверцы бардачка и оставил саму дверцу открытой.

— Но как ты сумел...

— Во Вьетнаме мы всегда осматривали машину, прежде чем садиться в нее. Конг частенько преподносил такие сюрпризы.

Пока они говорили, Гленда медленно отпускала дверцу и теперь, когда та прикрылась, осторожно убрала с нее руку.

— Отойди от машины и зайди за дом, — распорядился Чейз.

— Что ты собираешься делать?

— Обезвредить ее.

— Я тебе не позволю...

— Я это делал десятки раз, — успокоил девушку Чейз. — Иди, не волнуйся.

Когда она отошла достаточно далеко, чтобы в случае чего взрыв не задел ее, Чейз открыл свою дверцу и сел на водительское сиденье.

Мимо с натужным ревом проехал белый продуктовый фургон, и похожее на рокот моря эхо заметалось между кирпичных стен многоквартирных домов. Чейз наклонился над панелью, разделяющей сиденья, и стал всматриваться в открытый бардачок. Даже при слабом освещении он увидел характерный изгиб гранаты. Она была тщательно прикреплена клейкой лентой к полочке, которую образовывала открытая дверца бардачка, и обмотана длинным проводом, опутавшим маленькую дверцу вдоль и

поперек. Провод огибал кнопку возле окна на пассажирской дверце и тянулся прямо к заднему кольцу в верхней части гранаты.

Чейз вышел из машины и направился к лестнице дома, где ждала Гленда.

— У тебя в квартире есть инструменты? Мне нужны кусачки.

— По-моему, есть такие, знаешь, тоненькие щипчики, — сказала она, — из набора елочных лампочек.

— Сойдет, — решил он.

Пока Гленда ходила за щипчиками, он стоял на лестнице засунув руки в карманы и пытался не думать, что стало бы с нею, если бы граната взорвалась. Он бы, наверное, тоже пострадал, но ее буквально разорвало бы на куски вместе со стальной дверцей «мустанга», которая разлетелась бы с такой же легкостью, как стекло.

Девушка вернулась с инструментом и спросила:

— Это надолго?

— Минут на пять, — сказал он. — Жди здесь. Теперь вряд ли стоит остерегаться Судьи. Он уверен, что взрыв прикончит нас.

Вновь забравшись в машину, Чейз наклонился над панелью и, крепко сжав щипцами провод, начал стремительно перегибать его взад-вперед. Вероятность, что ручная граната взорвется, была ничтожна мала, хотя он и не мог чувствовать себя абсолютно спокойно, пока не перекусил провод. Провод провисал дюймов на

десять, так что Судья дал возможность Чейзу спокойно поработать над ним.

Конечно, Судья не натянул провод вовсе не для того, чтобы Чейзу было легче обезвредить гранату. Он преследовал другую цель. Граната должна взорваться не раньше, чем девушка почти настежь откроет дверь, так чтобы на нее обрушилась вся мощь взрыва. Больше того, при такой длине провода, если учесть, что между выдергиванием кольца и взрывом пройдет не менее семи секунд, она могла бы успеть даже сесть в машину, не заметив провода, и осознать опасность, только когда было бы уже поздно.

Чейз сильно крутанул провод в последний раз и перекусил его. Он отложил щипцы в сторону, перебрался на пассажирское сиденье, открыл дверцу, давая доступ в салон свету с улицы, и принялся перекусывать провода, крепившие гранату. Они снялись без особого труда вместе с кусками черной изоляционной ленты. Отцепив наконец металлическую гранату, Чейз взвесил ее на руке. Настоящая боевая граната, а не бутафория, которую Судья подложил из желания попугать.

Чейз завернул гранату в кусок вошеной ткани, который отыскал в машине, засунул ее в бардачок и запер его.

Выйдя из машины, он отцепил провод от кнопки возле окна и засунул его под сиденье, закрыл дверцу, подошел к лестнице и сообщил Гленде:

— Готово.
— А где же динамит? — спросила она.
— Это не динамит, а всего лишь ручная граната. Я завернул ее и запер в бардачке.

Девушка выглядела совсем больной, кровь отхлынула от лица.

— А это безопасно?
— Совершенно безопасно. Она не может взорваться, если не выдернуть кольцо.
— Где он раздобыл ручную гранату?
— Не знаю, — пожал плечами Чейз, — какая-то возможность всегда найдется. Когда-нибудь, может статься, я это выясню.
— Что теперь будем делать? — спросила она.
— Едем к Луизе Элленби, как и собирались. Уж теперь-то этого подонка просто необходимо выследить.

Пока он заводил двигатель, она сказала:
— Ну и нервы у тебя! Ты, похоже, даже не взволнован.

— Как бы не так, — возразил он. — По-моему, я еще ни разу в жизни так не беспокоился. — Он знал, что ему нельзя выплескивать эмоции, нужно сохранить ненависть к Судье. Она поможет победить, если он не разбазарит ее по пустякам.

Луиза Элленби открыла дверь, облаченная в пижамную куртку с синим цветочным узором, которая едва прикрывала ее ягодицы; вид у нее был весьма зазывный.

— Я знала, что вы вернетесь за обещанной наградой... — защебетала было она, но тут уви-дела Гленду и воскликнула: — Ой!

— Можно войти? — спросил Чейз.

Она в смущении отступила и закрыла за ними дверь.

Чейз представил Гленду как своего близко-го друга, хотя понял, что Луизе и так все ясно. Она надула губки — не по-женски, а совсем по-детски — и сказала:

— Не хотите выпить на этот раз?

— Нет, — отказался Чейз. — У нас всего несколько вопросов, мы надолго не задер-жимся.

— А я выпью. — Она прошла через ком-нату и соорудила себе напиток. Какой — Чейз не смог определить. Она стояла, отставив пра-вое бедро, так что пижамная куртка слегка то-портилась на ее круглых крепких ягодицах, которые казались мягкими и белыми на фоне загорелых ног. Вернувшись, она села так, что на какой-то миг совсем оголилась, потом за-ложила ногу на ногу, скрыв от взгляда самое интересное. — Что это за вопросы?

Чейзу стало неловко. Он видел, что Глен-да просто-таки наслаждается его смущением и яростью девочки. Она сидела на одном из жестких стульев и выглядела восхититель-но, так же положив ногу на ногу. Однако ее ноги были куда соблазнительнее, несмотря на весьма откровенную наготу молодой хозяйки дома.

— Ты сказала, что гуляла с Майком год до того, как... как его убили, — перешел к делу Чейз.

— Ну да, примерно. — Луиза взглянула на Гленду, на ее ноги, потом перевела взгляд на Чейза и не сводила с него глаз до самого их ухода. — А что?

— Ты никогда не замечала, чтобы вас кто-нибудь преследовал — следил за вами?

— В последнее время? Нет.

— Не только в последнее время, недели, может, даже месяцы назад.

Она подумала, отпила из своего стакана и наконец сказала:

— В начале года, в феврале или в марте, что-то такое было.

Чейз почувствовал, как у него перехватило дыхание: он боялся произнести даже слово из какого-то суеверного страха, что все окажется напрасным и они уйдут, так и не узнав ничего нового. Наконец он спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, в первый раз, тогда Майк сказал, что какой-то тип преследует нас, я только посмеялась. — Она нахмурилась, видимо вспомнив, как беспечно смеялась тогда, думая теперь, что была слишком легкомысленна. — Дикая идея, прямо как в кино. Майк вообще был такой: то одна фантазия, то другая. Он, знаете ли, собирался стать знаменитым художником. Сначала намеревался работать в мансарде, как монументалист. Потом — сделаться книжным ил-

люстратором, а после этого — промышленным дизайнером. Он никак не мог решить, кем именно, но обязательно хотел стать знаменитым и непременно разбогатеть. Мечтатель. — Она покачала головой, такая мудрая задним числом, знающая, что мечты и планы зачастую не сбываются.

— Так что там насчет преследования? — осторожно спросил Чейз. Он избегал жестко гнуть свою линию, чтобы не рассердить девушку, потому что знал: такой уж у нее характер — чуть что, замкнется и не скажет ни слова. С другой стороны, ему не хотелось сидеть тут до утра, выслушивая биографию Майкла Карнса.

— Это был человек в «фольксвагене», — сказала Луиза. — В красном «фольксвагене». Послушав Майка с неделю, я и сама стала приглядываться и поняла, что это не фантазия. Кто-то действительно ездил за нами в красном «фольксвагене».

— Как выглядел тот человек?

— Я его так и не рассмотрела. Он держался далеко позади и всегда парковал машину по дальше от нас, если выходил из нее. Но Майк его знал.

Чейзу на миг показалось, будто у него едет крыша, жутко захотелось схватить Луизу и вытрясти из нее все без этой тягомотины с вопросами и ответами. Сдержавшись, он спокойно спросил:

— Кто же был этот человек в «фольксвагене»?

— Не знаю, — произнесла она. — Майк мне не говорил.

— И тебе не было интересно? — не поверили он.

— Конечно было. Но когда Майку что-нибудь втемяшится в голову, его не переубедишь. Однажды вечером, когда мы ехали в «Даймонд-Делл» — это такое водительское кафе на Гласио, — он вышел из машины, подошел к тому типу в «фольксвагене» и поговорил с ним. Вернувшись, он сказал, что знает его и что тот больше не будет мозолить глаза. Так оно и оказалось. Тот тип уехал и больше за нами не следил. Я так и не узнала, что это была за история.

— Но что-то же ты думаешь об этом, — настаивал Чейз. — Не может же быть, чтобы ты успокоилась, не попытавшись узнать поточнее.

Она отставила свой стакан и сказала:

— Майк не хотел говорить об этом, и я, кажется, знаю почему... Тот тип, как я полагаю, kleился к нему.

— Гомосексуалист, — подытожил Чейз.

— Это только мои домыслы, — сказала Луиза. — У меня нет доказательств. — Она взялась было за стакан и вдруг просияла: — Слушайте, так вы думаете, что это и есть тот тип с кольцом?

— Может быть, — уклончиво ответил Чейз.

— Кто он такой?

— Пока не знаю, но узнаю. — Он поднялся, Гленда тоже встала.

— Держу пари, это он и есть! — воскликнула Луиза.

— И вот еще что, — спохватился Чейз. — Мне нужен список друзей Майка, ребят его возраста, с которыми он был близок.

— А девушек? — спросила она чуть-чуть вызывающе.

Он на миг задумался и решил, что вряд ли парень в возрасте Майка станет обсуждать такие вещи со своими девушками, ведь сам факт, что к нему клеится гомосексуалист, способен поставить под вопрос его собственную мужественность. А вот своим сверстникам он вполне мог преподнести это как шутку, чтобы посмеяться.

— Нет, только мальчики, — уверенно сказал он.

— Сколько?

— Пять или шесть.

— Это, наверное, слишком много. У Майка не было столько друзей. Я знаю только троих.

— Что ж, достаточно и этого.

Она взяла с письменного стола листок бумаги и печатными буквами записала три фамилии. Потом встала, отнесла на место ручку и протянула ему листок. Все эти вставания и хождения были явно продуманы и предназначались для того, чтобы он мог бросить несколько мимолетных взглядов на то, что, по ее мнению, сулило ему райское блаженство.

— Спасибо, — поблагодарил он, увидев адреса рядом с фамилиями, и подумал: интересно, с кем из друзей Майка она спала?

В дверях Луиза придвинулась к нему вплотную и прошептала:

— А знаете, нам могло бы быть очень хорошо.

Гленда стояла впереди Чейза, спиной к нему, и, по идеи, не должна была слышать, но она обернулась и приятно улыбнулась младшей девушке. А потом сказала совсем не приятную вещь:

— Но беда в том, что ты слишком стараешься, Луиза, честное слово, слишком.

Луиза покраснела, отпрянула — неосознанно в первый раз за вечер сверкнув голым телом — и захлопнула дверь у них перед носом.

— Она ведь еще совсем девчонка, — заметил Чейз, искоса глядя на Гленду. Но та явно не желала ничего слышать. — Зачем ты так с ней?

— Она ведет себя совсем не как девчонка, — отрезала Гленда. — Ни капельки не похоже.

Чейз понял, что девушка ревнует, и если бы не удручающие обстоятельства, он бы, наверное, порадовался этому.

В машине она, похоже, успокоилась и спросила:

— Что дальше, детектив Чейз?

Чейз сидел за рулем, всматриваясь в темную улицу, и думал о Судье. Он постарался убедиться, что от дома Гленды за ними никто не следует, но не мог отделаться от чувства, будто ему в затылок нацелен пистолет —

или ей в затылок. После истории с гранатой он стал чрезмерно бдителен.

— Посмотрим, нет ли дома кого-нибудь из этих ребят, — предложил он.

— В одиннадцать вечера, в воскресенье?

— Скорее всего, нет, — согласился Чейз. — Но попытка не пытка.

Он поехал вперед, то и дело поглядывая в водительское зеркальце. Их никто не преследовал, по крайней мере физически.

Джерри Тейлора, значившегося в списке третьим, они застали дома. Он жил с родителями в районе Брэддок-Хайтс, в двухэтажном каменном доме с участком, засаженным роскошным садом. В Брэддок-Хайтс селились в основном представители среднего класса с семьями: врачи, юристы, преуспевающие бизнесмены. Мужчина, открывший дверь, высокий, седеющий, одетый в потертые джинсы, белую рубашку и поношенный свитер, казалось, не удивился, что к его сыну в такое позднее время заявились двое взрослых. Он спросил, не влип ли Джерри в историю, кивнул, когда они уверили его, что нет, провел их в гостиную и сказал, что Джерри появится через несколько минут. Он вышел и больше не возвращался.

Джерри Тейлор оказался худым парнишкой с длинными волосами, ниспадающими на слегка сутулые плечи. Одет весьма непритязательно: расклешенные джинсы да рабочая рубаш-

ка. Едва войдя в комнату, он принял равнодушный вид, хотя было ясно, что это совсем не в его характере. Он внимательно выслушал Чейза, ответил на его вопросы, не сообщив ничего нового, и проводил их до дверей. Они пошли к машине; каменный дом возвышался позади них как крепость.

— Интересно, у него все друзья такие необщительные? — спросила Гленда.

— Это болезнь поколения, — сказал Чейз.

— Безразличие? — удивилась она.

— Скорее — напускное безразличие. Они хотят выглядеть всезнающими и все испытавшими.

— Ты так говоришь, будто лет на сорок старше его.

— Я именно так ощущаю.

Она погладила его по плечу:

— Что ты еще скажешь?

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Боже, какие мы тактичные!

— Извини, — сказал он, обнимая ее. —

Я спрашиваю не из праздного любопытства, у меня есть причина.

— Двадцать один, — сообщила она.

— А я думал, меньше.

— Так вышвырни меня из машины.

Он засмеялся:

— Мне просто хотелось узнать, какие сейчас самые популярные злачные места у восемнадцати-девятнадцатилетних. Я уверен, что за то время, пока меня не было, они сменились.

Год-два — это слишком много, чтобы «клевое» место оставалось «клевым».

— Бутербродные на Галасио весьма популярны. Но шанс найти там одного из двух парней, должна тебе сказать, исключительно мал.

— Пожалуй, — согласился Чейз. — Так что едем к тебе и ждем. Если не поймаем ни одного из них по телефону сегодня, выйдем на них завтра утром.

— Завтра понедельник, — возразила Гленда. — Я работаю.

— У тебя есть отгулы? — спросил он.

— Семь дней.

— Возьми отгул.

— Но...

— Пойми, иначе мне придется отправиться вместе с тобой на работу и сидеть там, чтобы быть уверенным в твоей безопасности, а значит, мне ничего не удастся сделать.

Она на миг задумалась и сказала:

— Ладно. Теперь поехали домой, а то немного жутко сидеть тут на открытом месте.

Дома у Гленды Чейз тщательно запер дверь и накинул дверную цепочку. Затем он задернул шторы на всех окнах и проверил, закрыта ли стеклянная дверь балкона, хотя казалось маловероятным, что Судья забросит веревку на перила и вскарабкается по ней на третий этаж. Это трюк для мелодрам — в жизни такого не бывает.

— Скотч, — сказала Гленда, протягивая ему стакан.

Они выключили свет, зажгли фонарики у дальней стены и уселись на пол, опервшись спиной на диван и глядя на разноцветные блики.

— По-моему, у тебя уже достаточно оснований обратиться в полицию, — заметила Гленда.

— Граната?

— Да.

— Не забывай, я служил в армии. Если они продолжают думать, будто я малость не в себе, могут предположить, что я незаконно привез гранату в США. И еще, чего доброго, посадят на несколько дней.

— А без гранаты? — спросила она. — Может быть, у тебя для них вполне достаточно сведений?

— И каких же? Что убийца носил кольцо на мизинце. Или свидетельство подружки, что он, кажется, приставал к Майку. Или то, что некто собирал обо мне сведения в университете под чужим именем? — Он попробовал скотч. — Подлинного имени-то мы не знаем.

— Зато есть описание его внешности.

— А они скажут, что его недостаточно или что я его выдумал. — Он поставил стакан на кофейный столик. — Нет, я не допущу, чтобы со мной снова так обращались. Уж если я приду к ним, то пусть они подавятся своим... своими шляпами.

Гленда засмеялась и подбрала под себя ноги:

— Шляпами, да?

Он улыбнулся:

— Послушай, мы ничего не можем сделать, пока не поговорим с теми ребятами, а их на-верняка еще нет дома. Давай немного отвлечемся и поговорим на другие темы. Я, напри-мер, даже не знаю, какие книжки ты читаешь, какую музыку любишь, нравится ли тебе хо-дить на танцы...

— Ох, братец, — вздохнула девушка, — рис-куешь соскучиться.

Но шли часы за часами, а он и не думал скучать, потому что ее суждения отличались свежестью. Общение с ней поднимало его дух, заставляло отступить все проблемы. Время от времени они целовались, он обнимал ее за плечи, не более того. Между ними словно су-ществовало молчаливое соглашение избегать даже намека на более тесный контакт, пока дело не прояснится и Судья не будет обна-ружен.

Через сорок пять минут зазвонил телефон.

— К черту этих твоих бывших ухажеров! — заявил Чейз.

— Скорее всего, это мама, — парировала она.

Гленда подошла к телефону, взяла трубку.

— Алло... Да? — Она немного помолчала. — Мне это не нравится. — Снова молчание. — А теперь послушайте меня... — Она останови-лась посреди фразы, посмотрела на трубку и положила ее на рычаг.

— Ну что, не мама? — поддразнил Чейз.

— Нет, — сказала она. — Это Судья. Он сообщил мне, что убьет сначала меня, потом тебя и в довершение ко всему Луизу Элленби. Он поздравил меня с тем, что ты нашел и обезвредил гранату, и, по его словам, в следующий раз сделать это будет не так просто. А напоследок пожелал мне приятно провести вечер.

Глава 11

Норман Бойтс, друг Майкла Карнса, имя которого стояло первым в списке Луизы Элленби, оказался дома, когда вскоре после полуночи Чейз позвонил ему. Правда, он дважды сказал о своем намерении отправиться спать и желания помочь у него было еще меньше, чем у Джерри Тейлора. Но было совершенно не важно, хочет он помочь или нет, потому что самое главное он сказал: Майк никогда не говорил, будто к нему пристает гомосексуалист или что некий тип преследует его.

Последний мальчик, Мартин Кейбл, уже спал. Его мать отказалась подзывать сына:

— Поймите, летом он работает шесть дней в неделю и ему нужен отдых.

— Я отниму у него всего пять минут, — пообещал Чейз.

— Он уже спит. Я не стану его будить.

— А вы не скажете, где он работает? — спросил Чейз.

— Это вы сегодня звонили? — спросила она.

— Да.

Она немного помолчала и сказала:

— Мартин с восьми часов утра работает в бассейне гостиницы «Губернаторская» спасателем.

— Спасибо, — произнес Чейз в пустоту, потому что женщина уже повесила трубку.

— Что, не удалось? — спросила Гленда.

— С парнем придется встретиться утром.

Она зевнула:

— Тогда спать. После визита моей мамы и веселенькой сценки с гранатой у меня глаза слипаются.

В постели они немного подержали друг друга в объятиях, но оба знали: ночь для того, чтобы спать, — и только. Это была первая ночь за много месяцев, когда Чейзу ничего не снилось.

В половине девятого в гостиничном бассейне они застали двоих молодых людей: один из них чистил металлическую ограду возле кромки воды, другой мыл белый трамплин для ныряния — до открытия в десять оставалось не так много времени. С нескрываемым интересом парни посмотрели на Гленду, и Чейз подумал, что они явно плохо воспитаны. Но когда один из них восхищенно присвистнул, Гленда улыбнулась, принимая как лесть то, что его мать сочла бы грубостью. Это было еще одно различие между ними, из-за которого Чейз чувствовал себя старым и усталым.

Чейз подошел к парню, надраивавшему лесенку у мелкого края бассейна:

- Мартин Кейбл?
- Вон Марти, — сказал тот, указывая на юношу на трамплине.

Мартин Кейбл выглядел худым, но мускулистым — бицепсы четко вырисовывались, даже когда он не напрягал рук, — и казался более жестким и жилистым, чем штангист. Черная шевелюра закрывала уши и затылок, но борода еще не росла. Когда они подошли, парень уселся на трамплине, слегка возвышаясь над ними.

- Мартин Кейбл? — спросил Чейз.
- Да. — Он не напускал на себя скучающего вида, как Джерри Тейлор, и, в отличие от Нормана Бейтса, проявил дружелюбие. Солнце, отражаясь в воде, бросало призрачные мерцающие блики на его лицо и грудь.
- Насколько мне известно, ты дружил с Майклом Карнсом.

— Ага.

— Хотел бы задать тебе несколько вопросов, если найдется пара минут.

Парнишка стрельнул глазами на Гленду, остановил взгляд на ее стройных лодыжках, потом снова оглядел ее с ног до головы. Наслаждаясь зрелищем, он щедро разрешил:

- Ага, валяйте, спрашивайте.
- Ты хорошо знал Майка?
- Мы были близкими друзьями, даже устраивали свидания с девушками в одной машине.

- Вместе учились в школе?
- Ага. Вместе окончили в прошлом июне.
- Майк был неравнодушен к девушкам? — поинтересовался Чейз.
- Еще как! — ответил парень. — Господи!
- Как я слышал, помимо Луизы Элленби, у него имелось еще несколько девушек на примете.
- Не только на примете, — разоткровенничался Мартин. — Он спал со всеми. Никак не мог насытиться, наверно, потому, что это было для него все еще в новинку.
- В новинку? — переспросил Чейз. Он чувствовал, что за этими словами кроется то, что их интересует, но не был уверен.
- В первый раз он переспал с девчонкой еще в средней школе, в последний день учебы. За одну ночь он превратился из застенчивого подростка, у которого был один спорт на уме, в... в общем, в кобеля. Вы понимаете, наверное, встречали таких людей?
- Да, — подтвердил Чейз.
- Мы даже советовали ему поумерить свой пыл, дабы не истощить себя преждевременно.
- Поскольку вопрос о мужской потенции Майкла Карнса они уже выяснили, похоже, наступил подходящий момент спросить о главном, но только так, чтобы парень не замкнулся:
- А он никогда не говорил тебе, что к нему... пристает мужчина?
- Голубой?

— Ну да.

Он снова взглянул на Гленду, потом на Чейза, раздумывая, и сказал:

— А вы не представились.

Чейз представил себя и Гленду.

— Чем же объясняется столь пристальный интерес к Майку?

— Мне кажется, — стал объяснять Чейз, — полиция ничего не делает. Вы же знаете, я связан с этим делом и мне совершенно не улыбается мысль о том, что на свободе бегает псих, который здорово на меня зол.

Кейбл понимающе кивнул. Минуту спустя он заговорил быстро и невнятно, точно обманывал чье-то доверие и хотел побыстрее отделяться:

— Два года назад Майк в первый раз переспал с девчонкой и после этого будто сдвинулся... Знай вы его родителей, все бы поняли. Они никогда не разрешали ему ничего лишнего, никаких развлечений, не говоря уж о сексе. И он как с цепи сорвался. Даже учиться стал плохо.

— Когда это произошло?

— Где-то в середине второго семестра старшего класса. Он хотел учиться в университете, но у него бы ничего не вышло, закончил он второй семестр так же плохо, как первый. Хуже всего дело обстояло с физикой, и кончилось тем, что ему пришлось заниматься с репетитором.

— А с кем именно? — спросил Чейз.

— Учитель, который по субботам давал частные уроки. Я не знаю, как его фамилия, и никогда его не видел.

— И этот самый учитель приставал к Майку?

— Ага. Я только спустя год об этом узнал. Майк подтянулся и таки влез в университет на дневное, а я уехал в Питтсбург. Мы редко переписывались, но всегда встречались, если я приезжал на выходные и на каникулы. В феврале у нас было свидание с рыжими двойняшками, с которыми Майк познакомился в университете, очень, кстати, милыми. По дороге домой, после того как мы проводили девчонок, он и рассказал мне об этом типе, который преследовал его, куда бы он ни пошел.

— Это и был учитель физики?

— Ну да.

— А что Майк о нем рассказывал? Даже самая мелкая деталь может оказаться важной.

Кейбл скосил глаза и облизнул губы:

— Он прекратил брать уроки по субботам, потому что преподаватель пытался убедить его, будто ничего плохого не случится, если они лягут в постель. Это было почти год назад, когда мы еще учились в старшем классе. Потом, по словам Майка, этот тип продолжал надоедать ему, периодически пытаясь заговорить с ним. Но когда он звонил, Майк вешал трубку. Тогда он стал преследовать Майка повсюду — жуть, да и только.

— Но ты не помнишь его фамилии?

- Нет.
- И даже имени?
- Даже имени.
- Может, прозвище?
- Майк конечно же не называл его прозвищем.
- Да, наверное.
- Вот и все, — сказал Кейбл. Он стиснул руки и захрустел суставами. — Жаль, что так мало.
- Думаю, вполне достаточно, как раз то, что надо, — возразил Чейз.
- Ну, тогда хорошо. — Кейбл отвернулся от Чейза, тряхнул головой, отбрасывая с лица густые волосы, улыбнулся Гленде и сказал: — У вас обалденные ноги!
- Спасибо, — поблагодарила она.

Из-за палящего солнца Гленда казалась миражем в волнах марева, поднимавшегося от тротуара, в то время как она шла к машине. Красавица, подумал Чейз, и Кейбл прав на счет ее ног. Сумеет ли он помочь ей исполнить обещание, заключенное в ее теле, стать для нее мужчиной? Он быстро прогнал эти мысли и сел в машину.

- Ты красивая, — сказал он.
- Боже, что за комплимент! — произнесла она с притворным удивлением. — Я думала, что буду выслушивать их по крайней мере через день.

— Я плохо формулирую, но, признаться, приревновал к этому парню. Я же видел, как ты засияла в ответ на его похвалу твоим ногам.

— Может быть, я и эмансипированная женщина, но у меня тоже есть это.

— Я буду стараться, — пообещал он, дотрагиваясь до ее голого колена. Оно было прохладным и крепким. Прикосновение вызвало такую волну желания и вины одновременно, что он тут же убрал руку. — Достала?

Она открыла конверт и вытащила шесть отпечатанных на мимеографе страничек:

— Список всех учителей, преподающих в старших, младших и выпускных классах.

— С адресами и телефонами, — одобрительно заметил он. — Как тебе это удалось?

— Фокус, которому научилась, постоянно крутясь среди репортеров. — Она наклонилась вперед, щелкнула зажигалкой на щитке, достала сигарету и закурила. Затянулась один раз, а потом довольствовалась тем, что держала ее в руке. — Я встретилась со школьным инспектором и назвалась представителем коммерческой фирмы, рассылающей по почте запросы. Он пребывал в таком отчаянии, что приходится работать летом, когда все учителя в отпуске, и так обрадован возможностью пообщаться с милой молодой женщиной в мини-юбке, что даже не спросил, почему мы запрашиваем информацию лично, а не по почте. К тому же я выписала ему чек со своего собственного счета в качестве платы за список, и мне

даже не пришлось объяснять этого. Двадцать пять долларов за имя, адрес и телефон почти трех тысяч сотрудников — а они, наверное, уже не раз продавали этот список за гораздо большие деньги.

Он восхищенно покачал головой:

— При такой голове тебе даже не обязательно иметь такие ноги.

— Неправда.

— Неправда?

— Если бы он не плялся на ноги, то наверняка более здраво мыслил. И задал бы массу всяких неудобных вопросов.

Чейз вернул ей список:

— Что ж, благодаря твоим ногам мы приближаемся к месту назначения.

— Ты действительно думаешь, что он учитель физики?

— Многое сходится. Включая даже глушитель для пистолета. Обладая профессиональными знаниями, он запросто мог смастерить его сам. Я помню, он говорил, что плохо стреляет именно из-за глушителя.

Чейз остановил машину у ее дома. Они поднялись в квартиру и вместе просмотрели список, обводя фамилии учителей физики — их оказалось всего трое. Он обзвонил их всех за десять минут и с каждым перемолвился несколькими словами. Ни один из них, похоже, не был Судьей. Оставался еще один шанс: совсем не обязательно, чтобы репетитор по физике преподавал в школе именно физику; те-

перь они обвели фамилии учителей естество-
знания в старших и младших классах и позво-
нили всем тридцати девяти. Двенадцать номе-
ров не ответили, еще четырех не было дома,
но они должны были прийти после обеда.
Среди остальных двадцати трех Судьи не ока-
залось.

К половине седьмого у них остался только
один человек. Чарльз Шинблут, учитель есте-
ствознания в начальной школе. Но когда Чейз
набрал его номер в седьмой раз, он ответил:

- Шинблут у телефона.
 - Вы мистер Шинблут, учитель естество-
знания в младших классах уолтерсонской шко-
лы? — спросил Чейз.
 - Да, это я.
 - Чарльз Шинблут?
 - Да. Кто это?
- Чейз повесил трубку.
- Ну? — спросила Гленда.
 - Это не Судья, — сказал он. — Мы идем
по ложному следу.

Глава 12

Анна и Гарри Карнс жили в скромном бе-
лом деревянном доме на Винклер-стрит, в од-
ном из старейших жилых районов города,
населенном людьми среднего достатка. На
подъездной дорожке, усыпанной гравием,
стоял трехлетний «рамблер»; в окнах нижне-

го этажа горел свет. Плотные желтые шторы скрывали от Чейза внутренний интерьер комнат, но он полагал, что они так же уродливы, как сам дом и весь квартал. Тишину нарушали только шум грузовиков, проезжающих по шоссе в трех кварталах отсюда, да телевизор, включенный на полную громкость в соседнем доме.

— Ну что, идем? — спросила Гленда.

— Я уж думаю, — сказал Чейз, — может быть, гомосексуализм здесь ни при чем?

— Но человек, который преследовал их, ездил на красном «фольксвагене», как говорит Луиза Элленби. И когда ты обвинил его по телефону, реакция, как тебе показалось, была слишком бурной.

— Но считается, что голубые не так склонны к насилию, как обычные люди. И те, с которыми я общался, вполне подтверждают это мнение. Не могу представить, чтобы хоть один из геев, которых я знал, взял нож и пошел убивать.

— Отвергнутый любовник, — предположила Гленда.

— Слишком банально, чтобы быть правдой.

Она скользнула поближе к нему, не обращая внимания на панель между сиденьями.

— В чем дело, Бен? По-моему, ты просто ищешь отговорку, лишь бы не идти и не говорить с родителями Майкла.

Он посмотрел на освещенные окна и вздохнул:

— Они, чего доброго, начнут благодарить меня за попытку спасти их сына, и я снова сделаюсь героем. Знала бы ты, как мне это надоело.

— А может быть, и не начнут, — возразила она. — Они и не знают, кто ты такой.

Он распахнул дверцу машины и поставил ногу на край тротуара:

— Ну, пойдем, покончим с этим.

Дверь открыла Анна Карнс, седая женщина, не пользовавшаяся косметикой; но и пользуясь она ею, вряд ли это бы помогло. Слишком резкими были черты ее лица — сплошные углы и плоскости, глаза чрезмерно близко посажены, губы тонкие и поджатые. На ней бесформенно висело домашнее платье, доходившее до середины толстых икр. Нет, она вовсе не занималась о стиле, просто платья такой длины, по-видимому, носила всегда.

— Входите, пожалуйста, — пригласила она. — Рада вас видеть.

Серость. Все в доме выглядело серым, грустным и обыденным. Мебель в гостиной темная и тяжелая: на спинках кресел и диванов — белые чехлы. Горели две лампы, причем обе тусклые, какие-то подслеповатые. Телевизор работал, но казалось, никто его не смотрит. Стены комнаты окрашены в унылый коричневый цвет — такими обычно бывают стены в общественных учреждениях — в школах или в коридорах мэрии. На стенах висело с полдесятка табличек с девизами, полностью соответствующими вкусам хозяев.

Гарри Карнс оказался таким же серым, как его жена и их комната, человеком низенького роста и хилого сложения. Руки его дрожали, если только он не клал их на подлокотники кресла; он избегал смотреть на Чейза и устремил свой взгляд куда-то за его левое плечо.

Чейз и Гленда сели на диван, не прислоняясь к спинке; им было явно не по себе в этой комнате с чехлами, лозунгами и выставленными напоказ Библиями. Миссис Карнс то и дело бросала неодобрительные взгляды на голые ноги Гленды, едва прикрытые минижюбкой, а мистер Карнс усердно притворялся, будто вообще не знает, что Гленда женщина. Общее настроение было как на похоронах.

Когда наконец покончили с благодарностями, Чейз сменил тему разговора:

— Я пришел, чтобы задать несколько вопросов о Майкле. Видите ли, я не уверен, что полиция тщательно занимается этим делом, а мне очень хочется, чтобы оно побыстрее решилось, учитывая, что убийца может быть зол на меня.

— Что за вопросы? — спросила миссис Карнс.

Где-то в коридоре на втором этаже пробили старинные часы. Звук показался Чейзу глухим и далеким, как обрывки кошмарного сна.

— В основном о школе, — ответил Чейз.

— Он был хороший мальчик, — сказал мистер Карнс. — Старателльно учился в школе, а потом в колледже.

— Давай не будем лгать мистеру Чейзу, — заявила Анна куда более решительно, чем ее муж. — Мы же знаем, что это не так.

— Но он был хороший мальчик, — упорно повторил старик; казалось, он пытается убедить не столько жену, сколько самого себя.

— Он свихнулся, — отрезала миссис Карнс. — И год от года становился все более неузнаваемым.

— Как это свихнулся? — не понял Чейз.

— Стал гулять, — принялась объяснять миссис Карнс. — Приходил среди ночи, и обычно с девушкой. Вы же знаете, где его убили, в этом греховном месте, которое они называют парком.

Не желая продолжать разговор на эту тему, Чейз сказал:

— Я пришел в основном для того, чтобы спросить о репетиторе, с которым Майкл занимался физикой в выпускном классе.

— Он гулял каждую ночь и плохо учился, — продолжала гнуть свое миссис Карнс. — Мы уже все перепробовали. Его бы выпороть как следует, но где там, он был сильнее и меня и отца. Когда мальчик вырастает и теряет уважение к старшим, что тут поделаешь? Он работал и скопил денег на машину. И вот тогда удержать его стало и вовсе невозможно.

Мистер Карнс молчал; отвернувшись, он уставился в телевизор, где показывали состязания дрессированных собак, до тошноты предсказуемые.

— С кем он занимался физикой? — настойчиво спросил Чейз.

Миссис Карнс тоже посмотрела на экран: собака прыгнула через обруч, другой пудель перекувырнулся назад. Под аплодисменты невидимой публики она сказала:

— Я не помню его фамилии. А ты, отец?

Муж отвел взгляд от телевизора и, как раньше, вновь устремил его за левое плечо Чейза.

— Я с ним не встречался, — сказал он.

— А вы платили по чекам? Должны же вы были записывать чеки на чье-то имя?

— Мы платили наличными, — уточнила миссис Карнс, — восемь долларов за два часа каждую субботу, и Майк брал деньги с собой. Через некоторое время учитель заметил способности Майка к физике и предложил заниматься с ним бесплатно.

— Майк был способным мальчиком, — вступил в разговор мистер Карнс. — Из него могло бы что-то получиться.

— Если бы он не свихнулся, — почти согласилась жена. — Но он свихнулся и никак не желал угомониться и взяться за ум.

Чейз почувствовал, что Гленда слегка прикоснулась ногой к его ноге, и понял: ее тоже раздражает этот завуалированный непрекращающийся спор между мужем и женой и их враждебность к слабостям единственного сына — если это были слабости.

Он спросил:

— А как вы нашли частного репетитора — или он занимался с учителем из своей школы?

— Его фамилию нам сообщили в школе, — сказала она. — У них есть список рекомендуемых репетиторов. Но он не преподавал там. По-моему, он работал в католической школе.

— Это была частная школа, — подал голос Гарри Карнс, — однако не католическая. Каякак-то академия в городе.

— Школа для мальчиков? — уточнил Чейз.

— Кажется, да.

— А по-моему, именно приходская школа, — возразила его жена. Она смотрела на мужа так, будто хотела, чтобы он взял свои слова обратно.

— А вы, случайно, не помните названия школы? — спросил Чейз старика — этого усталого старика.

— Нет, — сказал Гарри Карнс. — Но она точно не приходская. Я помню, Анна тогда еще опасалась, как бы он не оказался католиком. Она не хотела, чтобы Майк брал частные уроки у католика.

— Нужно соблюдать осторожность, — заявила старуха. — Я всегда старалась соблюдать осторожность, когда дело касалось Майка. Это ты уделял ему недостаточно внимания. Может быть, если бы оба бдели, он бы не свихнулся.

— И последнее, — сказал Чейз. — Правда, это может вас расстроить. Если вы не захотите отвечать, так и скажите.

Анна Карнс покосилась на голые ноги Гленды, нахмурилась, перевела взгляд на Чейза. Гарри смотрел через плечо Чейза, словно манекен со стеклянными глазами.

— Похороны состоялись в четверг. Вы, случайно, не заметили, — спросил Чейз, — во время церемонии незнакомых людей?

— Там было много народа, — сказала Анна.

— В основном его приятели, — добавил Гарри.

Старуха продолжила:

— Мы почти не знали его друзей. Пару раз он приводил на вечер или на ночь каких-то подвыпивших мальчишек. Но я не велела ему делать этого впредь, если они не знают меры и не умеют вести себя как взрослые. И конечно, на похороны пришли девушки, с которыми он... был знаком, девушки из школы и из колледжа.

Чейз повторил им описание Судьи со слов Брауна.

— Такого человека там не было?

— Не помню, — вздохнула Анна. — Пришло много народа.

— А вы, мистер Карнс?

— Тоже не припомню.

Старик плакал. Слезы еще не скатились по щекам, а только собирались в уголках глаз большими каплями.

Жена увидела его состояние и примирительно сказала:

— Я, наверное, слишком строга к мальчику. Он ведь не был таким уж пропащим.

Нельзя обвинять ребенка в его недостатках, ведь правда? Все дело в родителях, в нас. Если у Майка были какие-то плохие черты, если он не был идеальным, то лишь потому, что мы сами не идеальны. Нельзя же воспитать праведного ребенка, если сам грешишь. Так что мы сами виноваты. Правда, папа?

— Да, — согласился он. — Мы сами грешили, и нельзя обвинять мальчика.

Чейзу стало слишком тошно, чтобы дольше оставаться там. Он резко поднялся и взял Гленду за руку.

— Спасибо, что уделили нам время, и извините за беспокойство, — сказал он. — Извините, что напомнил вам все это.

— Ничего, — произнесла мать Майка. — Мы рады помочь.

Гленда в первый раз подала голос. Она взяла со столика вечернюю газету и спросила:

— Это сегодняшняя газета?

— Да, — ответила Анна.

— Если вы прочитали ее, нельзя ли мне взять? Я сегодня не сумела купить газету.

— Пожалуйста, — сказала Анна, провожая их по коридору к двери. — Там все равно ничего интересного.

— Вы служили в армии, — сказал им вслед Гарри Карнс. Он повернулся вполоборота в своем кресле и смотрел на расстегнутый воротник Чейза.

— Да, — ответил Чейз.

— Думаю, именно это и нужно было Майку. Если бы мы убедили его отслужить в армии, а потом уж пойти в колледж, может быть, все сложилось по-другому. Там его привели бы в чувство, научили уму-разуму. Возможно, ему не помешало бы год-другой побывать там, где вы.

— Меньше всего на свете, — резко возразил Чейз.

— Может быть, вы правы, а может быть, и нет.

— Уж поверьте мне, — сказал Чейз: теперь он окончательно перестал сочувствовать старику, разозлившись из-за легкости, с которой тот готов был послать своего сына в самое пекло. В дверях миссис Карнс снова поблагодарила его и сказала, что рада была познакомиться с Глендой. А затем спросила:

— Милая, а вам не холодно в этом вашем платьице?

— Вовсе нет, — ответила Гленда. — Сейчас ведь лето.

— Да, но все-таки...

— К тому же, — перебила Гленда, — я nudistka. Если бы закон позволял, предпочла ходить совсем без платья.

— Ну, до свидания, — произнесла Анна Карнс. Она деланно улыбнулась и закрыла дверь.

— Ты кажешься такой мягкой, нежной и милой — пока не выпускаешь ядовитые коготки, — сказал Чейз. — С тобой не соскучишься.

Гленда взяла его под руку, и они пошли к машине.

— Черт бы их побрал, меня от этой пары чуть не стошнило. Им совсем не жалко своего сына — только себя. Если бы он отправился воевать и его убили, они бы наверняка лопнули от гордости.

— Вот именно, — согласился Чейз. — Я с такими уже встречался.

Он усадил Гленду в машину, обошел вокруг и сел за руль.

— Посмотри, это тебя заинтересует, — сказала она, развертывая газету, которую взяла на кофейном столике у Карнсов.

— Да, кстати, зачем она тебе понадобилась?

Гленда прочитала вслух заголовок:

— «Хозяин таверны застрелен».

— Ну и что?

— Это Эрик Бренц, — объяснила она. — На первой полосе его фотография. — Девушка протянула Чейзу газету.

Он принялся читать при свете уличного фонаря.

— Расскажи, что там, — попросила Гленда.

— В него выстрелили пять раз. Дважды в голову и трижды в грудь, причем с близкого расстояния.

— Боже мой! — воскликнула она, дрожа всем телом, и машинально потянулась за сигаретой, которую зажгла, но курить не стала.

— Сегодня в десять минут первого его обнаружила сестра.

— Это последний, вечерний выпуск, — заметила Гленда. — Он недавно вышел, и, наверное, там только короткая информация.

— Так и есть. Почти ничего не сказано, только как его нашли и где он жил — в городской квартире на Галасио, там прежде были поля для гольфа.

— Я знаю этот район. Дома там стоят впритык друг к другу. И никто ничего не слышал?

— Нет.

— А улики?

— О них ни слова, — сказал он.

— Что ты об этом думаешь, Бен?

— Это Судья, — сказал Чейз, абсолютно уверенный в этом, хотя подобный вывод его мало радовал.

— Ты не можешь так безапелляционно утверждать.

— И все-таки это он. Выходя в субботу днем из таверны, я был уверен, что Бренц знает человека, которого я описал, но мне так ничего и не удалось из него выудить. Он, наверное, пытался дозвониться Судье в субботу, когда тот караулил возле твоего дома. Но, похоже, не смог связаться с ним по меньшей мере до воскресенья, возможно даже, до воскресного вечера. Он, вероятно, попросил Судью зайти к нему сегодня утром и, видимо, намекнул о причине. У него было вполне достаточно времени сообразить, кто я такой, и он соединил все обрывки информации воеди-

но. Может быть, он собрался шантажировать Судью. Судя по виду Бренца, это явно не противоречит его принципам.

Гленда загасила сигарету в пепельнице:

— Все, не выношу больше даже запаха.

— А я уж удивлялся, почему целый день нас никто не преследует и не досаждает нам, — произнес Чейз. — Теперь, кажется, понял. Если Бренц позвонил Судье вчера и попросил зайти сегодня утром, при этом намекнув, для чего, то ему пришлось бодрствовать почти всю ночь. Возможно, Бренц позвонил ему как раз после того, как он подложил гранату в мою машину. Убив Бренца, он, вероятно, отправился домой и улегся отсыпаться. Я где-то читал, что сумасшедшие, совершив убийство, спят без задних ног от эмоционального перенапряжения.

— Если он весь день спал, — предположила Гленда, — то вскоре встанет и объявитсѧ.

— Да, — согласился Чейз. — Поэтому мы едем к тебе и запираемся до утра. Все равно раздобыть в школе список репетиторов по физике мы сможем не раньше девяти часов. Так что пока отдохнем.

— Да, поехали домой, — сказала она. — А то здесь, на улице, меня прямо-таки мороз по коже подирает.

— Ты же нудистка, — напомнил он, — и должна быть привычной к таким вещам.

— Это же мороз совсем другого рода. И вообще, Бен, прекрати острить. Я хочу, чтобы

меня отвезли домой и поили виски, пока я не усну.

— Заметано, — пообещал он.

По пути от дома, где прежде жил Майкл Карнс, их никто не преследовал.

Глава 13

Во вторник утром Гленда позвонила на работу и взяла второй отгул подряд. После того как они позавтракали, Чейз набрал номер школы и представился отцом мальчика, которому нужен репетитор по физике, чтобы подготовить его к экзамену в физическом колледже. Секретарша оказалась милой и услужливой. Через десять минут он получил фамилии четырех преподавателей, заинтересованных в такой работе.

— Двое из них фигурировали в прежнем списке, — заметила Гленда. — Значит, это либо Монро Каллинз, либо Ричард Лински.

— Не обязательно, — возразил Чейз. — Может быть, год назад школа рекомендовала других педагогов.

— Мы все сейчас узнаем, правда?

Он кивнул и снова снял трубку. Он набрал номер Монро Каллинза и стал ждать, представляя себе, что почувствует Судья, когда услышит голос Чейза и поймет: роли поменялись. Точнее, их поменяли, причем не случайно, а в результате упорного поиска, напряженных размышлений.

Никто не отвечал.

— Может быть, Судья торчит здесь, следит за домом?

— А если этот тип просто пошел покупать газету или отправился по другим делам? Попробуй позвонить другому.

Он отставил телефон, посмотрел на номер Ричарда Лински, затем снял трубку.

Снова никто не ответил на его звонок.

— Черт! — взорвалась Гленда.

Чейз вытер вспотевшие ладони о джинсы, которые она час назад погладила для него.

— Давай наберемся терпения. Мы попробуем позвонить еще раз около полудня, может быть, кто-нибудь из них явится домой на обед. — На джинсах Чейза остались темные полосы пота.

В течение следующего часа Гленда пыталась читать, усевшись с ногами в одно из кресел с плюшевой обивкой. Чейз тоже решил почитать, но только бродил вдоль книжных полок в коридоре, вынимал то один томик, то другой и тут же ставил на место. Казалось, он ищет какую-то конкретную книжку, на определенную тему, хотя ни о чем таком он не думал. Ему пришло в голову, уж не разыскивает ли он стеклянных собачек, спрятанных за книгами.

В одиннадцать зазвонил телефон.

— Я подойду, — сказал Чейз.

— А если это не он?

— Кто же еще?

— Ну, например, моя мама. Или кто-нибудь с работы. — Она встала, подошла к телефону, но не сняла трубку, а только смотрела на него, в бездействии слушая, как он звонит. Наконец решилась: — Нет, все-таки я сама.

— Ну, давай.

— Алло! — Гленда улыбнулась и прикрыла трубку рукой. Улыбка ее выглядела так, будто она отчеканена молотком на куске жести, твердом и начавшем ржаветь. — Мама, — прошептала она.

Чейз вернулся к книжным полкам и в конце концов выбрал иллюстрированную историю эротического искусства. Он не думал, что это возбудит его прямо сейчас, но там по крайней мере хоть читать было почти нечего.

Мать Гленды продержала ее у телефона минут пятнадцать. Положив трубку, Гленда сказала:

— Мама спрашивала, не слишком ли серьезно я заболела.

— А откуда она знает, что ты сказалась больной?

— Позвонила на работу, чтобы что-то мне рассказать, там ей и сообщили. — Она вернулась в свое кресло, взялась было за книжку, но тут же предложила: — Может, позвоним этим субъектам?

Он посмотрел на стенные часы в коридоре:

— Еще немного подождем.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Гленда. В следующие полчаса она зажгла и погаси-

ла четыре сигареты, хотя не сделала ни одной затяжки.

В полдень, когда они позвонили, ни одного из мужчин по-прежнему не было дома.

— Следующая попытка в три, — заявил Чейз.

Они немного поиграли в карты, вместе приняли ванну, что не привело ни к каким эротическим последствиям, немного посмотрели телевизор и снова попытались читать.

Но и в три ни один из абонентов не ответил.

В половине шестого — тоже.

— Я просто лопну от нетерпения, если мы не доберемся до них как можно скорее, — сказала Гленда. — Мне уже приходят на ум бредовые идеи, вроде того, что они оба Судьи.

— Я тебя понимаю, — признался Чейз. — Сам недавно искал в твоем книжном шкафу стеклянных собачек.

— Стеклянных собачек?

Прежде чем он успел объяснить, зазвонил телефон.

— Твоя мама уже звонила, а для сослуживцев поздновато. — Он снял трубку и сказал: «Алло».

— Не можете же вы вечно сидеть взаперти, — произнес Судья. — Рано или поздно придется выйти.

— Почему бы тебе не подняться к нам? — спросил Чейз. — Это бы решило твои проблемы.

Судья засмеялся:

— Ты все время недооцениваешь меня — или это такая шутка? В общем, я позвонил только сказать, что на время покидаю свой пост — иду домой, чтобы поесть и спать. Так что вы совершенно спокойно можете выйти за хлебом и молоком. — Он снова принял смеяться и долго не мог остановиться.

— А ты здорово уверен в себе, правда? — спросил Чейз.

— Почему бы и нет? Времени у меня хватит: я могу неделями ждать подходящего момента.

За долгие часы ожидания у Чейза хватило времени обдумать, что сказать Судье, если тот снова позвонит. Так что теперь все шло точно по готовому сценарию.

— А ты тщательно исследовал прошлое Эрика Бренца, прежде чем убить его?

Судья несколько секунд молчал, а потом резко и нервно заговорил:

— Я знал его так хорошо, что этого не потребовалось. Он уже многие годы заслуживает смерти.

— Но в особенности теперь, когда узнал про твои дела.

— Я убил его не по личным причинам, — сказал Судья. — Ты должен понять. Он был грешником, заслужил смерть — и, убив его, я облагодетельствовал общество. — От избытка эмоций речь Судьи стала нечленораздельной. Он повесил трубку.

Чейз сказал:

— Давай снова попробуем обзвонить номера.

— Думаешь, он звонил из дому?

— Думаю. Сейчас этот выродок уже не принимает никаких мер предосторожности.

Он позвонил Монро Каллинзу. Никто не ответил. Колеблясь, набрал номер Ричарда Лински; ответили после шести гудков. Чейз заставил человека на другом конце провода сказать «алло» несколько раз, но сам не отвечал. Когда Лински дал отбой, Чейз повесил трубку.

— Ну, что? — спросила Гленда.

— Это он, — сказал Чейз. — Настоящее имя Судьи — Ричард Лински. Известный репетитор по физике. Мы поймали его.

Чейз отнес сумку с вещами Гленды в комнату мотеля и поставил у изножия двуспальной кровати. Затем вернулся к двери, запер ее, проверил замок, накинул цепочку. Комната оказалась маленькой, но чистой и удобной. В ванной окна не было вовсе, а в единственном окне комнаты стоял кондиционер.

— Если никуда не высунешься, будешь здесь в безопасности, — сказал он.

— А если высунусь?

— Гленда...

Девушка стояла в дверях ванной, уперев руки в бедра, очень привлекательная в гневе.

Она уже больше часа была такой привлекательной, потому что именно столько времени злилась на него.

— Я знаю адрес Лински не хуже тебя и могу добраться туда прямо вслед за тобой, если возьму такси, как только ты уйдешь.

Он подошел к ней и положил руки ей на плечи. Она не сопротивлялась, но и не поощряла его.

— Гленда, ты же знаешь, как это опасно: он убил двух человек и грозился убить нас. Я обучен самообороне, а ты нет. Я был на войне, а ты нет. Все очень просто.

— Нет, все может быть еще проще, — сказала она. — Пойди в полицию.

— Я же сказал тебе, что пока не хочу.

— Но почему?

— Я должен удостовериться, что это Судья, что я ни в чем не ошибся. Не хочу, чтобы надо мной снова смеялись.

Она вся сжалась, отпрянула от него, потерпев поражение, но продолжала спорить, хотя уже и не так настойчиво:

— Бен, ты же можешь позвонить по телефону и высказать ему все на расстоянии, правда? Ты бы и так все быстро узнал.

— Я должен, — твердо сказал он.

Хотя он изо всех сил пытался убедить ее, что рассуждает здраво, но и сам толком не понимал мотивов своих поступков. Она совершенно права, но Чейз ощущал необъяснимую потребность увидеть Судью лично и сделать

развязку всей этой истории как можно более острой и внезапной.

— Если Лински виновен, его отпечатки со-впадут с отпечатками на ноже, которым уби-ли Майкла Карнса. Дать анонимную взятку полиции...

— Я должен так поступить, — повторил он, когда она иссякла, как старый фонограф.

Гленда, устав, всей тяжестью тела оперлась на него.

— Ну ладно, ладно. Но я бы предпочла, по крайней мере, сидеть у себя дома. Ждать здесь, в незнакомом месте, просто невыносимо.

— Я уже объяснил тебе, почему так надо, — сказал Чейз, обнимая ее и нежно поглаживая ей затылок. — Может быть, он все наврал, ска-зав, что намерен ужинать и спать. Может быть, он только и ждет того, что я выйду из кварти-ры, чтобы добраться до тебя.

— Но когда мы вышли, его не было, и по пути сюда нас никто не преследовал.

— И все же я не могу рисковать, когда речь идет о тебе. Теперь же он никак не мо-жет знать, где ты. — Он поцеловал ее, чуть-чуть небрежно, и выпустил из объятий. — Я должен идти, а то он уйдет из дома и я упущу его.

— Я буду тебя ждать, — неохотно произнес-ла Гленда, наконец садясь.

— Никуда не денешься, а то я позвоню в «Пресс диспач» и скажу, что ты вовсе не больна.

Она не улыбнулась его шутке, и Чейз счел это вполне естественным.

Он отпер дверь, снял цепочку и вышел на бетонную дорожку. Подождал, пока Гленда закроет дверь, запрет оба замка, и выехал из мотеля в своем «мустанге».

Впервые за много дней оставшись в полном одиночестве, он обнаружил, что его мысль блуждает по путям, которых он старался избежать. Однако спор с Глендой заставил его определить для себя, что, собственно, она для него значит и что с ним будет, если он ее потеряет. До этого он интуитивно чувствовал, что такой потери он просто не перенесет, но в этот момент должен был осмыслить причины, по которым ее смерть погубит его. Конечно, есть простая истина: он любит ее так, как еще не любил ни одной женщины, но случается, человек теряет возлюбленную, а потом все-таки находит счастье.

Дело не только в этом. Он должен был осознать и принять вторую причину, по которой ее смерть нужно предотвратить любой ценой: если она погибнет из-за Судьи, в этом будет косвенная вина Чейза. Не появясь он в жизни Гленды, Судья не узнал бы о ее существовании. Он, Чейз, навлек на нее опасность, и если не сможет оградить от нее возлюбленную, то вина, которая уже лежит на нем, во сто крат возрастет.

И тогда он сойдет с ума.

Глава 14

Без четверти восемь вечера Чейз припарковал машину в двух квартала от дома Ричарда Лински и прошел остатальной путь пешком, по противоположной стороне улицы. На углу, полускрытый за телефонной будкой, он оглядел местность, стараясь хорошоенько запомнить ее при свете, чтобы, когда он будетозвращаться сюда в темноте, можно было свободно ориентироваться. Это было чистенькое небольшое бунгало, второе от угла, в хорошем состоянии, недавно покрашенное: белое с изумрудно-зеленой отделкой и темно-зеленой черепичной крышей. Оно стояло на небольшом участке, тоже ухоженном, обсаженном низкой живой изгородью, такой ровной, что казалось, будто ее подстригают по линейке.

Он повернулся и двинулся по улице, перпендикулярной той, на которой стояло бунгало, нашел узкий проулок и прошел вдоль него достаточно далеко, чтобы увидеть заднюю часть дома Лински. Заднее крыльце, не такое большое, как широкая, крытая передняя веранда, вело к глухой, без окна, двери черного хода. Окна располагались по сторонам двери, оба занавешенные веселенькими, красными с оранжевым, шторами.

Чейз вернулся в «мустанг» и стал ждать, пока стемнеет.

Сначала он попробовал занять себя игрой в слова, потом послушал радио, но вскоре бро-

сил эти попытки. Он старался не думать о своем опрометчивом решении явиться сюда в одиночку, потому что не хотел ломать голову над побудившими его мотивами. Он вышел из машины и гулял неподалеку от бунгало, пока не стемнело.

К бунгало Чейз подошел по знакомому узкому проулку и пополз на четвереньках вдоль колючей изгороди к тому месту, где в ней был проход, ведущий к задней двери. Окна кухни светились, хотя Чейз никого и не увидел за ними. Он подождал десять минут, ни о чем не думая, расслабившись, как научился делать во Вьетнаме перед решительными сражениями; потом быстро двинулся вперед, перебегая от куста к кусту, лишь на миг останавливаясь у каждого. Достигнув заднего крыльца, он присел на корточки так, что от окон его отгораживали деревянные перила, ступеньки и само возвышение крыльца, тонущее в темноте.

Внутри радио играло инструментальные версии мелодий из бродвейских представлений; время от времени музыку прерывал довольно громкий неприятный голос, читающий рекламные объявления. Больше ничего слышно не было.

Чейз ненадолго отошел от дома и обследовал газон, расстилавшийся перед ним. Кое-где росли кусты и небольшие деревья, отбрасывавшие густую тень, стояла тачка, полная увядших петуний. Ничто не двигалось и не отражало света.

Чейз, убедившись, что вокруг никого нет, снова вернулся к дому, медленно пополз по ступеням на заднее крыльцо. Там стоял маленький журнальный столик и два кресла. Под ногой у него скрипнула доска, и он замер. На лбу выступили капли липкого пота; он непроизвольно вздрогнул, когда одна из них скатилась по щеке, мимо уха, на шею, точно таракан. Когда Чейз решился идти дальше, половица снова скрипнула, но он теперь был уверен, что Судья не ожидает его. Он подошел к стене дома и затаился между окном и дверью.

Жаль, что у него нет пистолета.

А что он здесь делает без пистолета?

Да просто пришел разведать. Он посмотрит на Судью, на Лински, и потом убежит, убедившись, что тот соответствует описанию — распутает эту нить и позовет полицию.

Чейз знал, что лжет сам себе.

Нагнувшись пониже, он поднял лицо к оконному стеклу и всмотрелся в крошечную освещенную кухню. Он увидел сосновый стол, три стула, соломенную корзинку с яблоками посреди стола, холодильник, плиту — но Судьи не было. Повернувшись, он прокрался мимо двери ко второму окну. Здесь перед ним предстало зрелище рабочей части кухни: банки с мукой, сахаром и кофе, полка с инструментами, полная разных половников, лопаточек и вилок, ящики для хранения продуктов, миксер, включенный в розетку, — но Судьи не было. Если только Лински не стоит пря-

мо за дверью, чтобы его не было видно — а это маловероятно, — он где-то в другой комнате.

Чейз открыл раздвижную дверь и отпрянул, услышав ее высокий, мелодичный, поющий звук, который, казалось, разорвал тихий вечерний воздух, как пушечный выстрел. Он наверняка всполошил хозяина.

Но никто не вышел посмотреть, в чем дело.

Скорее всего, громкая музыка заглушила шум.

Чейз взялся за дверную ручку и медленно повернул ее до упора, сделал глубокий вдох, чтобы немного успокоить нервы, и толкнул дверь. Она оказалась не заперта. Он быстро вошел в дом, оглядел пустую кухню и закрыл за собой дверь. Петли были хорошо смазаны: дверь ни разу не скрипнула.

В первый раз с того момента, как он задумал эту вылазку, Чейз почувствовал свою беззащитность, безоружность, и у него заболел затылок, как в тот раз, когда Судья стрелял в него и промахнулся. Он подумал, уж не попрыться ли в ящиках буфета возле раковины в поисках хорошего острого ножа, но тут же отбросил эту мысль. Во-первых, он сообразил, что, если начнет рыться в ящиках со столовым серебром, никакие скрипки и фанфары не заглушат шума. Во-вторых, этот поиск только отнимет у него драгоценное время: за эти минуты Судья может зайти в кухню, чтобы взять,

скажем, стакан воды, и наткнется на него; а ведь вся идея его предприятия заключается в том, чтобы застать Судью врасплох. К тому же он будет больше удовлетворен, если возьмет Лински голыми руками, а не с помощью безликого оружия.

Конечно, он не будет пытаться захватить Судью — если только тот не увидит его и другого выхода не останется, — потому что это дело полиции. Лучше всего застать Судью спящим, быстро опознать его, не разбудив, и тут же унести ноги. Лучше всего, если все пройдет спокойно.

Еще одна ложь.

Он постоял в коридорчике между кухней и столовой, потому что не знал, куда теперь идти; свет горел только в кухне и в гостиной. Через несколько минут он убедил себя, что никто не прячется за большим сосновым сундуком и под обеденным столом, и быстро пошел к открытой двери, которая вела в гостиную. Пол здесь был застелен толстым ковром, заглушавшим звук шагов.

Кто-то кашлянул. Мужчина.

Во Вьетнаме, когда выпадало особенно сложное задание, он умел сосредоточиться на его выполнении с целенаправленностью, какой больше никогда и ни в чем не достигал, становясь почти одержимым конкретной задачей. Сейчас ему хотелось выполнить свою задачу так же быстро, чисто и аккуратно, как тогда, но ему мешали мысли о Гленде, которая сидит

одна в незнакомом мотеле и ждет, когда он вернется.

Чейз понимал, что непозволительно оттягивает момент. Нельзя колебаться, надо войти.

Он согнул руки и сделал медленный вдох, готовясь к схватке, хотя точно знал, что ее не будет.

Снова ложь.

Самое умное, самое цивилизованное, что можно сделать, — это повернуть назад, по возможности тише пройти через темную столовую, потом через кухню, выйти в заднюю дверь и вызвать полицию.

Он вошел в гостиную.

В большом белом кресле у телевизора сидел человек с газетой на коленях. Очки для чтения в черепаховой оправе были сдвинуты почти на кончик его тонкого прямого носа; он напевал бодрую мелодию, которой Чейз не узнал. Человек читал комикс.

На миг Чейзу показалось, будто он совершил роковую ошибку, потому что ему в голову не приходило такое: маньяк-убийца предается столь будничному развлечению — сидит, погрузившись в новые похождения популярных героев комиксов. Потом человек поднял глаза и принял хрестоматийную позу крайнего изумления: глаза округлились, рот приоткрылся, лицо заострилось и побелело. И Чейз увидел, что этот человек в точности соответствует описанию Судьи. Высокий. Блондин. Резкое

лицо с тонкими губами и длинным прямым носом.

— Ричард Лински? — спросил Чейз.

Человек в кресле, казалось, прирос к своему месту — как будто манекен, который посадили туда, чтобы отвлечь Чейза, пока настоящий Судья, настоящий Ричард Лински, не подкрадется сзади. Иллюзия была такой полной, что Чейз чуть было не обернулся, чтобы посмотреть, действительно ли в столовой никого нет, или его страхи оправданы.

Человек в кресле с такой силой вцепился в листки газеты, будто они из стали.

— Судья? — спросил Чейз.

— Ты, — прошептал человек.

Он скомкал «стальные» листки и вскочил с кресла так проворно, будто сидел на гвозде.

— Да, — произнес Чейз, внезапно успокоившись, — это я.

Глава 15

Чейз знал, насколько важно сосредоточиться исключительно на выполняемой задаче, но во Вьетнаме он никогда не накручивал себя перед операцией. Слишком часто Конга не оказывалось там, где предполагалось, и поход заканчивался без единого выстрела. Люди накручивали себя, взвинчивали, исходя из того, что лучше справились бы с боевым заданием в таком состоянии, но оказывались разочаро-

ванными и не находили выхода своей нервной энергии. Чаще всего они срывали свое напряжение на ни в чем не повинном мирном населении, впадали в искусственную паранойю, временную шизофрению, при которой звук орудийной пальбы и запах горящих зданий служили как будто успокаивающим средством, благодаря которому их напряжение спадало и они снова обретали самоконтроль. Чейз лишь один раз позволил себе дойти до такого состояния — и операция провалилась; память об этом постоянно угнетала его.

Теперь, когда он наконец оказался лицом к лицу с Судьей, его способность владеть собой и сохранять спокойствие оказалась очень ценной. Столкновение не привело к немедленному насилию, как это, по его представлению, могло случиться.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Судья.

Он попятился от белого кресла по направлению к телевизору, вытянув руки в стороны и шевеля пальцами, будто пытался отыскать какой-нибудь предмет, которым можно воспользоваться как дубинкой.

— А ты как думаешь? — спросил Чейз. Он медленно двинулся к Лински, отрезая ему путь к отступлению.

— Тебе нельзя сюда.

Чейз промолчал.

— Это мой дом, — сказал Судья.

Когда Судья подошел к телевизору вплотную, Чейз остановился в десяти футах от него,

не сводя с него глаз и выжидая удобного момента. Он жалел, что дело дошло до этого, жалел, что ему не удалось как следует рассмотреть Судью, оставшись незамеченным.

Снова ложь.

— Больше никому нельзя сюда, — твердил Судья. — Это мой дом, и я хочу, чтобы ты убрался вон. — Казалось, он был в меру разозлен, вот только голос у него дрожал.

— Нет, — сказал Чейз.

— Убирайся!

— Нет.

— Черт бы тебя побрал! — воскликнул Судья.

Он стоял, вытянув руки в стороны, как крылья, и уже начинал плакать. Слезы выкатились из уголков глаз и оставили мокрые дорожки на щеках.

— Я хочу, чтобы ты немедленно подошел к телефону на той тумбе и позвонил в полицию, — велел Чейз. Но, уже произнося эти слова, он понимал, что это невозможно.

— Не буду, — возразил Судья.

— Будешь.

— Ты меня не заставишь, — сказал Судья. Говоря это, он медленно поворачивался и, произнеся последнее слово, схватил какой-то предмет, лежащий на телевизоре.

Чейз слишком поздно увидел, что это пистолет. Он не понимал, как мог упустить это движение Судьи. Должно быть, уже утерял былую хватку. Или подсознательно позволил

ему это сделать. Пока Судья вскидывал пистолет, к которому по-прежнему была приделана серая трубка глушителя, он шагнул вперед, но двигался недостаточно быстро. Пуля попала ему в левое плечо, он качнулся в сторону, потерял равновесие и повалился прямо на торшер, а затем вместе с ним рухнул на пол. Обе лампочки от удара разбились, и комната погрузилась почти в полную темноту, которую разбавлял только слабый свет далеких уличных фонарей, просачивающийся сквозь тяжелые шторы.

— Ты помер? — спросил Судья.

Чейзу казалось, будто в плечо забит гвоздь, вся рука онемела. Он чувствовал, что вдоль бока бежит кровь, но не хотел протягивать другую руку и выяснить, насколько серьезно ранен, — во-первых, потому, что, если рана и впрямь серьезная, он не желал знать об этом, а во-вторых, потому, что предпочитал, чтобы Судья думал, будто он умер или умирает.

— Чейз?

Чейз, затаившись, ждал.

Судья отлепился от телевизора и нагнулся, стараясь разглядеть тело Чейза среди теней и мебели. Чейз не был уверен, но ему казалось, что Судья держит пистолет прямо перед собой, как учитель, тыкающий указкой в классную доску. Это хорошо. Это делало его более уязвимым.

— Чейз?

Чейз с трудом приподнял с пола раненую руку, тяжелую и безжизненную, согнул ее в локте и положил ладонью на ковер; вторая рука уже находилась в таком же положении. Он чувствовал слабость, его лихорадило; внутри все переворачивалось, пот градом катил с лица и струился по позвоночнику. Он знал, что все это от шока, но когда Судья нападет, ему хватит сил одолеть его.

— Ну, как наш герой? — спросил Судья. Вероятно, он перестал плакать, потому что в его голосе послышался низкий, довольный смешок. — Хочешь, чтобы тебя снова пропечатали в газете? — Он засмеялся и сделал еще один шаг вперед.

Чейз оттолкнулся от пола и кинулся Судье под ноги, не обращая внимания на боль в плече. Он проскользнул под стволом пистолета, который Судья по-прежнему держал перед собой, как старуха, заподозрившая, будто в ее дом забрался грабитель.

Пистолет выстрелил, шипение глушителя было едва слышно на таком близком расстоянии; пуля ударила где-то в другом конце комнаты, не пройдя даже и близко от Чейза.

Они врезались в телевизор, стоявший позади; Судья задел его бедрами и сшиб с тумбочки. Телевизор ударился о стену, а потом о пол, дважды громко бухнув, хотя кинескоп и не разбился. Судья не смог упасть назад из-за того, что мешала мебель, потерял равновесие и рухнул на Чейза. Пистолет вылетел

из его рук и стукнулся о деревянную ножку кресла. Он попытался было полезть за ним, но Чейз крепко держал его и не собирался выпускать.

Перекатившись вместе с Судьей так, чтобы оказаться сверху, он ударил его коленом в пах. Лински вскрикнул, и его крик тут же перешел в сдавленный стон боли. Он попытался подняться и стряхнуть с себя Чейза, но ему едва удалось дернуться. Он снова заплакал.

Раненое плечо Чейза жутко саднило оттого, что он перекатился через него; у него было такое ощущение, будто кости уже сгнили. Превозмогая боль, он обеими руками ухватил Судью за шею, нащупал сонные артерии и, зажав их большими пальцами, не отпускал, пока не убедился, что убийца потерял сознание. Он встал, шатаясь взад-вперед, как пьяный. Лински лежал на полу, раскинув руки в стороны, теперь похожий на птицу, которая упала на землю и сломала спину о камень.

Чейз стер пот с лица. Его желудок, только что перекрученный, слишком быстро почувствовал себя свободным, и он подумал, что его сейчас стошнит. Однако он не мог позволить себе этой роскоши.

Снаружи проехала машина, полная орующих подростков, взвизгнув тормозами, свернула за угол, посигналила и двинулась дальше.

Чейз перешагнул через распростертное тело Ричарда Лински иглянулся в окно. Ни души.

Похоже, звуки борьбы не привлекли внимания за пределами дома.

Он отвернулся от стекла и прислушался к дыханию Лински. Оно оказалось неглубоким, но ровным.

Чейз направился было через комнату к другому торшеру, по дороге наткнулся на оттоманку, но потом-таки нашел лампу и зажег ее.

Он осмотрел свое плечо, ощупал дырку в мясистой части бицепса. Насколько он понимал, пуля прошла навылет. Через минуту он разглядит рану получше при более ярком освещении, а пока нужно обезвредить Судью.

Он вызовет полицию. Только не сразу. До этого ему нужно распутать еще пару нитей.

Глава 16

В ванной Чейз содрал с себя пропитанную кровью рубашку и бросил ее в раковину. Затем промыл рану и принялся останавливать кровотечение, губкой промакивая кровь до тех пор, пока она почти не перестала идти. Отыскав в аптечке спирт, вылил на рану полбутылки, чуть не потеряв от острой боли сознание. Некоторое время он стоял, опервшись на края раковины, и рассматривал себя в зеркало: круги под глазами стали темнее, белки глаз воспалились. Когда он почувствовал, что в состоянии двигаться, нашел ватные тампоны. макнул один из них в мерицолат и прижал к

ране. Сверху обложил ее оставшимися тампонами и заклеил широкой полосой пластиря. Далеко до профессиональной перевязки, но, по крайней мере, кровь не текла на пол.

В спальню он взял из шкафа одну из рубашек Судьи и кое-как влез в нее. Схватись они не десять минут назад, а сейчас — он бы на верняка оказался побежденным, потому что плечо и спина здорово онемели.

На кухне Чейз нашел большой пластиковый пакет для мусора, бросил туда окровавленные рубашку, полотенце и губку. Кусками туалетной бумаги и ваты тщательно вытер раковину и зеркало и тоже бросил их в пакет. Стоя в дверях, придирчиво оглядел ванную, решил, что не оставил следов, выключил свет и закрыл за собой дверь.

Вторая пуля Судьи не попала в Чейза, но вдребезги разнесла трехфутовое декоративное зеркало, которое висело на стене над баром в дальнем конце гостиной. Куски стекла валялись по всей комнате. За пять минут он собрал все крупные стекляшки, хотя сотни крошечных серебристых осколков по-прежнему блестели на ковре и на обивке стульев.

Пока он размышлял, как от них избавиться, Судья пришел в себя. Чейз подошел к стоящему посреди комнаты стулу, к которому он привязал убийцу бельевой веревкой, найденной в кухне. Стул был жесткий, с прямой спинкой и множеством завитушек, за которые оказалось очень удобно цеплять веревку. Су-

дья принял извиваться, пытаясь освободиться от пут, но вскоре понял, что это ему не удастся.

Чейз спросил:

- Где у тебя пылесос?
- Что? — Судья еще плохо соображал.
- Пылесос.
- Зачем он тебе?

Чейз сильно ударил его по лицу здоровой рукой.

— В подвале, — сказал Судья.

Чейз принес пылесос, включил его и собрал все кусочки разбитого зеркала, которые смог разглядеть. Через пятнадцать минут, удовлетворенный, он отнес пылесос на место.

— Что ты задумал? — спросил Судья. Он все еще пытался освободиться от веревки, как будто не убедился до конца, что это безнадежно.

Не ответив, Чейз поднял телевизор и поставил на тумбочку, всунул вилку в розетку и включил его. Он работал. Шла комедия положений, из тех, в которых папаша всегда полный идиот, мамаша немногим лучше, а дети — ушлые чудовища.

Потом он поднял торшер, на который падал, и осмотрел металлический абажур: погнулся, конечно, но по виду нельзя сказать, что погнулся недавно. Чейз вывернул поврежденные лампочки и вместе с большими кусками зеркала выбросил в пластмассовый пакет для мусора, где уже лежали окровавленная

рубашка и полотенце. Более мелкие стеклянные осколки он смел на страницу из журнала, и она вместе с самим журналом последовала в пакет.

— Где у тебя запасные лампочки? — спросил он у Лински.

— Не скажу.

— Скажешь, никуда не денешься.

Судья молчал, злобно глядя на Чейза. Чейз заметил, что, как и было задумано, на шее у Судьи не оставалось синяков. Он надавил пальцами достаточно метко и быстро, чтобы серьезно повредить ткани.

Чейз три раза ударил Лински по лицу тыльной стороной ладони.

— В кухне под раковиной, за коробкой стирального порошка, — сказал Лински и спросил: — Что ты хочешь всем этим доказать?

Чейз не ответил. Нашел лампочки, ввернул две в торшер, нажал выключатель, и они загорелись.

Вернувшись в кухню, он налил ведро воды, взял мыло, аммиачную жидкость от пятен и пакет молока — любимый пятновыводитель его матери — из холодильника. В гостиной, с помощью тряпки и всех трех веществ по очереди, он стер самые заметные пятна крови с ковра. Оставшиеся бледно-коричневые разводы терялись в длинном ворсе.

Потом он убрал все причиндалы, а тряпку тоже бросил в мусор.

После этого, встав посреди комнаты, он медленно осмотрел ее в поисках следов борьбы. Кровь он вытер, мебель поставил на свои места,битое стекло выбросил. Единственное, что могло привлечь внимание, — светлый квадрат в рамке сажи на стене, где висело зеркало.

Чейз вытащил из стены оба гвоздя; остались две едва заметные дырочки. Потом бумажным полотенцем прошелся по грязной раме, успешно затерев пятно на стене. Ясно, конечно, что здесь что-то висело, но можно подумать, будто сняли этот предмет несколько месяцев назад.

Судья наблюдал за его манипуляциями, не задавая больше вопросов.

Закончив, Чейз уселся на ручку кресла не подалеку от Судьи и сказал:

- У меня к тебе есть вопросы.
- Пошел к черту, — отрезал Судья.
- Почему?
- Я уже все объяснил.
- Объясни еще раз. — Чейзу казалось, что рука вот-вот отвалится, но сильная боль держала его начеку.

- Они были прелюбодеи, — сказал Лински. — Я следил за ними и наблюдал, пока не узнал наверняка.

- А почему тебя это беспокоило? Потому что Майк должен был быть твоим любовником?

Вероятно, Судья понял, что выхода нет, так же как нет надежды что-либо скрыть, и беспо-

лезно отрицать свое сексуальное извращение. Он признался:

— Это был красивый мальчик, и я ему как будто нравился. Но я сделал колоссальную ошибку, попытавшись сблизиться с ним. Это стало у меня почти манией — его юность, грация, которую с возрастом теряют, улыбка, энтузиазм, жизненная энергия. Мне не следовало все это начинать.

— И поэтому ты убил его.

— Нет, — сказал Судья. — Началось все из-за этого, но потом приобрело гораздо более серьезный оборот. — В его глазах появилась искра нездорового интереса, болезненное возбуждение. — Став следить за ним, я увидел, какой он безнравственный — и как безнравственно все поколение. На меня произвели удручающее впечатление эти собачьи свадьбы в Канакауэе. Вскоре я со всей очевидностью понял, что необходимо предостеречь молодежь, а иначе страна падет, как пал когда-то Рим.

Чейз почувствовал усталость: он надеялся услышать что-нибудь более свежее и оригинальное. Но похоже, у всех сумасшедших одни и те же идеи.

— И ты в одиночку собрался изменить нравственность всего молодого поколения, лишь показав ему, что бывает с... прелюбодеяями.

— Да, — сказал Судья. — Я знаю, что сам запятнан. Не думай, будто я слеп к собствен-

ной слабости. Но, начав этот крестовый поход, я бы смог расплатиться за собственные грехи и внести вклад в укрепление христианских устоев общества.

Чейз засмеялся.

— Не вижу ничего смешного, — сказал Судья.

— А я вижу. Тебе надо было познакомиться с родителями Майкла Карнса. Ты с ними никогда не встречался?

— Нет, — ответил Судья в недоумении.

Чейз все еще смеялся, но вдруг понял, что это нездоровий смех, слишком вымученный и напряженный. Он перестал смеяться и посидел молча, стараясь овладеть собой. Потом спросил:

— А что Бренц?

— Я знал его — в библейском смысле слова.

— Он был твоим любовником? — уточнил Чейз.

— Да. Но это был мелочный, мерзкий тип, да к тому же грозил мне разоблачением. То, что он сам замешан, его не волновало. Он говорил, что ему наплевать, пусть хоть весь город знает.

— У него правильное отношение к своим пристрастиям, — заметил Чейз.

— Выставлять напоказ собственный грех, упиваться им? Это, по-твоему, здоровое отношение?

— Гомосексуализм — грех только для тех, кто хочет так думать, — сказал Чейз. — Для

всех остальных это просто другой способ смотреть на мир.

— Ты испорчен, как и все остальные, — сказал Судья. — По крайней мере, я считаю его слабостью, чем он и является.

— Как давно вы с Бренцем были любовниками?

— Два года назад, — ответил Судья, — может, чуть раньше. После этого мы изредка виделись, но только по делам.

— Когда он позвонил тебе и рассказал, что я приходил и интересовался тобой?

— В воскресенье днем. Он назначил мне встречу в понедельник утром и сделал ошибку, намекнув, будто знает, в чем я замешан.

— А почему он не пошел прямо в полицию?

Судья предпринял очередную безрезультатную попытку освободиться от веревки, потом, запыхавшись, откинулся на спинку стула. Когда он снова смог говорить, то произнес:

— Ему нужны были деньги. Однажды, два года назад, он точно так же грозился разоблачить меня, и тогда мне пришлось от него откупиться.

— Я думал, у него денег больше, чем у тебя, — удивился Чейз.

— Он игрок по натуре. Почувяв шанс, он не мог им не воспользоваться.

— Ты застрелил его из этого пистолета?

— Да.

— Где ты взял гранату?

Лицо Судьи на миг прояснилось.

— Я майор запаса. Летом у нас были маневры, и мне ничего не стоило стащить гранату из металлического ящика, где они хранились. Я решил, что она может пригодиться; так и случилось.

Чейз нашел в столовой бумагу и ручку, прихватил с журнального столика большую иллюстрированную книгу об Африке и принес это все в гостиную. Он положил книгу на колени Лински, на нее бумагу, а на бумагу — ручку и сказал:

— Я привязал тебе каждую руку отдельно. Сейчас я освобожу твою правую руку и продиктую признание, а ты его напишешь. Если попытаешься выкинуть какой-нибудь финг, я из тебя душу вытрясу. Ты мне веришь?

— Верю, — сказал Судья.

Чейз продиктовал признание, убедился, что оно написано правильно, и снова привязал руку Судьи. Книгу он вернул на журнальный столик, ручку положил в ящик письменного стола.

— Тебе, должно быть, ужасно интересно, — сказал Судья. — Не знаю, как ты нашел меня, но это, похоже, захватывающая история, как раз для первой полосы газеты.

— В газету это не попадет, — сказал Чейз. — Во всяком случае, то, что связано со мной.

— Чепуха, Чейз. Чистейшая чепуха. Ты же знаешь, что никуда тебе не деться от первой полосы. Даже если не хочешь в этом призна-

ваться, ты — любитель рекламы, дешевый герой войны, который понюхал славы и теперь не может отвыкнуть.

— Нет, — возразил Чейз. — Ты ничего не понимаешь.

— Тебе нравится быть знаменитостью, верно? Ты убил всех этих женщин и детей...

— Не я один.

— А теперь каждый раз, когда в газете появляется твоя фотография, ты играешь на этом «геройстве». Кавалер медали за доблесть. Что за комедия, Чейз. Ты отвратителен.

— Я не хотел этой медали, — признался Чейз. Он и сам не понимал, с чего это ему вздумалось оправдываться именно перед Судьей.

— Ну да.

— Именно так.

— Но ты взял ее и машину, да еще пошел на торжественный обед.

— Потому что так я мог быстрее всего с этим покончить и вернуться к нормальной жизни. Стоило мне от чего-нибудь отказаться, пресса стала бы в десять раз любопытнее.

— Все это рационализм.

— Ничего подобного! — рявкнул Чейз. — Черт возьми, к чему мне быть героем? Я просто хочу жить счастливо, как могу, как умею. Никакой я не герой.

— Почему ты не сказал этого журналистам?

Чейз в волнении встал. Довольно, большие он не собирается обсуждать это.

— Ты правда собирался убить Гленду? — сменил он тему.

— Эту шлюху блондинку, с которой ты гуляешь?

— Гленду, — повторил Чейз.

— Конечно, — сказал Судья. — Она греховница, как и ты, как и девчонка Элленби. И я все равно смогу вас убить, вас всех, вынести вам должный приговор.

— Да?

— Ты же, надеюсь, не думаешь, что меня посадят в тюрьму? Меня отправят в психиатрическую больницу, на лечение. Правда, если мне подсунут доктора Ковела, я подниму вой до небес. — Он смеялся до тех пор, пока не закашлялся и из глаз не потекли слезы. — Я выйду оттуда, может быть, через десять или пятнадцать лет. Не станут же меня там держать до смерти. — Он посмотрел на бумажку, лежащую у его ног. — К тому же ты силой заставил меня написать признание, и на суде это могут учесть.

Чейз взял пистолет, лежавший на телевизоре:

— Ты сам делал глушитель?

— Да, — сказал Судья. — Ничего сложного. Кусок трубы нужного диаметра, инструменты из школьной мастерской — вот и все. — Он улыбнулся Чейзу. — И славное же вышло бы фото на первой полосе — ты стоишь надо мной с орудием убийства в руке, торжествующий и прославленный.

Чейз сильно ударил его тыльной стороной ладони. Когда у Судьи отвисла челюсть, он вставил пистолет ему в рот и спустил курок. Один раз.

Уронив пистолет, он отвернулся от мертвеца, прошел в ванную комнату и только поднял крышку унитаза, как его вырвало. Он долго стоял на коленях, выкашливая желчь, пока наконец раздиравшие его внутренности судороги не стихли. Он трижды спустил воду, закрыл крышку и сел на нее, вытирая со лба холодный пот.

Итак, дело сделано.

И никакой лжи больше не надо.

Награжденный медалью за доблесть, самой священной и ревностно охраняемой государственной наградой, он хотел только лишь одного: забиться в комнату на чердаке у миссис Филдинг и посвятить себя покаянию. Но ему этого не позволили.

Потом он встретил Гленду, и все изменилось. Уже и не могло быть речи о том, чтобы вернуться к затворничеству, отдалиться от происходящего вокруг. Теперь он хотел только покоя, любви и нормальной жизни. Ковел, полиция и Ричард Лински не давали ему этого. Газетчики, узнай они, что Чейз решил дело самостоятельно, тоже не дали бы.

Скрывая от самого себя, он, с момента своего решения прийти сюда в одиночку, знал, что собирается убить Лински именно таким образом. И когда он убирал следы борьбы в

гостиной, он знал об этом. Но признался себе, только когда спустил курок.

Обратившись к своей совести, он не обнаружил вины. Это не то что женщины в туннеле. Они не сделали ему ничего плохого, ничем не угрожали. Судья же отнял у него всякую надежду на покой.

Чейз поднялся и подошел к раковине. Он полоскал рот, пока не исчез неприятный вкус, потом вернулся к унитазу, сел на крышку и попытался обдумать все произшедшее.

Он не чувствовал вины, потому что другие люди загнали его в угол — и освободиться ему удалось лишь с помощью смертоносных навыков, полученных в армии. Он выиграл по их правилам. Чейз сожалел о содеянном, но чувство вины относилось лишь к тем вьетнамским женщинам, которые будут жить в его памяти, пока он не умрет. Теперь ему стало абсолютно ясно: он умышленно не заметил пистолета на телевизоре и принял пулю в плечо как заслуженное наказание, и одновременно она подтолкнула его к действию, на которое было трудно решиться. Ричард Лински был такой же жертвой всеобщего ханжества, как и он сам. Будь крутым на войне и дома — вот всеобщий принцип, и он стал приверженцем этой морали.

Больше ему не нужно быть героем.

Чейз встал и вышел из ванной.

В комнате он отвязал тело Ричарда Лински, и оно распростерлось на полу. Затем при-

нялся тщательно вытирая стул влажными бумажными полотенцами, и когда с него исчезли следы крови, поставил его на место, к обеденному столу, а полотенца бросил в мусорный пакет.

Осмотрев пистолет, Чейз обнаружил, что в обойме не хватает трех патронов, но тут уж он ничего поделать не мог. Впрочем, это вовсе не доказательство, что Судья стрелял в кого-то еще или что он не покончил жизнь самоубийством. Чейз вытер пистолет полотенцем и прижал к нему руки Судьи, чтобы оставить отпечатки.

Разделавшись с пистолетом, он стал искать два патрона, которые израсходовал Судья. Один застрял в плинтусе, и он выковырнул его, почти не оставив следа. Второй оказался за переносным баром, под пятном на стене, где прежде висело зеркало. Он извлек его вместе с большим куском стекла, не замеченным им раньше.

Тем же полотенцем он начал было вытираять все, до чего дотрагивался, но тут же спохватился. Ведь на всех вещах наверняка полным-полно отпечатков пальцев, и его собственные на их фоне вряд ли кто заметит. А вот если полицейские обнаружат, что дверная ручка чисто вытерта, они ни за что не поверят в самоубийство. Чейз решительно кинул полотенце в мешок с мусором.

Было без четверти двенадцать, когда он добрался до «мустанга» и положил в багажник пла-

стиковый мешок. Он сел в машину, завел двигатель и поехал по улице мимо бунгало Лински. Свет горел. И будет гореть всю ночь.

По пути в мотель он начал думать о Гленде и о том, что скоро, через час, он ляжет с ней в постель. На этот раз, он почти уверен, у него все получится как надо. Эта мысль, да еще осознание того, что Судья навсегда исчез из их жизни, помогла освободиться его духу, разорвала все путы — он чувствовал себя так, будто парит в небе. У него кружилась голова, и он думал, когда лучше сделать ей предложение; у него не было более сильного желания, чем жениться на ней.

Нет, он не забыл операции «Жюль Верн». Просто теперь Чейз со всей очевидностью понял, что он — жертва общества, так же, как те вьетнамки были их жертвами. Вина может быть разбавлена надеждой и счастьем, даже для него.

Снова подумав о Гленде, он представил ее своей женой, и ему это очень понравилось. Через несколько лет у них, возможно, будет ребенок. Один ребенок. Он не хочет, чтобы она превращалась в родильную машину. А если это будет мальчик, никто из Них не доберется до него, никто из Них не заберет его, когда ему исполнится восемнадцать, и не научит убивать. Общество научило Чейза быть крутым — что ж, в случае необходимости он воспользуется этим своим умением, чтобы защитить дорогих ему людей.

Гленда ждала в комнате, сидя на кровати перед включенным телевизором. Услышав его стук, она отперла дверь, откинула цепочку, подозрительно выглянула в коридор и заулыбалась.

— Что произошло? — спросила она, приглашая его в комнату.

Чейз начал расстегивать на ней блузку, в полной уверенности, что у него все получится. Он слегка дрожал, но надеялся, что она этого не заметит.

— Он застрелился.

— Что?

— Приехав туда, я долго крался в дом, тихонько пробрался в гостиную и увидел, что он лежит мертвый. Он оставил записку.

— А почему ты так долго?

— Я не решился войти в дом раньше десяти часов. А когда нашел его, то пришлось сесть и все хорошенько обдумать. Потом я стирал свои отпечатки с дверной ручки и всего, что трогал, долго и осторожно выбирался из дома, на случай, если кто-нибудь из соседей заподозрит неладное.

— Ты уверен, что он умер?

— Да.

Она подошла к нему, положила руку на плечо, прямо на временную повязку:

— А это что такое?

— Я упал и поранился.

Она помогла ему снять рубашку и развязала повязку:

— Чем поранился?

— Порезался о разбитое зеркало, — сказал он, чувствуя, как подступает тошнота. — Я разбил у Лински зеркало и порезал руку.

— Пойдем в ванную, — сказала она.

Кровь перестала течь и запеклась черной уродливой коркой. Гленда осторожно промыла рану и разорвала одну из наволочек на бинты:

— Надо показаться доктору.

— Ничего, это ерунда, — отмахнулся он. Когда она кончила его перевязывать, он взял ее лицо в свои ладони и спросил: — Гленда, выйдешь за меня замуж?

— У тебя шок, — сказала она. — Не делай предложения прежде, чем у тебя прояснится в голове.

— Если ты сейчас же мне не ответишь, — в шутку пригрозил он, — я закричу во весь голос.

Она улыбнулась, но сразу поняла, что он говорит серьезно.

— Ты даже не сказал, что любишь меня.

— Правда? Вот глупость. Конечно люблю, и ты знаешь об этом. И должен тебе признаться, что, кажется, с этого момента могу любить тебя также и физически. — Он улыбнулся ей. — Выходи за меня замуж.

Она стояла, расстегивая бюстгальтер, потом сбросила юбку и трусики.

— Ну, ответь же мне, — нетерпеливо потребовал он.

— А я и отвечаю, — произнесла она. — Я отвечаю самым определенным образом, на который способна. Пойдем в постель, дорогой.

Позже, намного позже, когда они лежали рядом на кровати мотеля, Гленда сказала:

— Я хочу, чтобы ты завтра же собрал свои вещи и переехал ко мне.

— А что подумает твоя мама?

— Ей придется смириться с фактом, что девочка выросла. К тому же ты, как я поняла, хочешь жениться на мне, а не жить во грехе.

— Договорились, — согласился Чейз. — Это будет первое, что мы сделаем утром; вещей у меня почти нет.

Теперь-то уж, подумал он, у него хватит решимости сказать миссис Филдинг, чтобы она застегнула ворот своего треклятого халата.

Кунц Дин
K91 Погоня: Роман / Пер. с англ. О.Я. Баращ. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2003. — 252 с.

ISBN 5-227-01213-X

Бенжамин Чейз, герой вьетнамской войны, человек с надломленной психикой, случайно становится свидетелем убийства. Убийца, которому удалось скрыться, угрожает Чейзу по телефону. Маньяк называет себя «Судьей». Он выносит Бену смертный приговор. Чейз пытается обратиться в полицию, но ему не верят, считая, что это плод фантазии психически неуравновешенного человека...

**УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)**

Литературно-художественное издание

**Дин Кунц
ПОГОНЯ**

Роман

Ответственный редактор *В.И. Мельник*

Редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Изд. лиц. № 065372 от 22.08.1997 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 24.09.2003

Формат 70x90^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 9,57

Доп. тираж 9 000 экз. Заказ № 4133

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов

во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДИКИЙ ПОГОНЯ

Бенжамин Чейз вернулся с войны человеком с надломленной психикой. Неожиданно он становится свидетелем расправы над влюбленной парочкой. Бен вмешивается, и благодаря ему девушка спасается, а преступник бежит. Вскоре он находит Чейза. Маньяк-убийца оказался сумасшедшим, который считает себя вправе карать людей за их грехи. «Судья», как называет себя убийца, выносит Бену смертный приговор. Чейз обращается за помощью к полиции, но там, узнав, что он проходит лечение у психиатра, ему не верят. Бывший солдат вынужден один противостоять маньяку...

ISBN 5-227-01213-X

9 785227 012148

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®